

АЛТАЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ
АЛТАЙСКАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

АЛТАЙСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК XVI

Барнаул
1995

Всесоюзный журнал

АЛТАЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ
АЛТАЙСКАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

АЛТАЙСКИЙ
СБОРНИК
ВЫПУСК XVI

Издание
М. К. Щеглова

Барнаул-1995

Редакция:

Скубинский В. А. - отв. ред., Добрикова А. В.,
Старцев А. В., Шамшин А. Б.

Сборник напечатан за счет средств:

Алтайсбербанка
Алтайпромбанка
Фирмы "Гурман"

Культурно-коммерческого центра "Пенаты"
Туристско-коммерческой фирмы "Спутник"

НИИ гуманитарных исследований при Алтайском государственном университете

АЛТАЙСКИЙ
СБОРНИК
ВЫПУСК ХХІ

© Алтайское отделение Всероссийского фонда культуры, 1995

Издательство
Алтайского государственного университета

А. Д. СЕРГЕЕВ

О КРАЕВЕДЕНИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

1. Краеведение - составная часть потенциала науки и культуры

Краеведение определяется как познание, изучение (ведение) определенной территории - края, области, т. е. изучение природы, населения, хозяйства, истории, культуры местного края. Следовательно, краеведение может быть географическое, историческое, топонимическое, археологическое, экологическое, литературное, фольклорное, ботаническое... Подобным изучением заняты местные (краевые) государственные учреждения (Советы народных депутатов, администрация, их отделы; государственные музеи; НИИ; объединения, СП), это так называемое официальное (государственное) краеведение.

Изучают край общественные силы - отдельные краеведы, самостоятельные общества (Географическое, ВООПИиК, Общество охраны природы, Краеведческая ассоциация, Демократический фонд), различные клубы, профсоюзы, кооперативы. Это так называемое общественное краеведение. Существует краеведение школьное, вузовское (учебное), а также академическое (научное). Поэтому часто краеведение именуется наукой об изучении и исследовании родного края. Наиболее точное определение краеведению дал академик Сергей Федорович Ольденбург в 1927 г.: "Краеведение есть массовое научно-культурное движение". Краеведение развивается на местах, в более или менее структурно очерченных территориях. Краеведение есть единое понятие, одинаковое, единообразное явление для любого региона, но оно допускает различные формы применения, совершенствования, разнообразия своего существования и действия в зависимости от условий региона, исторической, национальной жизни, сложившихся традиций общезнательства. В рамках административных границ краеведение занимает видное место в потенциале науки и культуры.

2. Из истории краеведения

Краеведение в Алтайском крае как общественное явление зародилось и стало проявлять себя с середины XVIII столетия, когда был организован первый в России

минеральный кабинет (музей) при конторе Кольвано-Воскресенского горного округа. Это официальное краеведение объединяло деятельность в первую очередь горных специалистов и обслуживало нужды кабинетского хозяйства. В 1891 г. произошло объединение общественных сил в деле изучения края, было образовано "Общество любителей исследования Алтая", оно в 1902 г. перешло на устав Географического общества и существует до сих пор как Алтайский филиал Географического общества. Общество имело свой орган - "Алтайский сборник", издавало другие краеведческие книги. Стало развиваться и краеведение школьное. Особого развития общественное и государственное краеведение достигло в 20-е годы, после первой Всероссийской научной конференции по краеведению (декабрь 1921) и создания ЦБК - Центральное бюро краеведения. В начале 30-х годов общественные краеведы, как и многие другие, подверглись гонениям, ЦБК было реорганизовано и закрыто; государственное краеведение перешло в ведение местных госпланов, стало заорганизованным; продолжало развиваться краеведение школьное с большим методическим уклоном педагогического содержания. Тяжело было и для местного музееведения.

В последние десятилетия краеведение оправилось.

3. Состояние краеведения в настоящее время

Перестройка общественной жизни, происходящая в нашей стране, должна способствовать консолидации специалистов, патриотов, краеведов, всех людей (работающих в сфере государственного-общественного-школьного краеведения), заинтересованных в дальнейшем социально-экономическом прогрессе Алтайского края. В текущие годы Алтайский край формируется в саморазвивающуюся территориальную единицу, и краеведение должно способствовать превращению его в сильный регион в составе сильной Российской Федерации. Сейчас краеведение выходит на перепадные позиции в деле демократического обновления жизни, становится влиятельной современной силой местного общества. Однако мы должны отметить, что краеведческое движение переживает сложный период. Более того, как отметил президент-организатор Российской Академии наук академик Ю. С. Осипов, в России "мало серьезных исследований по краеведению, роль ко-

торого в национальном самосознании неопределима, по которому находится у нас в жутком состоянии" (Известия, 1991, 23 ноября, с. 9).

Совершенно отсутствует финансово-материальная сторона развития алтайского краеведения, нет единого центра хотя бы по "согласованию" каких-либо затрат на краеведческую деятельность. Проблемы краеведения необходимо рассматривать в развитии других учреждений культуры, образования, общественной жизни. В укреплении материальной базы нуждаются музеи края, их филиалы. Краевое книжное издательство перестало издавать краеведческую литературу; нет краеведческих пособий для учебных заведений, школьников, студентов. В ущемленном положении оказалась охрана памятников истории и культуры, положение здесь почти катастрофическое. Очень слабая и некомпетентная краеведческо-пропагандистская работа на радио, ТВ, в газетах. В плохом состоянии находятся городские и районные архивы - основные хранители письменной памяти всей жизни нашего края. В зачаточном состоянии процесс по изучению исчезнувших и исчезающих населенных пунктов; по сбору "устной" истории (т. е. записи воспоминаний старожилов, земляков, "быкалых" людей); нет координирующего этнографического центра. В очень отсталом состоянии находится школьное краеведение, нет программы его развития, нет и организационно-методического центра (хотя школьное дело, кажется, наиболее поддается единообразию). В плохом состоянии находятся школьные музеи, хотя их воспитательная и нравственная роль велика.

Фонды школьных музеев хранятся очень плохо, масса бесценного материала гибнет. В краевой библиотеке нет единого краеведческого каталога, который включал бы литературу краеведческого характера, имеющуюся в библиотеках и краеведческих учреждениях края, а также за его пределами. В краевой библиотеке необходим читальный зал краеведческой литературы. В развале туристско-краеведческого обслуживания местного населения из-за удорожания стоимости путевок по своему же краю. Нет специальных краеведческих отделов в органах массовой информации (кроме журнала "Алтай").

Развитие краеведения в Алтайском крае следует считать неудовлетворительным. Объединение усилий по

улучшению краеведческого движения диктуется жизненной необходимостью.

4. Краеведческие объединения

Кто занимается краеведением в Алтайском крае? Со стояние краеведения в том или ином крае, его размах, действительность, общественная значимость определяются участием государственных органов, общественных сил и органов народного образования в разрешении проблем социально-экономического развития нашего региона, административно-территориальной единицы.

Официальное (государственное) краеведение. Административные, хозяйственные органы, учреждения культуры несут основную краеведческую "нагрузку". Все эти организации работают в крае, исходя из нужд края, создают местную инфраструктуру, создают, собственно, все то, что мы понимаем под Алтайским краем. (Из числа "красных" организаций, учреждений мы должны исключить чисто организационные и сугубо функциональные органы, например, юридический отдел - его деятельность фактически не зависит от краеведческих проблем, или, например, служба безопасности и ряд других).

Например, плановый отдел (комитет или др. наименование) является ведущим в системе краеведческих учреждений. Его успех зависит от знания края его сотрудниками всех его возможностей, и если структурно, функционально плановый отдел может строить свою работу по унифицированной программе (документам, методикам), так же, как, например, и в Новосибирской области или в Омской, то содержание этих программ должно быть краеведным. Территория, земли (почва, климат), полезные ископаемые, порайонное размещение объектов, учет расселения, транспортная сеть, этнические особенности, географический фактор и т. п. краеведческие особенности должны быть положены в разработку планов развития края. Плановые органы используют в своей работе специализированные учреждения, некоторые находятся в их ведомстве. Это различные НИИ, опытные станции, лаборатории. Приведем пример.

Институт водного хозяйства и экологии СО РАН. Наряду с "чистой наукой" институт занимается разработкой крупных краеведческих программ, одна из них - "Комплексная программа бассейна р. Алей"; были проработки по системе Катунской ГЭС; по отдельным экологическим

программам и др. Только на основе краеведческих знаний возможны подобные разработки.

Институт садоводства Сибири. Деятельность этого НИИ хорошо известна, это полностью краеведное учреждение, работающее на регион Сибири. И даже сугубо теоретические научные проблемы явно работают на краеведение, ибо районирование сортов зависит и от чисто биологических возможностей организмов.

Новый институт горного природопользования пытается быть не только НИИ, но и краеведно-практическим по освоенно северных предгорий Алтая.

Один из специализированных отделов управления народным хозяйством края - Комитет по статистике - в последние годы очень сильно выдвигается в один из самых краеведных учреждений официального краеведения.

Краеведными являются Алтайская озерно-речная лаборатория, Кулундинский филиал лесо-мелководного НИИ, Озерная и оводненная станции; Зап.-Сиб. овощно-картофельная станция и др. Сюда относятся геолого-разведочные экспедиции и партии, обсерватория и ее метеостанция, Система местного хозяйства, экологическая служба, санитарно-эпидемиологическая служба... - все это краеведные учреждения. Трудно даже перечислить те государственные органы, отделы, управления, комплексы, предприятия, НИИ, подразделения краеведного направления. Поэтому очень желательно разработать (составить, собрать "водило") таблицу, перечень, схему краеведных учреждений с показом (на схеме) содержания их работы, "глубины" краеведческих программ, их проблемы, их возможности (финансовые, материальные, кадровые, пропагандистские), их использование в краеведческом движении. Еще никто не ставил проблему изучения государственного (официального) краеведения в рамках краеведения как такового. Здесь она выдвигается впервые, и автор (Сергеев А. Д.) готов сотрудничать в разработке названной темы с каким-то "локальным". Работа очень кропотливая, но будут выявлены возможности краеведного вклада учреждений края в его социально-экономическое развитие. После подобного исследования влияние краеведения (т. е. использование возможностей "избытков" государственного краеведения) на состояние и развитие научного и культурного потенциалов края неиз-

римо возрастает (иначе говоря, о возможностях гос. организацией будут знать краеведы).

Краеведение общественное. В общественной жизни краеведение, как правило, воспринимается как деятельность общественности, интеллигенции, ученых, учителей, энтузиастов, краеведов, патриотов, "художков". И это на самом деле так, ибо направление деятельности т. н. государственного краеведения носит "скрытый" характер, там знания специалистов являются содержанием работы самого учреждения как его функции. Краеведы же общественники должны "говорить" о своей деятельности, для них краеведение является делом личным, не обязательным для других, тем более для госучреждений.

В краеведении общественном основную роль играют добровольные объединения граждан в различных общественных организациях, клубах, ассоциациях, обществах, центрах.

Общество охраны природы - одно из старейших общественных объединений страны. Задачи его общезвестны, но в последние годы они носят государственный характер, напрямую завися от Госприроды. Это абсолютно краеведческое общество пока носит официальный характер.

Общество охраны памятников истории и культуры. Задачи определяются уставом, но это исключительно краеведческое общество. Проблемы выявления, изучения, пропаганды памятников истории и культуры стали в последние годы злободневными. Однако краеведческую природу этого общества надо утверждать, ибо на него незаконно возлагаются функции охраны памятников. Однако охрана памятников возложена на Администрацию и ее комитет по культуре. Охрана памятников - государственная функция, а ВООПИиК необходимо вернуть облик пропагандистского и краеведческого общества.

Географическое общество. В Барнауле существует филиал Географического общества РФ, в Бийске есть отдел, в Рубцовске и Кулунде - группы Географического общества. Это старейшее краеведческое общество в Алтайском крае (возникло в 1891 г.). Помимо чисто научных (индивидуальных) интересов, его члены проводят большую работу по краеведению, детально изучают край в различных аспектах (гидрология, спелиология, гляциология, ботанические изыскания, медицинская география,

инженерная география, а также географическое и историческое краеведение, топонимия края и т. д.). Общество выходит с предложениями в государственные органы, организует разнообразные географические и краеведческие конференции, издает краеведческие сборники. Членство индивидуальное (раб. т.: 22-12-90).

Общество "Мемориал". Создано специально для общественной реабилитации жертв государственных репрессий для граждан края. Деятельность "Мемориала" носит пока ограниченный характер.

Алтайский центр Демидовского фонда. Общественная организация создана в 1991 г., ставит задачу способствовать восстановлению культурного наследия, исторических памятников, духовных ценностей, ведения (частного) хозяйства и предпринимательства в Алтайском крае. Фонд - краеведческое объединение, научно-практические темы его деятельности: изучение опыта сибирского предпринимательства Демидовых; архитектурно-исторические, археологические исследования и участие в реставрации памятников промышленного зодчества в Алтайском крае; изучение движения старообрядцев в Сибири (культурологический аспект); изучение и восстановление народных промыслов; подготовка исторических справок и обоснований для развития туризма по линии сибирских крепостей XVIII столетия; издание т. н. Демидовского краеведческого альманаха и ряд других тем и проблем краеведения. Фонд только создан и требует поддержки.

Существуют другие краеведческие объединения - экологический союз, общество возрождения Алтая, объединение Сибирского казачьего войска, клубы и фонды. При Алтайском правлении Российского фонда культуры работает объединение краеведов: Алтайская краевая краеведческая ассоциация, она была создана на краевой конференции краеведов 27 декабря 1989 г. и входит в Союз краеведов России. Возглавляет ассоциацию координационный совет, он состоит из краеведов-общественников, а также из представителей от краеведных обществ, музеев, архива, краевой библиотеки, вузов. В ассоциацию входят ВООПИиК, Географическое общество, музей, библиотека, представители комитета народного образования, "Мемориала", фондов и других краеведных объединений. Все эти общества и учреждения не меняют свой статус и не приспосабливают его к ассоциации, они работают, как и

работали, самостоятельно, общества остаются со своими членами в неприкосновенности, со своими уставами. Ассоциация формально объединяет лишь их краеведческие интересы, но дает возможность каждому краеведу и всем вместе реализовать творческие полные возможности, потенциал, без ущерба групповых интересов. Объединяется социальный и нравственно-гуманистический смысл краеведческого движения, его ценность и историческая преемственность, поскольку на краеведческий музей, ни комитет по культуре Администрации края не несут "ответственности" за состояние и развитие краеведческого движения. Координационный совет взял на себя общественные функции по защите прав и интересов краеведческого движения на современном этапе. Создание Алтайской краевой краеведческой ассоциации есть необходимый и закономерный путь развития алтайского краеведения, способный удовлетворить индивидуальный интерес творческой личности и вместе с тем ее единение с обществом, его целями и смыслом его существования. Краеведческая ассоциация ставит задачу объединения краеведческого движения, слить в единый поток три направления краеведения - государственное, общественное и учебное в целях гармоничного развития производительных сил Алтайского края. "Люби, знай Алтайский край и умножай его богатство" - таков девиз краеведческой организации.

За три года существования координационный совет краеведческой ассоциации провел ряд мероприятий по объединению интересов краеведческой общественности. Организовано две научно-практические конференции "Ползуновские чтения", одна общекраеведческая конференция по проблемам краеведения Солонешенского района, одна краевая конференция юных археологов, одна научная сессия ассоциации по теме "Историческое наследие городов и сел Алтайского края", ряд собраний краеведов, три полевых экспедиции, подготовлен ряд документов, записок в различные учреждения, разработан ряд программ. Большие контакты в работе с ВООПиК, с Географическим обществом, музеем, краевой библиотекой, с вузами.

Следует отметить известные достижения в издательской деятельности. За эти же два года подготовлены и изданы две брошюры "Ползуновские чтения", брошюра

"Вестник Алтайской краевой краеведческой ассоциации" (№ 1; № 2 - в типографии, № 3 подготовлен), брошюра "Памятники градостроительства и архитектуры Алтайского края" (авт. Т. М. Степанская), а также был возобновлен (восстановлен) и издан "Алтайский сборник" вып. XIV (этот сборник был закрыт в 1930 г. как краеведческий орган), подготовлен и издан "Алтайский сборник" вып. XV. Алтайская краевая краеведческая ассоциация пока ищет формы своей деятельности по объединению краеведческого движения, она заслуживает поддержки. Пока ее поддерживает Алтайское правление Российского фонда культуры. Однако координационный совет должен быть непосредственным содействием комитета по культуре Администрации края по проблемам краеведения. (Размещена: ул. Ползунова, 41, т. 23-42-12 - по четвергам во второй половине дня).

Учебное краеведение. Специфической формой в государственного, и общественного краеведения является краеведение учебное (школьное и вузовское). Как и любое другое направление, школьное краеведение ставит задачу всестороннего изучения своего края, но в процессе учебной, внеурочной и внешкольной работы и под руководством учителя. Школьное краеведение определяется как учебными программами по отдельным дисциплинам (учебное краеведение), но в основном - воспитательными задачами школы.

Школьным краеведением занимаются учителя, и оно держится исключительно заботами учителей-энтузиастов краеведения.

Школьным краеведением руководит комитет по народному образованию Администрации края;

институт повышения квалификации и усовершенствования учителей;

краевая станция юных натуралистов;

краевой Дворец пионеров и школьников (отдел краеведения).

Однако следует заметить, что нет единой комплексной программы по развитию школьного краеведения в Алтайском крае.

Научное (академическое) краеведение. В обычных разговорах, в статьях, выступлениях иногда употребляется термин "научное краеведение". Под ним подразумева-

ются лица и группы, занимающиеся краеведческой деятельностью в вузах или тогда организуются как-либо научно-практические краеведческие конференции. При этом обычно подразумевается, что в работе (деятельности) принимают участие ученые - профессора, доценты, кандидаты наук, научные сотрудники. Здесь есть, мне кажется, известное недоразумение.

Краеведение в вузе должно носить наименование учебного (вузовского, в отличие от учебного школьного), а не научного. На самом деле: инструктор-методист по туризму ведет занятия в вузе по одному из учебных курсов краеведческого цикла, как теоретический курс, так затем и летнюю практику. Это обыкновенный учебный процесс, обыкновенный учебный (вузовский) курс. Что здесь "научного?" Далее, доцент (кандидат наук) ведет также (тот же, допустим) курс по туризму и краеведению, та же программа, объем, цели и т. д. Что здесь "научного", хотя курс в данном случае ведет ученый. Значит, не уровнем "образованности" ("научности") преподавателя определяется понятие "научное краеведение", а содержанием, глубиной самого курса, программы, темы, тем проблем, что в них заложены. Но эти программы создает кто-то. Вот тот "кто-то", собственно, занимается краеведением научным. (Кстати заметить, создателем программ может быть и наш инструктор-методист, и тот самый доцент. Но это к слову).

Здесь мы должны согласиться с предложением академика Д. С. Лихачева о том, что "преподавать краеведение, руководить этой работой нельзя на distantном, любительском уровне. Необходимы развитие теории краеведения, разработка учебных программ, достаточно гибких, чтобы они могли применяться в каждой местности. Теория краеведения должна быть предметом изучения в гуманитарных и педагогических вузах..." (см.: Отечество. Краеведч. альманах. N 1, М., Профиздат, 1990). Но "теория краеведения" не есть принадлежность вузов, где изучается краеведение, это самостоятельное направление науковедения, "науки краеведения".

Научное краеведение - это сфера, направление и краеведения, которое занимается собственно краеведением как научной дисциплиной; разрабатывается теория краеведения, концепция, программы, курсы, темы, направления, содержание того или иного подразделения краеведе-

ния (государственное, общественное, учебное), разрабатываются методики, формы деятельности, формы преподавания, особенности содержания отдельных научных дисциплин в краеведческих программах (по истории, географии, охране природы, охране памятников и т. п.); сюда же относятся научные и методико-педагогические проблемы подготовки кадров и многое другое. Научное краеведение - это проблемы науковедения "науки краеведения", историография краеведения, история краеведения (как научной дисциплины) и история краеведческого движения. В понятие научного краеведения входит разработка проблем взаимоотношения "составных частей" краеведения (государственного, общественно-школьного), проблемы взаимодействия общественных краеведческих объединений и государственных предприятий краеведного содержания и их деятельности. Проблемы научности пропаганды и издательской деятельности включаются сюда же. Кроме всего прочего - обязательное "присутствие" философии краеведения, т. е. понимание краеведения как одного из компонентов знания, разума. Иначе говоря, само краеведение есть определенная сфера человеческой деятельности, функция "научного краеведения" состоит и в выработке теоретических представлений (положений, позиций), по формированию комплексного объективного представления (знаний) о местном крае.

Научное краеведение, таким образом, изучает закономерности функционирования и развития краеведения как знаний о каком-то крае, структуру и динамику краеведения как науки и как общественного массового движения, процессы взаимодействия краеведения как научной дисциплины с другими науками и с человеком (т. е. духовным развитием).

5. Краеведческие программы

Научное краеведение (в Алтайском крае) способно выработать собственную концепцию объединения краеведческого движения и научные программы развития краеведения Алтайского края. Напомним некоторые программы, уже существующие (обнародованные) по отдельным проблемам.

Программа "Серебряное ожерелье Алтая". Речь идет об особом виде памятников истории и архитектуры - о сохранившихся остатках Алтайского горно-металлургического мануфактурного комплекса. В наиболее общем виде

она имеет следующее содержание (лишь части программы): 1. Вводные положения: постановка и формулировка проблемы (здесь и соответствующая расшифровка)... 2. Историческая часть: ... 3. Современное состояние: ... 4. Реализация комплексной программы: ... 5. Заключение, будущее программы: ... 6. Библиография. Программа включает разнообразные темы природоохранного содержания, истории, туризма и проблем воспитания краеведности, патриотизма. К осуществлению программы могут быть подключены не столько краеведы, сколько специалисты и профессионалы самых разных профессий. (Основное содержание см.: Охрана и использование памятников истории горного дела и камеретного искусства Алтайского края. Тельси. Барнаул, 1986, с. 24-27).

В 1991 г. к данной Комплексной программе разработана специальная программа археологических исследований по памятникам "Серебряного ожерелья Алтай". Здесь возможны следующие направления полевых исследований (напоминаю - не памятников археологии, а объектов XVIII-XIX столетий): 1. Рудники; 2. Гидросиловые установки; 3. Промышленные предприятия; 4. Ранние русские поселения на Алтае; 5. Объекты, связанные с историей исследования Алтая и его рудных богатств. Намечены первоочередные задачи, перспективы музеефикации. И самое главное - уже приступили к практическому осуществлению этой дополнительной программы (см.: Ползуновские чтения 1991 года. Барнаул, 1991, с. 47 и сл.).

Разработана общая концепция программы по изучению истории и возрождению малых населенных пунктов, а также составлена и уже опробована в полевых экспедициях "Анкета" для сбора сведений по исчезнувшим селам. Программы и анкеты достаточно унифицированы и могут быть использованы для любого района и населенного пункта Алтайского края (устная история).

Существует и осуществляется программа по наследию И. И. Ползунова, она осуществляется в форме научно-практических конференций "Ползуновские чтения" и включает следующие положения: 1. И. И. Ползунов и его время: новые документы о Ползунове, его машине; проблемы сохранения его наследия; современники Ползунова; И. И. Ползунов и Д. Уатт; пропаганда и разработка темы Ползунова в литературе и искусстве. 2. Проблемы охраны памятников горного дела: история горно-метал-

лургического производства Кольчано-Воскресенского горного округа; исследование и современное состояние остатков комплекса; осуществление программы "Серебряное ожерелье Алтай". 3. Современные проблемы изобретательства, рационализации; изобретательство и новое законодательство; проблемы создания эффективных разработок, ускоренного их внедрения; защита прав изобретателей в условиях свободного рынка. Тематика чтений очень обширна и разнообразна, любой краевед найдет здесь для себя интересную тему.

Разрабатывалась общая историко-краеведческая программа "Города и села Алтайского края: историческое наследие". Эта программа способна удовлетворить основную массу сельских патриотов, поскольку она включает издание унифицированной серии книг по краеведческому описанию всех районов края. Концепция ее была доложена на 1-й научной сессии нашей ассоциации в декабре 1990 г. и на краеведческой конференции Солонешенского района в мае 1991 года. Вот, например, как может выглядеть двухтомник по Солонешенскому району этой серии: "Солонешенский район: Полное краеведческое описание" включает: Введение. 1. Территория и население. 2. Древнейшая история. 3. Населенные пункты (здесь каждый сельский Совет и каждый населенный пункт имеет отдельный параграф). 4. Общественная жизнь. 5. Воспоминания. 6. Документы. 7. Статистические сведения. 8. Библиография. 9. Новое освоение района; Заключение.

Координационный совет Алтайской краевой краеведческой ассоциации утвердил тематику конференции краеведов (на 1992 г.) для выработки и определения концепции алтайского краеведения. Эта программа называется так: "Краеведение - составная часть потенциала культуры и науки" - и включает следующую проблематику: 1. История краеведения в Алтайском крае; Политика Кабинета и краеведение официальное; создание Общества любителей исследования Алтая, его эволюция за 100 лет; периодизация краеведческого движения; выдающиеся краеведы и их судьбы; 2. Состояние и формы современного краеведения; Понятие и содержание термина "краеведение"; проблемы и задачи государственного, общественного, школьного краеведения; успехи в развитии научного и профессионального краеведения; влияние вузов, архивов, музеев, библиотек, ДК на состояние краеведче-

ского движения; проблемы подготовки краеведческих кадров, пропаганда, краеведческие издания; концепция и программы развития краеведения Алтайского края; 3. Место и роль краеведческих объединений: Влияние Закона "Об общественных объединениях" на работу краеведческих организаций в Алтайском крае; деятельность краеведческих объединений (ВООПИиК, ВООП, Географического общества, "Мемориала", Демидовского фонда и др.) по изучению природы и населенных пунктов, сохранению и развитию национально-этнографических традиций, преемственности поколений; место краеведческой ассоциации в системе общественного краеведения, в реализации личного интереса и участия поколения в обновлении социально-экономической жизни края; благотворительность, меценатство и покровительство.

Существует ряд других программ (Шукшинские чтения, Демидовский фонд, Лисавенковские чтения), разработано много учебных программ краеведческого содержания в вузах края (историко-краеведческих, туристских, археологических, топонимических, культурологических и т. п.).

Характерной чертой современного состояния краеведения является выдвижение активистами комплексных программ, обращенных к раскрытию общечеловеческих ценностей в "рамках" Алтайского края. Это вполне соответствует историческому развитию, жизненным потребностям земляков, они, следовательно, реальны и осуществимы.

Очень желательно собрать эти программы "под одну крышу", - для этого лучше всего объявить "узкую" методическую конференцию заинтересованных лиц...

Большую работу по созданию программ проводит филиал института по туризму.

6. "Невостребованное краеведение"

Краеведение развивается повсеместно, сотни и сотни краеведов на местах - в районах, в селах, в школах ведут наблюдения, делают записи, составляют летописи, обнаруживают документы, составляют таблицы погоды и урожайности, ведут дневники - и все это остается у них, лежит, как мы говорим, мертвым грузом, никем и никак не используется. В силу разных причин - и в силу неадекватности и равнодушия общественности и местного руководства, и в силу неопытности самого краеведа, его

скромности, но и в силу скрытности отдельных краеведов. Такое невостребованное обществом краеведение отрицательно сказывается на состоянии краеведения и краеведческого движения; затрачиваются лишние силы на один и те же исследования (создание источников), уходит время на реализацию сведений.

Никто не выкрикивает.

Краеведение, как и некоторые другие науки, собственно, больше, чем что-то другое, напрямую зависит от ряда факторов социальной обстановки: 1. Прямого социального заказа на создание местных источников, краеведческих программ; 2. От состояния и развития форм общественного краеведческого движения (функционирования, его материальных возможностей); 3. От восприятия (воспринимаю) краеведения как общественной ценности (необходимости краеведных исследований) обществом, особенно официальными властями.

Внимание и помощь - краеведам.

Возникает необходимость создания КРАЕВЕДЧЕСКОГО БАНКА, т. е. Банка данных по краеведению.

Повсеместно надо создавать объединения краеведов, районные клубы, советы краеведов, ассоциации, отделения краевой краеведческой ассоциации - с возможностью обращения за методической помощью в центр, в печать; с накоплением данных в банке краеведения значительно облегчилось положение краеведов, меньше будет невостребованных результатов.

К проблеме "невостребованного краеведения" напрямую примыкает проблема подготовки кадров краеведов, как специалистов, так и краеведов-любителей. В вузах края (в АГУ, в АГИК, в Барнаульском и Бийском педагогических институтах) начинается осуществление краеведческой подготовки отдельных специальностей, но каждой - по-своему. Однако возможна краеведческая основа в специализации, очень желательно на предлагаемой "узкой" методической конференции заинтересованных субъектов обсудить эту проблему. Сюда же примыкает необходимость создания кооператива по изданию краеведческой литературы.

... Можно заметить, что тема краеведения неиссякаема, ибо это наиболее жизненное движение, охватывает самый широкий круг (собственно - всех) жителей края, земляков. Поэтому необходимо приветствовать попытки

разработать какую-то перспективную программу "Краеведческая деятельность" (блок) в общей программе развития культуры в Алтайском крае. Возникает необходимость собрать на "круглый стол" всех заинтересованных как представителей от органов управления, так и общественников, обсудить возможные варианты, подходы темы.

ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Ю. С. БУДЫГИН

ОСВОЕНИЕ РУССКИМИ КРЕСТЬЯНАМИ БАССЕЙНА РЕКИ БОЛЬШОЙ ЛОСИХИ

Часть Правобережья верхней Оби, ограниченная с севера и востока рекой Чумышом, с запада и юга Обью и южным течением Бии, является одним из интереснейших районов освоения Алтая русским крестьянством. Здесь располагается ныне немало сел и деревень, начало которым было положено еще в XVIII столетии. Эта территория, благоприятная для земледелия и скотоводства, богата пашенными и сенокосными угодьями, оскоками и лиственничным лесом для строительства и прочих надобностей, не могла не привлекать поселенцев. Ее пересекают небольшие реки и речки, способные вполне обеспечить потребности крестьян в воде и даже в рыбной ловле для домашних надобностей, не на продажу, удобные для сооружения небольших мельниц. Чистая вода, густой куштарник по берегам, песчаные плясы, на которых хорошо было отдохнуть после купания - все это было очень важно для жителей расположенных здесь населенных пунктов. Я сам вырос у одной из этих рек - Большой Речки - и на всю жизнь сохранил о ней добрую память.

Во времена русской колонизации берега этих рек были практически безлюдными, и поэтому поселившиеся здесь крестьяне давали рекам свои названия: Повалиха, Большая Черемшанка, Малая Черемшанка, Чесноковка, Большая Лосиха, Бобровка, Петровка, Большая Речка. Эти реки берут начало на Вийско-Чумышской возвышенности и с востока впадают в Обь. Самая крупная из них - Большая Речка - имеет длину в 258 километров, остальные значительно короче (1).

История освоения берегов каждой из названных рек представляет несомненный интерес, но в целях более детального рассмотрения возьмем лишь одну из них - Большую Лосиху с ее притоками Жилихой и Малой Лосихой. Их бассейны занимают северную половину Косихинского района, а низовья Большой Лосихи пересекают Первомайский район. В Обь эта река впадает напротив города Барнаула. Длина Большой Лосихи от истока до устья около 120 километров. В XVIII - первой половине XIX

века вдоль этой реки проходила кратчайшая дорога от Барнаула до Томского железоделательного завода и до города Кузнецка.

Знакомство русских с рекой Лосихой восходит, очевидно, к началу XVIII в., когда сюда стали проникать на промысел жители ранних русских деревень с территории нынешней Новосибирской области и с берегов реки Чумыша. Именно тогда Лосиха получила свое название от охотников, встретивших здесь лосей. Как и в других местах Верхнего Приобья, у этой реки могли возникать временные жилища охотников - промысловые избышки. Со временем появляются и первые деревни, первопоселенцы которых начали распахивать землю под пашню, заводили скот, домашнюю птицу, все необходимое для функционирования крестьянского хозяйства.

Поскольку первые поселенцы оседали на реке Лосиха символично, в лучшем случае с устного разрешения приказчика Белоярской крепости, документов, которые позволяли бы достоверно датировать появление первых лосихинских деревень, обнаружить не удастся. Среди населенных пунктов, зафиксированных в ведомстве Белоярской крепости в 1719 - 1721 годах, деревень на этой реке нет (2). Конечно, можно предположить, что некоторые жители этой крепости, хотя и были записаны непосредственно в ней, фактически жили в окрестных деревнях, тем более, что в самой крепости, прижавшейся на высоком яру к реке Оби, места для сколько-нибудь значительного числа жителей просто не было. Не случайно поэтому по более поздним документам вокруг крепости обнаруживается несколько деревень, в которых уже не первый год жили белоярские беломестные казаки и крестьяне, хотя числить их продолжали непосредственно по центральному пункту ведомства. В числе таких населенных пунктов выявляются и первые лосихинские деревни, возникновение которых следует относить, вероятно, еще к 20-м годам XVIII в. Одной из них, а может быть и самой первой, возникла на реке Лосихе деревня Санникова.

В 1776 г. в связи со спорами жителей деревни Санниковой из-за участков, занятых избами и дворовыми строениями, по поручению Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства пробирный ученик Алексей Попов сделал чертеж дворовых строений крестьян Деметрия Карпова и Василия Санарова, на котором обозначил время сооружения изб и других построек. В документе указано, что дом, в котором жил Василий Санаров, был построен 45 лет назад (т. е. в 1731 г.) крестьянином Саввой Мезенцевым. В 1773 г. при выезде в другую деревню С. Мезенцев продал дом В. Санарову. О строениях Деметрия Карпова сказано, что его дом и они были построены назад тому 55 лет, т. е. в 1721 г. (3). По данным третьей ревизии Деметрий Перфильевич Карпов родился в 1730 г. и, следовательно, в 1776 г. не мог быть свидетелем событий 1721 г., но о времени постройки дома за 4 лет до его рождения он мог узнать от своего отца Перфилия Лукьяновича Карпова.

В одном из документов ГААК, датированном августом 1786 г., крестьянин деревни Санниковой Иван Санаров утверждал, что семья его живет в этой деревне 65 лет, т. е. с 1721 г. (4). Как видим, второй документ, не связанный с первым ни ситуацией, ни временем, относит существование Санниковой к 1721 г. Это дает основание считать 1721 г. наиболее ранней косвенной датировкой возникновения деревни.

Наиболее раннее вполне достоверное свидетельство о существовании деревни Санниковой относится к 1748 г. В описи бердских крестьян, принятых в заводское ведомство, в числе мест, где фактически жили числявшиеся по Бердскому острогу новые приписные, названа деревня Санникова ведомства Белоярской крепости (5). В составленной в том же 1748 г. росписи разлежавшихся из Бердского ведомства крестьян тоже указано несколько человек, живших в деревне Санниковой (6). Бердские крестьяне Подковниковы, Зайцевы, Кривошеины, Достоваловы, Басаргины и другие не были первопоселенцами этой деревни и во всех последующих списках записывались после старожилов Белоярского ведомства, осевших на реке Лосихе раньше их.

К 1756 г. относится картографическое свидетельство о деревне Санниковой. Она обозначена на "Ландкарте Удорской провинции" у реки Лосихи (7).

Несомненный интерес представляют данные реестра оброчных статей 1753 г., содержащего перечень кузниц и мельниц. В реестре показано существование в деревне Санниковой кузницы Михаила Игнатьевича Санарова с 1745 г., кузница Тимофея Самича Коробейникова с 1746 г.,

мутовчатой мельницы Перфилия Лукьяновича Карпова на реке Чесноковке с 1746 г. и мельницы Петра Лукьяновича Карпова с 1747 г. (8). Сохранилась также ростовская дорожка и расставленная 1753 г., в которой записана деревня Санникова (Малая Лосиха) в 10 верстах от Барнаульского завода. Интересно, что здесь эта деревня имеет двойное название, в отличие от Фирсовой (Большой Лосихы) (9). Все эти документальные свидетельства ценны, поскольку в официальные списки жители деревни Санниковой полностью были внесены только в 1759 г., когда в этом населенном пункте было учтено 40 душ мужского пола. Первым в списке назван Михайло Самаров (10).

В третью ревизию 1763 г. в Санниковой учитывалось 102 души мужского пола и 79 душ женского пола. По тем временам это была большая деревня (11). Как правило, при составлении ревизских списков первыми записывались те, кто поселился раньше других. В деревне Санниковой первыми записаны Самаровы, затем Некрасовы, Карповы, Подковниковы, Казанцевы, Максимовы, Белосновы и другие. В списке 1759 г. первым в деревне Санниковой записан Михаил Игнатьевич Самаров. К 1763 г. (к третьей ревизии) он умер, поэтому в ревизском списке первым показан его старший сын Василий. Родился М. И. Самаров около 1689 г. В Белоярской крепости он впервые был учтен в 1721 г. как пропущенный при переписи 1719 г. из-за нахождения на зверовом промысле (12). Может, именно тогда он и закрепился у речки Лосихи на постоянное жительство. В документах 1721 и 1753 годов М. И. Самаров назван бронником, т. е. кузнецом-оружейником. Следующий в списках 1759 - 1763 годов Лука Некрасов родился в 1714 г. Во вторую ревизию 1745 г. он, как и Самаров, числился по Белоярской крепости в качестве племянника главы семьи Федора Федоровича Некрасова (13). В 1719 г. пушкарь Федор Федорович Некрасов был впервые учтен властями Кузнецкого уезда в Белоярской крепости. С ним жили его отец Федор Некрасов (70 лет), братья Андрей и Семен, сын Григорий, племянники Григорий и Лука. Пятилетний Лука был сыном одного из братьев Федора (14). Третьей в списках идет семья Перфилия Лукьяновича Карпова. Родился он в 1674 г., во вторую ревизию учитывался в Белоярской крепости, но жил, очевидно, на реке Лосихе в деревне Санниковой. В поле зрения властей Белоярско-

го ведомства он попал позднее Самаровых и Некрасовых. Записано, что здесь он учитывался в первую ревизию 1724 г., а в списках 1719 - 1721 годов его еще не было. Другие жители Санниковой поселились в ней позднее уже названных первопоселенцев.

Несколько ниже Санниковой на противоположном, левом берегу Большой Лосихи расположено ныне село Фирсово. Этот населенный пункт относится к числу ранних русских деревень на Алтае. В отличие от Санниковой, которая в ревизских списках появлялась только в третью ревизию 1763 г., деревня Фирсова названа во вторую ревизию 1745 г. Верно, в этой деревне был записан только один житель Василий Тарасович Олков (15). В перепись 1745 г. он попал впервые, поскольку во время первой ревизии и какое-то время позднее находился в плену у кочевников. Трудно представить, что деревня Фирсова состояла всего из одного жителя, причем солидного, 60-летнего возраста. Вероятно, были в деревне и другие жители, только учитывались они, что для второй ревизии было типичным, по другому населенному пункту. В 1745 г. в Белоярской крепости были учтены братья Василия Олкова: Степан Тарасович - 66 лет и Яков Тарасович Олков - 50 лет. Именно с их потомков: Ивана Степановича Олкова и Петра Петровича Олкова (зюка Якова) начинаются списки жителей деревни Фирсовой 1759 - 1763 годов. Скорее всего Василий Тарасович Олков не был первым жителем Фирсовой, а подселился к своим родственникам по возвращении из плена. Есть основания полагать, что Олковы не были единственными ранними первопоселенцами Фирсовой. Население ее формировалось за счет крестьян, числящихся официально по Белоярской крепости и некоторым деревням этого ведомства. Как и в Санниковой, в Фирсовой довольно рано стали оседать также крестьяне из Бердского ведомства. В 1748 г. при приеме бердских крестьян и разночинцев в ведомство Колывано-Воскресенских заводов несколько человек, в том числе Григорий Гаврилович Казанцев, были обнаружены в деревне Фирсовой, названной в документе также Малой Лосихой (16).

В 1750 г. в росписи бердским крестьянам, которые фактически жили в Бийском, Белоярском и Малышевском ведомствах, в деревне Фирсовой на реке Лосихе были показаны Данила Моисеевич Бутаков, Марко Ива-

нович Достовалов, Семен и Яков Сергеевичи Басарушки, Алексей Чюкреев и Василий Зайцев (17). На "Литкарте Удорской провинции" 1750 г. рядом с Савниковой показана деревня Лосиха, в которой, очевидно, следует искать Фирсову (18). В росписи крестьян по церковным приходам, составленной в 1751 г., названа деревня Фирсова, в ней семьи крестьян Дмитрия Фирсова, Родиона Кротова, числящихся в Белоозерском ведомстве, а также переселенцев из ведомств Бераского острога Григория Казанцева и Сосновского острога Никифора Осокина (19). Интересно также роспись крестьян по имским станциям 1753 г., в которой эта деревня дана под двойным названием - Фирсова, она же Большая Лосиха, располагавшаяся в 12 верстах от Барнаульского завода (20). Полный учет жителей деревни Фирсовой был произведен в третью ревизию 1763 г. В ней было учтено 94 мужских и 51 женская душа. Первым в списке назван Петр Петрович Олков с братом Сильвестром и сыновьями Прохором и Иваном. Затем следуют семьи Ивана Зотеева, Дмитрия Белях, Родиона Кротова и других как ранних белоозерских крестьян, так и переселенцев из других ведомств (21). Петр Петрович Олков был внуком упомянутого выше Якова Тарасовича Олкова. Отец его Петр Яковлевич Олков был впервые записан в Белоозерском ведомстве в 1745 г. как прописной, пропущенный по какой-то причине в первую ревизию. Иван Зотеев в первую и вторую ревизии числился по деревне Запывинной на Чумыше, но поселился в Фирсовой еще до 1745 г. Название свое деревня Фирсова получила от семьи Белях. Дмитрий Фирсович Белях (в списке 1751 г. он записан как Дмитрий Фирсов) родился в 1684 г. и учитывался в Белоозерской крепости еще в 1719 г. Главой семьи был тогда его старший брат беломестный казак Кирилл Фирсов сын Белях. С братьями жил и их престарелый 80-летний отец Фирс Белях (22). По его имени и получила название деревня Фирсова.

В конце 30-х годов XVIII в. у реки Лосихи произошла трагедия - массовое самоубийство крестьян-старообрядцев. В 1739 г. в ответ на преследования и поборы направленного из Тобольска архиерейского управителя Ивана Картишова произошли волнения крестьян и разномыслие на обширной территории Верхнего Приобья. Центром этого волнения стала деревня Новая Шадрина

в ведомстве Белоозерской крепости. Преследуемые церковными и местными светскими властями крестьяне и разночинцы стали собираться в глухих местах с целью организованного сопротивления, а в крайнем случае и самоубийства. В июле 1739 г. посланный с командой из Белоозерской крепости Федор Усольцев обнаружил большую группу беглецов в лесу по реке Лосихе в деревне Новой Шадринной. Вывести их оттуда не удалось, поскольку команда Ф. Усольцева была небольшой, а беглецы пригрозили в случае любого насилия самоубийством. Под руководством жителя Новой Шадринной Семени Шадрина, происходившего из известной еще в XVII в. семьи зауральских крестьян-старообрядцев, беглецы построили близ этой деревни укрепленный лагерь. Поблизивший там по заданию кузнецкого воеводы Шапошникова приказчик Гилев сообщил, что под Новой Шадринной собрались 324 человека и лагерь их, состоявший из четырех больших и шести малых изб, хорошо укреплен. Беглецы передали приказчику список собиравшихся в лагере и требование прекратить насильственное обращение в официальное православие. 7 ноября 1739 г. к Новой Шадринной подошел большой отряд солдат во главе с воеводой Шапошниковым и майором де Граве. Переговоры о сдаче ничего не дали, и 12 ноября начался штурм лагеря. Крестьяне отстреливались, а затем подожгли избы, взорвался припасенный беглецами порох, и огонь охватил весь лагерь. Сгорели более 300 человек, включая женщин, детей. 15 человек спаслись, покинув тайком избы перед самоубийством, несколько крестьян солдаты захватили в неиспеченных сторет крапных избах. Инициатор гари Семен Шадрин ушел через подземный ход. Поданое он был арестован, увезен в Москву, сумел убежать и вернуться в Сибирь. Через 17 лет после новошадринской гари, в 1756 г. он возглавлял самоубийство большой группы крестьян Чаусского ведомства и, не сумев вовремя уйти, сгорел вместе с другими (23).

Эти события свидетельствуют о том, что на реке Лосихе до 1739 г. существовала деревня Новая Шадрина. В более поздних документах она не встречается. Однако место, облюбованное крестьянами один раз, через несколько лет привлекло новых поселенцев. Есть основания полагать, что на месте гари 1739 г. возник новый населенный пункт, давший начало существующему и ныне

селу Пустынь в пяти километрах от села Косиха. В 1759 г. в списках по Белоярскому ведомству показана деревня Погорельская и в ней 33 души мужского и 34 души женского пола (24). В третьей ревизии 1763 г. в Белоярском ведомстве была учтена деревня Пустыньская с 98 жителями (51 душа мужского и 47 душ женского пола) (25). Списки жителей Погорельской (1759 г.) и Пустыньской (1763 г.) совпадают. Это одна и та же деревня, название которой произошло от погоревшей в 1739 г. деревни и раскольничьего скита (пустыни) около нее. Жили в деревне Погорельской (Пустыньской) крестьяне Жуковы, Лузины, Госковы, Сарны, Тузовские, Осокины, переселившиеся из ведомства Сосновского острога. Составленная в 1760 г. в Сосновской судной избе роспись приписных крестьян позволяет выяснить более точно, откуда прибыли на реку Лосиху переселенцы Сосновского ведомства. Во вторую ревизию 1744 г. крестьяне Госковы и Жуковы учитывались в деревне Кузьменской на реке Инс, а Лузины, Сарны и Тузовские - в новостроенной Сосновской слободе. (Оба населенных пункта в северо-западной части нынешней Кемеровской области). В 1760 г. они жили, как известно из росписи, в деревне Погорельской на реке Лосихе (26). Точное время их переселения не известно, но ряд документов позволяет приблизиться к реальной дате. В росписи 1757 г. разбегавшихся сосновских крестьян в деревне Погорельской на реке Лосихе показаны: Семен и Федор Никифоровичи Осокины, Иван Никитич и Андрей Петрович Госков, Василий, Петр и Яков Семеновичи Жуковы, Федор и Карп Яковлевичи Жуковы, Лармон Васильевич Тузовский, Яков, Зиновий и Василий Сарны (27). В росписи крестьян по имским станциям названа в Белоярском ведомстве деревня Погорельская, она же Пустыньская (28). В росписи крестьян по церковным приходам 1751 г. в деревне Погорельке было записано 13 дворов сосновских крестьян и в них 32 души мужского и 35 душ женского пола. Самой крупной семьей (из 12 человек) была семья Дмитрия Никитича Госкова (29). В том же 1751 г. Дмитрий Госков обратился в Канцелярию Колыванно-Воскресенского горного начальства с просьбой отпустить к нему взятого на заводскую службу сына Ивана "в Барнаульский завод, в вечные работники к ремеслу" и взять вместо него нанятого по добровольному договору крестьянина Илью Останина. По-

требность в возвращении в семью сына Д. Н. Госков обосновывал тем, что хотя у него и осталось двое детей, "только одним распаханным под пашню земель немало и прочих домовых работ" исправить никак не может. Заводское начальство просьбу Д. Н. Госкова удовлетворило, учтя его рачительность к распространению хлебопашества, и сына Ивана вернул (30). Судя по этим документам, Д. Н. Госков уже прочно осел в деревне Погорельской и жил в ней, возможно, уже не первый год. Верно, в 1757 г. он жил со всей семьей в деревне Косихе, а в Погорельской осталась семья его брата Ивана Никитича Госкова. Время возникновения деревни Погорельской вернее всего следует относить к промежутку между 1744 - 1751 годами.

1751 г. выявлен как наиболее ранняя дата существования еще четырех лосихинских деревень: Шляповой, Огурцовой, Клининой и Бажновой. Деревня Шляпова (второе ее название - Никонова) располагалась у реки Большой Лосихи примерно в половине расстояния между деревней Санниковой и местом впадения в Большую Лосиху речки Жилихи. Наиболее раннее упоминание об этой деревне содержится в росписи крестьян по церковным приходам, составленной в 1751 г. В росписи названа деревня Никонова, в ней два двора, 20 жителей, из них 10 мужского и 10 женского пола. Главами семей были Аверкий Нефедович Южаков и Никон Кузьмич Мезенцев (31). Откуда появились в Белоярском ведомстве крестьяне Южаковы, выяснить пока не удается. Что касается Никона Кузьмича Мезенцева, то о нем известно следующее: родился он в 1694 г., был записан в 1719 г. в Белоярской крепости как казачий брат. В том же качестве были записаны его братья Терентий, Петр и Федор. Старшим фамилии был казачий пятидесятник Никифор Кузьмич Мезенцев (32). Во вторую ревизию 1745 г. Никон Кузьмич Мезенцев учитывался по-прежнему в Белоярской крепости вместе с шестью сыновьями (33). На реке Лосихе он поселился, если верить ревизским данным, между 1745 и 1751 годами. Впрочем, произойти это могло и раньше, поскольку, как уже сказано, в Белоярской крепости в 1745 г. были записаны многие жители окрестных деревень, в ревизских материалах не указанных. Одно из названий деревни связано с именем Никона Мезенцева. Известно, что в 1756 г. его сын Андрей по-

строил при деревне Шатуновой кузницу, а в ведомости об оброчных мельницах указано о сооружении в деревне Никоновой мельницы на реке Лосихе. В обоих случаях речь идет об одной деревне (34). В 1763 г., в третью ревизию в деревне Никоновой ("она ж в Шляхова") учитывалось 22 души мужского и 16 душ женского пола. К семьям Южаковых и Мезенцевых добавлялась семья Василия Григорьевича Черданцева (35). В пятую ревизию 1795 г. в деревне Шляховой было учтено всего 15 душ мужского пола (36). Число жителей продолжало убывать, и в первой четверти XIX столетия деревня вообще исчезла.

В росписи крестьян по церковным приходам названа в 1751 г. деревня Огурцова. Располагалась она где-то у реки Лосихи. В росписи отмечено, что в деревне Огурцовой было 8 дворов, из них три двора принадлежали крестьянам Белоярского ведомства и пять дворов — переселенцам из ведомства Сосновского острога. В деревне насчитывалось 26 душ мужского и 21 душа женского пола. Главными самыми крупными семьями были Иван Каркавин и Яков Чернов (37). В росписи деревень по дорогам, составленной в 1753 г., о деревне Огурцовой сказано, что она располагалась в 43 верстах от Белоярской слободы (38). В ведомости об оброчных кузницах и мельницах 1757 г. показаны в деревне Огурцовой кузница крестьянина Степана Кротова и две мельницы на реках Лосихе и Чушихе (39). Было бы интересно нынешним жителям поискать речку Чушиху, а следовательно и месторасположение деревни Огурцовой. В составленной в 1760 г. росписи приписанных к алтайским заводам крестьян Сосновского ведомства находим, что крестьяне деревни Куменской на Иле, учтенные там второй ревизией 1745 г., жили ко времени приписки в Белоярском ведомстве в деревне Огурцовой на Лосихе. Это — Гаврила Ильич Чернев, Федор Григорьевич Романов и Иван Пешков (40). Встречается деревня Огурцова также в росписи расстояний по дороге от Кузнецка до Барнаульского завода (41). Полный официальный учет жителей деревни был произведен в третью ревизию 1763 г. В Огурцовой было учтено 26 душ мужского и 23 души женского пола. В деревне жили семьи крестьян Аванья Степановича Кротова с братьями, братьев Филиппа и Алексея Ивановичей Южаковых, Никифора Ивановича Вагинова, Якова Ивановича

Черданцева, Гаврилы Ильича Чернева и Ивана Елифановича Каркавина (42). В следующую ревизию 1782 года деревня Огурцова уже не существовала. Между 1763 — 1782 годами жители ее "за недостатком севных покосов и скотского выпуска" выслали в разные деревни того же Белоярского ведомства, а именно 24 мужские души в Косихину на реке Лосихе и 2 мужские души — в деревню Бобровку (43). Вероятно, деревня Косиха (ныне районный центр) располагалась ближе всего от того места, где была Огурцова. Об этом свидетельствует, в частности, то, что в списках, уже близких к нам по времени, составленных по результатам переписи 1926 г., в Косихинском сельсовете, Косихинского района показан поселок Огурцовский у озера Огурцова. Не связано ли это с месторасположением возникшей и исчезнувшей в XVIII столетии деревни Огурцовой?

Сходной была судьба деревни Климовой (другие названия: Климина, Замараева). В росписи по церковным приходам 1751 г. названа деревня Замараева, в ней 4 двора, 23 души мужского и 9 душ женского пола. Главной самой крупной семьей был Клементий Третьяков (44). В росписи дорог 1753 г. показана деревня Замараева в 20 верстах от Белоярской слободы (45). В 1761 г. крестьянин деревни Климиной Герасим Клементьевич Третьяков просил разрешение построить мутовчатую мельницу на реке Лосихе. Разрешение дали и выделали лес на строительство (46). В третью ревизию 1763 г. в деревне Климовой были учтены 21 душа мужского и 9 душ женского пола. До следующей 4-й ревизии 1782 г. деревня не дожила. В 1770 г. жители ее "за недостатком севных покосов и скотского выпуска" выслали в Лосихинский станец (14 душ), деревни Жилину (4 души), Верхнюю Беспаловку (3 души) (47).

Четвертой деревней, наиболее раннее упоминание которой содержится в росписи крестьян по церковным приходам, составленной в 1751 г., была деревня Баюнова. Располагалась она на реке Большой Лосихе у впадения в нее речки Жилихи. В 1751 г. в деревне Баюновой было 11 дворов, в них 56 жителей (32 — мужского и 24 женского пола). Самой большой семьей (8 человек) была семья Ивана Баюнова (48). В составленной в 1757 г. росписи крестьян, выехавших самовольно из Сосновского ведомства, указаны братья Дмитрий и Василий Белюны

в деревне на реке Лосихе (49). То, что это деревня Баюнова, видно из ведомости 1760 г. по приему в число приписных алтайских заводов крестьян и разночинцев Сосновского острога. В ведомости показан Дмитрий Терентьевич Белкин, который во вторую ревизию учитывался в деревне Боровой ведомства Сосновской судной избы, а в 1760 г. жил фактически в деревне Баюновой Белоярской слободы (50). Таким образом, подобно ряду других лосихинских деревень, Баюнова заселялась как старожилами Белоярского ведомства, так и переселенцами из других верхнеобских ведомств. В ревизских списках 1763 г. в деревне Баюновой было записано 34 души мужского и 25 душ женского пола. Первыми в списке показаны семья белоярских старожилов Ивана Андреевича Баюнова, Григория Гавриловича Шадрина и Алексея Ефимовича Назарова, следом за ними записаны с семьями бердский крестьянин Карп Борков, переселенец из Кузнецка Михайло Жижин и сосновские переселенцы Дмитрий и Василий Белкины (51). Иван Андреевич Баюнов, по фамилии которого деревня получила название, родился в 80-х годах XVII в. Как беломестный казак он учитывался в перепись 1719 г. в Белоярской крепости. Во вторую ревизию 1745 г. он записан в деревне Запльвиной на Чумыше (52). Оттуда он переселился на реку Лосиху между 1745 - 1751 годами, а может быть и несколько раньше. В семьях беломестных казаков Белоярской крепости были записаны в 1719 г. два других первопоселенца деревни Баюновой: Григорий Гаврилович Шадрин и Петр Ефимович Назаров (53).

В росписи крестьян по церковным приходам 1751 г. названа была еще одна деревня, которая в одних документах локализуется по реке Лосихе, а в других по соседней реке Бобровке. Это деревня Белкина. В росписи в ней показаны четыре двора сосновских крестьян, в них 19 душ мужского и 12 душ женского пола, глава самой большой семьи (из 12 человек) Артемий Арапов, а также один двор переселенца из Кузнецка Бориса Мельникова с женой и сыном (54). В списке приписных крестьян, живших не в своих ведомствах, составленном в 1757 г., сосновские крестьяне Андрей Яковлевич Белкин и его братья Ефим и Иван показаны в деревне Белкиной Белоярского ведомства (55). В том же 1757 г. деревня Белкина названа в росписи оброчных мельниц. Указано, что

один из крестьян этой деревни в 1753 г. построил мельницу на реке Лосихе (56). В составленной в 1759 г. Книге описной Сосновского острогу приписных к заводам крестьян наряду с другими лосихинскими деревнями также названа деревня Белкина на Лосихе, в ней 12 жителей, в том числе 6 душ мужского пола, а именно: Яков Терентьевич Белкин с сыновьями Андреем, Ефимом и Иваном, Дмитрий Терентьевич Белкин с братом Василием (57). В другом списке приписных крестьян, написанном в конце 1759 или в начале 1760 г., томский разночинец Сергей Васильевич Березовиков показан в деревне Белкиной на реке Бобровке (58). В более поздних документах деревня Белкина вообще не встречается. В росписи, сочиненной в Сосновской судной избе в 1760 г., жившие до переселения на Алтай в деревне Боровой Сосновского ведомства крестьяне Дмитрий Белкин и Яков Белкин показаны в деревне Баюновой - первый и в деревне Титовой на Чумыше - второй, а деревня Белкина не названа (59). Эта деревня исчезла, а названные в ней в документах 1751 - 1759 годов жители оказались в других населенных пунктах. В третью ревизию 1763 г. Дмитрий Терентьевич Белкин с братом Василием были записаны в деревне Баюновой на Лосихе, Яков Терентьевич Белкин с сыновьями - в деревне Озерно-Титовой на Чумыше (ныне село Озерное Заринского района), Артемий Маркович Арапов и томский разночинец Сергей Васильевич Березовский - в деревне Коктошиной на реке Бобровке, следов Бориса Мельникова, показанного в Белкиной в росписи 1751 г., обнаружить не удалось.

Вероятно, в одно время с деревнями Погорельской (Пустьинской) и Огурцевой или немного позднее, возникла деревня Косихина на реке Большой Лосихе у впадения в нее речки Малой Лосихи (ныне районный центр село Косиха). Основателями этой деревни были крестьяне, переселившиеся из ведомства Сосновского острога. В отличие от нескольких уже названных здесь деревень, деревня Косихина не показана в росписи крестьян по церковным приходам 1751 г., хотя все ее первопоселенцы уже названы на территории Лосихинского бассейна, но только в других деревнях. Наиболее раннее достоверное свидетельство о существовании деревни Косихиной относится к 1757 г. В списке самовольных сосновских переселенцев, составленном в этом году, в деревне Косихиной на реке

Лосихе показаны Федор Григорьевич Романов с братьями Иваном и Алексеем, Петр Иванович Ермолаев с семьей и Евсей Яковлевич Сохарев с сыновьями: Петром, Савой и Василием. Другие его сыновья Илья и Иван показаны в деревне Погорельской в пяти километрах от Косихиной (60). В росписи оброчных кузниц и мельниц, составленной также в 1757 г., названа постронная в 1756 г. Иваном Григорьевичем Косихиным кузница, а также мельница косихинских крестьян, сооруженная в 1752 г. (61). Этот документ бесспорно свидетельствует о существовании деревни Косихиной в 1756 г. и, возможно, в 1752 г., поскольку мельницу можно было построить близ будущей деревни, проживая поблизости в другом населенном пункте. В 1759 г. была составлена Роспись Сосновского острова приписных к заводам крестьян, в которой показана наряду с другими деревнями, расположенными в Белоярском ведомстве, деревня Косихина. В ней записаны семьи крестьян Евсея Яковлевича Сохарева, Ивана Григорьевича Плотникова, Петра Ивановича Ермолаева, Ивана Григорьевича Романова с братьями Алексеем, Михаилом, Федором, Дмитрием Никитича Госкова (62). В 1763 г. во время третьей ревизии в деревне Косихиной было учтено 66 душ мужского и 65 душ женского пола. К семьям, учтенным в списке 1759 г., добавились фамилии Пешковых, Савиных, Кротова, тоже из числа сосновских переселенцев (63). Ивана Григорьевича Косихина, названного владельцем кузницы в документе 1757 г., в списках 1759 - 1763 годов нет, да и вообще во всем Белоярском ведомстве в эти годы не встречается жителей с такой фамилией. А ведь скорее всего именно с этой фамилией связано название деревни. Может быть, И. Г. Косихин носил еще одну фамилию, под которой значился в официальных списках. В деревне Косихиной известно два Ивана Григорьевича: И. Г. Плотников и И. Г. Романов. Может быть, один из них прозывался Косихиным.

К началу 50-х годов XVIII в. относится наиболее раннее из известных нам свидетельства о существовании деревни Жилиной на речке Жилихе, притоке Большой Лосихи (ныне село Жилино Первомайского района). В доношении из Белоярской судной избы от 20 мая 1752 г. сообщалось, что бурмистр таможенных, казачьих и канцелярских сборов из Кузнецка Василий Мельников обнаружил по пути в Варнаулский завод в деревне Жилиной

у крестьян Петра Нехорошева и Леонтия Овчинникова винокурение. При допросе Петр Матвеев сын Нехорошев утверждал, что курил он вино не для продажи, а для "лоночи", которую намерен был учинить с соседом своим Леонтием Овчинниковым "для заманки в мельнице мушной платины и достройки амбара", что мельницу он начал строить с Л. Овчинниковым "в обществе" (64). Петр Нехорошев был сыном кузнецкого пашенного крестьянина Матвея Нехорошева, учтенного в Кузнецке еще в 1719 г. (65). Во вторую ревизию 1745 г. П. М. Нехорошев был учтен вместе с сыновьями в деревне Беспаловой на Чумыше, а в 1757 - 1763 годах он жил уже в деревне Дмитрово-Титовой. В промежутке между 1745 - 1757 годами он, видимо, жил на речке Жилихе. Что касается Леонтия Ивановича Овчинникова, то он во вторую ревизию учитывался в Белоярской крепости. Время его переселения на речку Жилиху установить не удастся. Это было где-то до 1752 г. В списке 1759 г. в деревне Жилиной были записаны 18 душ мужского пола в четырех семьях: Андрея Дорофеева, Леонтия Ивановича Овчинникова, Кирилла Никитича Третьякова и Осипа Ивановича Кривошеина (66). К 1763 г. К. Н. Третьяков переселился в деревню Климоку, О. И. Кривошеин - в деревню Романову. В третьей ревизии 1763 г. в деревне Жилиной было учтено всего 12 душ мужского пола в трех семьях Андрея Дорофеева сына Веснина, Леонтия Ивановича Овчинникова и переселившегося из деревни Чесноковской Игнатия Кондратьевича Казайцева (67). Списки 1759 и 1763 года по деревне Жилиной начинаются с одного человека - Андрея Дорофеевича Веснина, только в списке 1759 г. он назван без фамилии. Вероятнее всего, именно он, может быть, одновременно с Л. И. Овчинниковым, и дал начало деревне Жилиной.

Одним из старых населенных пунктов на реке Большой Лосихе является нынешнее село Малахово в 12 километрах к западу от Косихи. Точного времени основания этого населенного пункта установить не удастся. В широко известном краеведом "Списке населенных мест Сибирского края" (Новосибирск, 1928) оно отнесено к 1760 г. Однако достоверно известно о существовании деревни Малаховой по крайней мере на год раньше. В списках приписных крестьян Белоярского и Сосновского ведомств, составленных в 1759 г., в списке Белоярской земской

избы есть деревни Малахова и в ней 9 жителей обоего пола - одна семья Ивана Малафеевича Беляева, в "Книге описной Сосновского острога" тоже деревни Малахова и в ней 8 жителей - одна семья во главе с Петром Ивановичем Чертенковым (68). Это не две разные деревни, а один населенный пункт, жители которого числились по разным ведомствам. И. М. Беляев во вторую ревизию учитывался по Белоярской крепости, где числился и по предыдущей верховой ревизии 1724 г. (69). Петр Иванович Чертенков происходил из деревни Изылинской Сосновского ведомства. В одном из списков 1760 г. отмечено, что живет он в деревне Погорельской на реке Лосихе (70). Может быть, он действительно сначала поселился в Погорельской, но в 1759 - 60 годах жид в деревне Малаховой. Там он был учтен в третьей ревизии 1763 г. Однако его старший сын, записанный в 1759 г. в деревне Малаховой с отцом, в 1763 г. жил с семьей в деревне Погорельской (Пустынской) (71). В 1763 г. в деревне Малаховой числилось 13 душ мужского и 11 женского пола. К Беляевым и Чертенковым добавилась семья братьев Степуревых: Афанасия, Петра, Осипа и Григория Семеловичей и 16-летний Василий Ганин. Откуда они прибыли в деревню Малахову, установить не удалось.

Где-то неподалеку от деревни Малаховой располагалась еще одна деревня, у которой наиболее ранняя установленная по документам дата существования тоже 1759 г. Это деревня Рындина. В списке 1759 г. в ней показано 25 жителей, из них 12 душ мужского пола, в четырех семьях. Главой первой из семей был Кузьма Иванович Овчинников - брат одного из первооселенцев деревни Малаховой Леонтия Ивановича Овчинникова. Во вторую ревизию 1745 г. оба брата учитывались по Белоярской крепости, в которой отец их казачий сын Иван Прокольевич Овчинников был записан еще в 1719 г.

Главами двух следующих по списку семей были переселенцы из ведомства Бердского острога Василий Павлович Зайцев и Карп Бобков. Завершает список 1759 г. по деревне Рындинской отставной мастеровой Матвей Яренский с женой (72). Первым в деревне поселился, очевидно, К. И. Овчинников, а бердские переселенцы - позднее. Первый из них В. П. Зайцев в 1750 г. жил на реке Лосихе в деревне Фирсовой, а в 1757 г. в Савиниковой (73). Лишь после 1757 г. он появился в Рындинской. Де-

ревня эта просуществовала недолго. До 1782 г. она исчезла. В материалах четвертой ревизии 1782 г. написано: "Деревня Рындина ныне не имеется и написанные по последней ревизии в той деревне жители из оной за недостатком пахотных земель и скотского выпуска выехали Белоярской слободы в деревни" Рассказову и Фирсову (74).

В верховьях реки Большой Лосихи располагается ныне село Лосиха. История этого населенного пункта начиналась с ямского станца (зимовья) на дороге между Барнаулом и Кузнецком. Время возникновения станца не известно. Однако, если судить по сводной ведомости, составленной в конце XVIII в., во время третьей ревизии 1763 г. был уже Лосихинский станец и в нем было учтено четыре души мужского пола, возможно всего одна семья (75).

Фамилия этих жителей не известна, поскольку по Лосихинскому станцу в архивных фондах не удалось обнаружить материалов не только третьей (1763 г.), но и четвертой (1782 г.) ревизий. Первое время Лосихинское зимовье было очень небольшим населенным пунктом. Положение изменилось в начале 70-х годов XVIII в. На дороге к Кузнецку и реке Томь-Чумыш в 1770 - 1771 годах строится Томский завод, и для лучшей связи его с Барнаулом заводское начальство оказалось заинтересованным в укрупнении Лосихинского станца, поощряя поселение там крестьян. В 1770 г. исчезла в Лосихинском бассейне деревня Климина. Большая часть ее жителей (14 душ мужского пола) переселилась в Лосихинский станец. Туда же переселились четыре мужских души из деревни Косихинной и две мужских души из деревни Пустынской (Погорельской) (76). В четвертую ревизию 1782 г. в Лосихинском станце было учтено 34 души мужского и 32 души женского пола (77). В 1792 г. в Лосихинском станце жили 83 жителя обоего пола. У них было 11 домов, действовали три небольших мельницы (78). По спискам пятой и шестой ревизий (1795 и 1811 годов) устанавливаются фамилии жителей станца. Первыми записаны восемь семей Третьяковых. Это те, кто переселился в 1770 г. из деревни Климиной, сыновья и внуки первооселенца этой деревни, по имени которого она и называлась, Клементия Никитича Третьякова (79).

На реке Жидихе в 12 километрах от села Косиха расположено ныне село Глушинка. Возник этот населен-

ный пункт между 1782 и 1795 годами, в месте, где была переправа через реку Жилиху. В списках пятой ревизии 1795 г. названа новая деревня Глушихинского переезда, в которой поселились четыре крестьянина из Белоярской слободы и семь душ мужского пола из деревни Пустынской (80). Позднее населенный пункт стал называться деревней Глушинской.

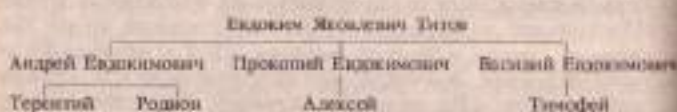
На реке Малой Лосихе в 14 километрах от села Косихи имеется ныне село Плотниково. История этого населенного пункта начиналась в последнем десятилетии XVIII в. В "Ведомости о вновь заселявшихся самовольно деревнях...", приложенной к рапорту земского управителя де-Гарриги, датированной 10 августа 1797 г., показана самовольно, без разрешения начальства, заведенная крестьянами деревня Плотникова при речке Чупихе, от Косихиной 12 верст. В 1795 г. здесь поселились из деревни Косихиной семья Василия Плотникова, Тимофея Плотникова, Григория Плотникова и из деревни Старо-Драчевиной семья Ивана Рубцова, всего 16 душ мужского пола (81). В ближайшую, шестую ревизию 1811 г. деревня Плотникова была официально учтена в составе Чумышской волости, в ней 29 душ мужского пола. Верно даты заселения крестьян указаны иначе, чем в Ведомости де-Гарриги. Тимофей Васильевич Плотников поселился в 1797 г. с сыновьями и внуками. Тот же год поселения указан о семьях его брата Ивана Васильевича и племянника Григория Егоровича. Время поселения остальных семей - Ивана Тимофеевича Рубцова из Старо-Драчевиной, Ивана Никитича Рубцова из деревни Оплеухиной и односельчанина Плотниковых косихинского крестьянина Степана Черданцева отнесено к 1809 г. (82). Поскольку в ревизских списках чаще всего указывалось время официального разрешения о переселении, то датой возникновения деревни Плотниковой следует считать 1795 г. Название деревни получила по фамилии первооселенцев, главой которых был Василий Григорьевич Плотников.

В последнем десятилетии XVIII в. возникла у реки Большой Лосихи в 14 километрах от Косихи деревня Каркавина (ныне село Каркавино Косихинского района). В списках шестой ревизии 1811 г. по Чумышской волости показана новозаведенная после предыдущей ревизии деревня Каркавина и в ней 46 душ мужского пола, само-

вольно переселившихся из деревни Косихиной в 1796 г. крестьян Сохаревых, Каркавиных, Кротовых и Романовых (83). Уже упомянутая ведомость о самовольно заселявшихся деревнях управителя де-Гарриги, составленная в 1797 г., позволяет уточнить дату возникновения деревни. В ведомости названа деревня Каркавина при речке Чудотворихе от Косихиной в 12 верстах, очевидно, при впадении этой речки в реку Большую Лосиху. В деревне 30 душ мужского пола в шести семьях Артемия Ивановича Каркавина, Василия Елисеевича Сохарева, его отделившихся старших сыновей Луки и Семена Васильевичей Сохаревых, Ивана Романова, переселившихся в 1795 г. из деревни Косихиной. В том же году из деревни Раскаляки переселился Николай Земляных (84). Все косихинские крестьяне прибыли за Алтай из ведомства Соинского острога. Сохаревы и Романов с самого начала жили в деревне Косихиной, а Каркавины и Кротовы сначала в деревне Огурцовой, и позднее до 1782 г. выехали в Косихину (85). Название деревни Каркавина получили по фамилии крестьян Каркавиных.

В верховьях реки Жилихи располагается ныне село Верх-Жилиха. Как и два предыдущих населенных пункта (Плотникова и Каркавина), этот населенный пункт был впервые учтен в шестую ревизию 1811 г. Назывался он тогда деревней Жилиной, которая отходила к Чумышской волости. (Не путать с деревней Жилиной Белоярской волости, нынешним селом Жилиным). В Жилиной Чумышской волости было учтено в 1811 г. 25 душ мужского пола, в шести семьях. Семья Ивана Павловича Блинова, Тараса Федоровича Блинова, Ивана Терентьевича Блинова переселились из деревни Камышенской в 1798 г., семья Родиона Андреевича Титова из той же деревни - в 1799 г., семья Алексея Прокопьевича Титова из той же Камышенки в 1800 г. и семья Тимофея Васильевича Титова из деревни Еваджимовой в 1809 г. Из этого следует, что наиболее ранней датой заселения деревни является 1798 г. (86). Однако та же "Ведомость о вновь заселявшихся самовольно деревнях..." управителя де-Гарриги позволяет внести в датировку некоторое уточнение. В "Ведомости" показана деревня Терешкина, вновь заселявшаяся при реке Лосихе с 1795 г., в ней 11 душ мужского пола в трех семьях, переселившихся из деревни Камышенки (Закурдаевой): Терентия Титова,

Алексея Титова и Федора Блинова (87). Если сравнить данные этой ведомости со списком шестой ревизии по деревне Жилиной, то получается, что это один и тот же населенный пункт. В Ведомости 1797 г. в деревне Терешкиной назван Федор Блинов, а в ревизской сказке 1811 г. - его сын Тарас Федорович Блинов. В 1795 г. Тарасу было всего 8 лет, и поселиться в новой деревне он мог только с отцом. В 1811 г. ему было уже 24 года, семья, два сына Яков и Иван. А отец его Иван Павлович Блинов был переведен заводским начальством по какой-то причине в одну из деревень Барнаульской волости. И в Ведомости де-Гаррига и в ревизской сказке назван Алексей Прокопьевич Титов. Что касается названного в Ведомости 1797 г. Терентия Титова, по имени которого названа и деревня Терешкина, то он был двоюродным братом Алексея Прокопьевича Титова. Вместе они поселились на реке Жилихе, но позднее Терентий Андреевич Титов, как и И. П. Блинов, был переселен начальством в Барнаульскую волость, а деревня на реке Жилихе стала называться Жилиной. Кстати, все названные здесь Титовы были близкими родственниками, происходили от одного деда.

Краеводам, наверное, будет интересно, что Алексей Прокопьевич Титов был прапрапрадедом второго космонавта СССР Германа Степановича Титова. Его сын Леонтий Алексеевич, прапрадед космонавта, родился в 1805 г. в деревне Жилиной. Одним из его сыновей был прадед Г. С. Титова Иван Леонтьевич Титов, длинной жизнью Павлу Ивановичу - деду космонавта, у которого в начале XX в. родился отец космонавта Степан Павлович Титов. В XIX в. деревня, основанная Титовыми и Блиновыми, называлась Жилиной. В XX в., чтобы не путать с селом Жилиным, ее стали называть Верх-Жилинской. Она фигурировала даже под тройным названием: Верх-Жилинская, она же Журавлиха, а по церковным описям Терешкина (как в Ведомости 1797 г.) (88). Второе название по реке Журавлихе, притоку Жилихи, а третье название - в память первого жителя Терентия Андреевича Титова.

В списках шестой ревизии 1811 г. впервые была учтена деревня Зыринова на речке Малой Лосихе в пяти километрах от деревни Плотниковой. В ней было записано 10 душ мужского пола, поселившихся в 1803 г. Это были крестьяне деревни Зыриновой Чумышской волости (ныне село Зыриновка Заринского района) Егор Петрович Черных с семьей и крестьяне деревни Погорельской Елифан Агафонович Босых и Никита Дмитриевич Черкасов (89). 1803 г. показан как год заселения деревни Зыриновой в ревизских списках. Однако так же, как и по предыдущей деревне Жилиной (Терешкиной), эту дату, вероятно, следует уточнить. В материалах по проверке списков пятой ревизии 1795 г., составленных в 1797 г., отмечены демографические изменения, происшедшие до 1797 г. В числе новых мест поселения указаны деревня Терешкина на речках Жилихе и Журавлихе, Плотникова и другие, в том числе отмечено поселение в 1795 г. двух крестьян деревни Зыриновой на новом месте на речке Чулихе (90). В этих материалах, да и в названной выше Ведомости управителя де-Гаррига на речке Чулихе показана и деревня Плотникова. Очевидно, Чулиха - старое название речки Малой Лосихи, на которой и располагаются ныне село Плотниково и поселок Новозырянки. Соппадают и фамилии и имена первопоселенцев деревни Зыриновой на Малой Лосихе по материалам 1797 г. и материалам шестой ревизии 1811 г. Поэтому можно считать, что эта деревня возникла в 1795 г. Название свое она получила по деревне Зыриновой, из которой прибыли ее первопоселенцы. В следующую, седьмую ревизию 1816 г. деревню Зыринову на Малой Лосихе записали под названием Ново-Зыринова, чтобы не путать со старой деревней Зыриновой. В источниках начала XX в. деревня Ново-Зыриновская называется еще и Гагарской. Ныне это поселок Новозырянки.

Жители деревни Косихиной дали начало еще одному населенному пункту - деревне Сохаревой на речке Афонихе. Из материалов шестой ревизии 1811 г. следует, что в 1809 г. крестьяне деревни Косихиной Лука Васильевич Сохарев и Алексей Ильич Сохарев с семьями, всего 13 душ мужского пола, завели новую деревню Сохареву (91). Ныне это село Сохареве Косихинского района, расположенное в 17 километрах от Косихи и в 5 километрах от села Кархавино.

После 1800 г. в бассейне реки Большой Лосихи долгое время новые населенные пункты не заводились. Даже после 1865 г., когда было разрешено массовое заселение на территорию Алтайского округа, в Лосихинском бассейне новые поселения селились в старых населенных пунктах. До конца XIX в. отмечено лишь заведение в 1876 г. хутора Шадринского на реке Лосихе и в 1891 г. - деревни Фирсовский кордон у озера Большое Фирсово (92). Зато в первой четверти XX в. число населенных пунктов в Лосихинском бассейне возрастает. По переписи 1926 г. здесь насчитывается 59 населенных пунктов, в том числе 10 сел, 6 деревень, 19 поселков, 3 выселка, 6 коммун, 11 хуторов, 3 мельницы с жилыми постройками и постоянными жителями, одна больница с персоналом и пациентами близ села Косиха. Во всех этих населенных пунктах насчитывалось 6429 хозяйств, 32034 жителя, в том числе 15489 мужского и 16545 женского пола (93).

В последующие годы, как вообще в сельской местности, происходили важные социальные и демографические процессы, в результате которых исчезали мелкие населенные пункты, уменьшалась численность населения. Из 59 населенных пунктов в бассейне реки Большой Лосихи и ее притоков сохранилось ныне только 17 из тех, что учитывались переписью 1926 г., да добавилось несколько новых населенных пунктов: поселки Украинка, Восход, Луговая, Лучевое, разъезды Лосиха и Косиха и железнодорожная казарма 9 километра (94). Это по данным на первое января 1973 г. Наименее за последние 18 лет не прослежены. Интересным является то, что и в переписи 1926 г. и в последующие переписи наиболее крупными были самые старые населенные пункты. Места, избранные для поселения крестьянами в XVIII - начале XIX века, оказались, следовательно, удачными и большинство возникших тогда населенных пунктов существуют и ныне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ревкин В. С., Пушарев В. М., Ревкина Н. В. География Алтайского края. Учебное пособие. Барнаул, 1989. С. 111.
2. Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА), Ф. 214, Сибирский приказ, книги 1611 и 1626.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК), Ф. 1, Оп. 1, Д. 583, л. 461 - 463.
4. ГААК, Ф. 169, Оп. 1, Д. 176, л. 150.
5. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 73, л. 436.

6. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 19, л. 87.
7. ГААК, Ф. 50, Оп. 12, Д. 231-а.
8. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 143, л. 28 - 29.
9. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 134, л. 251.
10. Там же, Д. 273, л. 160.
11. ГААК, Ф. 169, Оп. 1, Д. 181, л. 124 - 146.
12. ЦГАДА, Ф. 214, Сибирский приказ, Кн. 1626.
13. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 28.
14. ЦГАДА, Ф. 214, Сибирский приказ, Кн. 1611.
15. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 28, л. 213.
16. Там же, Д. 73, л. 436.
17. Там же, Д. 97, л. 376.
18. ГААК, Ф. 50, Оп. 12, Д. 231-а.
19. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 45, л. 138.
20. Там же, Д. 134, л. 350.
21. ГААК, Ф. 169, Оп. 1, Д. 181, л. 147 - 169.
22. ЦГАДА, Ф. 214, Сибирский приказ, Кн. 1611, л. 263.
23. Покровский Н. Н. Антографический протест уральско-сибирских крестьян старообрядцев в XVIII веке. Новосибирск, 1874. С. 118 - 127.
24. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 273, л. 78.
25. ГААК, Ф. 169, Оп. 1, Д. 188, л. 1351 - 1360.
26. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 305.
27. Там же, Д. 211, л. 187 - 188.
28. Там же, Д. 134, л. 292.
29. Там же, Д. 45, л. 138.
30. Там же, Д. 103, л. 269 - 270.
31. Там же, Д. 45, л. 138.
32. ЦГАДА, Ф. 214, Сибирский приказ, Кн. 1611, л. 265.
33. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 28.
34. ГААК, Там же, Д. 143, л. 140, 320.
35. ГААК, Ф. 169, Оп. 1, Д. 221, л. 963 - 969.
36. Там же, Д. 822, л. 67.
37. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 45, л. 139.
38. Там же, Д. 134, л. 257.
39. Там же, Д. 143, л. 180, 313.
40. Там же, Д. 305, л. 193 - 196.
41. Там же, Д. 285, л. 97.
42. ГААК, Ф. 169, Оп. 1, Д. 221, л. 909 - 911.
43. Там же, л. 909.
44. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 45, л. 139.
45. Там же, Д. 134, л. 252.
46. Там же, Д. 236, л. 549.
47. ГААК, Ф. 169, Оп. 1, Д. 221, л. 923 - 924.
48. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 45, л. 138.
49. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 211, л. 187.
50. Там же, Д. 305, л. 188.
51. ГААК, Ф. 169, Оп. 1, Д. 221, л. 912 - 922.
52. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 28, ЦГАДА, Ф. Сибирский приказ, Кн. 1611.
53. ЦГАДА, Ф. 214, Сибирский приказ, Кн. 1611, л. 261 - 262.
54. ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 45, л. 138.
55. Там же, Д. 211, л. 187.
56. Там же, Д. 143, л. 318.
57. Там же, Д. 273, л. 78.
58. Там же, Д. 285, л. 224.
59. Там же, л. 305.

60. Там же. Д. 211. Л. 192 - 193.
 61. Там же. Д. 143. Л. 180, 318.
 62. Там же. Д. 273. Л. 78 - 79.
 63. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 188. Л. 1329 - 1350.
 64. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 66, 68.
 65. ШАДА, Ф. 214. Сибирской армарки. Кн. 1611. Л. 23.
 66. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 271. Л. 205, 215.
 67. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 221. Л. 926 - 925.
 68. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 273. Л. 74, 202.
 69. Там же. Д. 28.
 70. Там же. Д. 303. Л. 188.
 71. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 188. Л. 1351 - 1360.
 72. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 273. Л. 205, 215.
 73. Там же. Д. 97. Л. 376.
 74. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 221. Л. 925.
 75. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 131. Л. 237.
 76. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 221. Л. 923 - 924. Д. 181. Л. 1349 - 1350.
 77. Там же. Д. 183. Л. 180.
 78. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8. Л. 180.
 79. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 883. Л. 180. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1333. Л. 154 - 156.
 80. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 822. Л. 68.
 81. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 42. Л. 216 - 217.
 82. Там же. Д. 1233. Л. 222 - 223.
 83. Там же. Л. 189 - 190.
 84. Там же. Д. 42. Л. 216.
 85. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 188. Л. 1329 - 1340.
 86. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1233. Л. 224 - 225.
 87. Там же. Д. 42. Л. 217.
 88. Цифровые данные по учету сельского населения при племельном устройстве Алтайского округа. Барнаул, 1916. С. 165.
 89. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1233. Л. 221.
 90. Там же. Д. 176. Л. 446 - 450.
 91. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 188. Л. 1329 - 1350.
 92. Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1924.
 93. Там же.
 94. Алтайский край. Административно-территориальное деление. Барнаул, 1973. С. 33 - 34. 50 - 52.

А. В. СТАРЦЕВ

ТОРГОВЫЕ ВОРОТА В МОНГОЛИЮ

Историческая судьба поселка Кош-Агач, расположенного в Чуйской долине Горного Алтая, теснейшим образом связана с событиями истории становления и развития экономических и культурных отношений между Алтаем и Монголией, входившей до начала XX в. в состав Китайской империи.

Поселок был основан бийскими купцами, которые, по словам В. В. Радлова, "...устроили избушки для склада товаров на берегах Чуя на месте, называемом Кошо-Агач

(по-монгольски Кошамудун), находящемся верстах в 15 ниже того места, где река Чуя образуется из соединения речек Юстыд, Сайлу-кем, Кокорю и Кызыл-чин" (1). Точная дата строительства избушек не известна. В. В. Радлов считал, что это произошло в конце 20-х гг. XIX в. Чиновник министерства финансов коллежский советник Яценвич, побывавший в Кош-Агаче в 1868 г., указывал в отчете, что по сведениям купцов, поселок образовался в начале 30-х гг. (2). Автор книги о Чуйском тракте Д. Табаев полагал, что купеческие избушки были построены в 40-е гг. XIX в. (3).

Несмотря на разногласия в датировке, все исследователи сдвину в том, что причиной образования Кош-Агача явилась торговля жителей Алтая с китайскими подданными, которая производилась здесь задолго до времени ее официального разрешения, последовавшего после подписания между Россией и Китаем Пекинского договора в 1860 г. Эта торговля, по мнению Яценвича, была порождена "естественной необходимостью" и в перспективе должна была привести "к большому развитию нашей народной производительности и к прогрессивному усилению обмена русских произведений за границу" (4).

Основан факторию на Чуе, бийские купцы для торговли ездили дальше к китайской границе, где у ключа Нураты ежегодно проходила ярмарка, на которую приезжали монгольские солдаты с ближайших пограничных постов. Эта ярмарка, получившая название "Черюкседы" (от монгольского "черю" - войско), открывалась 25 июня и продолжалась в течение десяти дней. Русские торговцы привозили из Бийска хлопчатобумажные и шерстяные материи, выделанные кожи, чугуны и железные изделия, "мелочный" товар и обменивали их на скот, овечьи и козьи шкуры, чай, пушнину. Наиболее выгодным товаром, вывозившимся русскими торговцами с Чуя в этот период, были шкурки сурка, которые пользовались большим спросом на рынках европейской России и за границей. В 60-е гг. XIX в. купцы ежегодно скупали здесь от 300 до 500 тыс. шкурок сурка по 10-20 коп., за штуку и везли их на Ирбитскую ярмарку, где сбывали по цене от 20 до 50 коп. (5).

Возможность наживать в Кош-Агаче "рубли на рубль" привлекала сюда многих жителей Бийска и Бийского округа. На летнюю ярмарку в Чуйской долине присажало

до 100 человек, среди которых были купцы, мещане, крестьяне и торгующие "иногородцы". В 60-е гг. XIX в. своими торговыми оборотами в Кош-Агаче выделялись бийские купцы Гилевы, Фирсовы, Хабаровы, Мальцевы; мещане - И. Котельников, М. Андрея, А. Хабаров; крестьяне - братья Ошолоковы, Заблицкие, А. Соколов, М. Бодунов и другие. Летом 1869 г. сюда приехали доверенный крупный бийского купца А. Ф. Морозова и несколько крестьян Бухтарминской волости, которые прежде здесь никогда не торговали (6).

Однако рост торговых оборотов и высокие прибыли "чуйцев" (как стали называть торгующих в Кош-Агаче) мало влияли на внешний вид и благоустройство поселка. По свидетельству бийского полицейского исправника Е. Замыatina, в 1869 г. в Кош-Агаче было "двадцать три избышки со складными амбарами и по подписке купцов, сделанной в 1864 г., сооружена деревянная небольшая церковь, которая еще не освящена" (7). Большинство торговцев приезжали в Кош-Агач только на лето, а зимой здесь оставалось человек 15 - 20 приказчиков, которые охраняли непроданный товар и торговали с монгольскими пограничниками и местными скотоводами-кочевниками. В это время поселок представлял собой особенно безрадостную картину. Яркое, художественное описание зимнего Кош-Агача оставил Г. Н. Потанин, возвращавшийся из своего путешествия по Монголии в декабре 1877 года. "...Выйдешь за ворота, - писал он, - там-сям какие-то мертвые срубленные оконницы или просто без окон, похожие больше на деревенские бани; между ними торчат темные конусы - это телегатские ямы из жердей, прикрытые дрянной корой... Жизнь не слышно; сороки и вороны сидят неподвижно нахохлившись на соседней бани; никакого звука, кроме изредка раздающегося скрипа снега под копытами лошади, меркнувшей на привязи у конюшни, где ее оставил вошедший к приказчику телегат, чтобы набрать в долбелой бязи да красного ситю; никакого движения - изредка только подают из-за лавстреной вершины какого-нибудь дыма от выброшенных под очаг двух-трех щепок и снова прекратится..." (8).

Жизнь приказчиков, оставленных зимовать в Кош-Агаче, была однообразной и неустроенной в бытовом отношении. Даже в самом лучшем доме, принадлежавшем

бийскому купцу Гилеву, обстановка была весьма далека от роскоши. "Три некрашеных стола, два табурета, кровать, покрытая тюменским ковриком, потускневшее зеркало, связки белек под столом, железная печь, производящая удушье (голландской печи нет ни у Гилева, ни в церкви, вследствие неимения кирпичей), ряд номеров "Отечественных записок" за 1864 год и "Нава" за последний год - вот и все обстановка русского приказчика". Сообщая об этом в письме к Н. М. Ядринцеву, Г. Н. Потанин делал вывод о том, что "русский купец и приказчик не вносит с собой комфорта европейской жизни. Являясь в дикую степь, он принимает ее законы" (9).

На наш взгляд, согласиться со столь категоричными суждениями ученого можно лишь с известными оговорками. Купцы принимали "законы степи" не потому, что не умели или не хотели обеспечить себе "комфорт европейской жизни", а потому что обстоятельства не позволяли им этого сделать. Отвратительные пути сообщения и суровые природные условия Чуйской долины являлись серьезным препятствием для роста населения Кош-Агача и его благоустройства.

Попав в этот период в Кош-Агач можно было двумя путями. Первый путь шел через селения Быстринское, Удалу и Телецкое озеро. Но по нему, по свидетельству современников, "ни санная, ни верховая спешная езда без особенной расчистки дорог положительно невозможна" (10), а потому "бийские купцы никогда не отправляли и не отправляют своих товаров на Кош-Агач по направлению через Телецкое озеро" (11).

Другой путь, получивший название Чуйского тракта, пролегал через село Алтайское, миссионерский стан Онгудай и далее шел по берегам Урсуда, Улгемея, Катуня и Чуи. По описаниям Яценюча, эта дорога "...как и первая, имеет трудные подъемы и перевалы через гряды горных хребтов, местами подымавшихся до линии вечных снегов, и тоже часто проходит через броды, болота, леса и через множество малых и больших боров" (12). На участке от Онгудая до Кош-Агача Чуйский тракт представлял собой горную тропу, двигаться по которой можно было только верхом. Здесь товары перевозились в конских вьюках, весом не более 5 пудов на одну лошадь. Такой способ доставки грузов был крайне неудобен, а весной и осенью, когда тропы покрывались ледяной кор-

кой, — просто опасен. "Много лошадей пропадает от истощения, калечения, — писал С. П. Швецов, — часто бывают случаи, когда лошадь вместе с вьюком срывается с борма и убивается" (13). Весь путь от Бииска до Кош-Агача занимал летом 12 — 14, а осенью и весной — не менее 20 суток.

Трудность перевозок усугублялась тем, что от Онегуды до Кош-Агача караваны двигались по фактически безлюдной местности. Даже в конце XIX столетия на этом участке тракта было всего три населенных пункта, в которых, по переписи 1897 г., проживало 114 душ обоого пола (14). Поэтому проезжающие были вынуждены запастись провиантом в Вийеке или, в крайнем случае, в Огулде, а "необходимость экономии в помещении и весе не дозволяют во вьюках перевозить никаких других запасов кроме чая и сухарей, которые большей частью и служат у путешественников единственной пищей во время этих переездов" (15).

После утомительных дневных переходов (движение по тракту, во избежание несчастных случаев, осуществлялось только в светлое время суток) караваны останавливались на вочевьях "... или совершенно под открытым небом, или в легких парусиновых палатках, подвергаясь нестерпимому зною или холоду" (16).

Прибывав в Кош-Агач, торговцы также не могли рассчитывать на комфорт и более разнообразный стол. Даже летом здесь нельзя было добыть свежего хлеба или овсяной, так как местные условия не позволяли заниматься сельским хозяйством. По описаниям исследователей, в Чуйской долине "лето мало жаркое, зима холодная; поздней весной и ранней осенью бывают заморозки, губительно действующие на хлебные культуры, вследствие чего здесь земледелие почти не существует; осадков летом мало, зимой снежный покров почти отсутствует" (17).

Пожалуй, единственным, чем мог похвалиться Кош-Агач в эти годы, — были прекрасные пастбища для скота. Здесь, отмечал В. В. Радлов, "великолепно растет и крупный и мелкий скот; потому что там степные места превосходны для верблюдов и мелкого скота; а в ушелях высокая и сочная трава — наилучший корм для лошадей и коров" (18).

Таким образом, Кош-Агач привлекал прежде всего скотопромышленников, кулцов и лиц, желавших, по словам бийского полицейского исправника Е. Замятинна, "получить хорошую прибыль на небольшой капитал". Однако стремление к быстрому обогащению требовало своей платы и далеко не каждый оказывался готов к этому. Как сообщал Е. Замятин, многие торговцы, "... съездив на Чую два или три раза и потеряв здоровье, отказывались от продолжения торговли в Кош-Агаче, несмотря на всю выгоду этой торговли. Люди же капитальные, имеющие возможность при умеренных процентах получать хорошие дивиденды от своих торговых оборотов, не рискуют подвергать товары и свою личность разного рода случайностям, соединенным с потерей капитала и жизни" (19).

Изменить положение пессака и ликвидировать его изоляцию от внешнего мира можно было, по мнению торговцев и местной администрации, лишь перестроив вьючную тропу в колесную дорогу. Некоторые попытки в этом направлении стали предприниматься, начиная с 70-х гг. XIX в., когда бийские купцы стали торговать непосредственно в китайских пределах — городах северо-западной Монголии Кобао и Улясутае. По поручению генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казанкова, на Алтай выехал инженер М. А. Брещинский с целью "исследования поминутного торгового пути и составления, в качестве инженера, соображений о том, насколько этот путь удобопроездим и какие могут быть местными же средствами сделаны приспособления к его улучшению" (20).

В своем отчете М. А. Брещинский выражал надежду на то, что после прокладки удобной дороги в Чуйскую долину Кош-Агач станет важным транзитным пунктом на пути следования товаров из России в Монголию и обратно. Пока же, по его словам, здесь "... не образовалось благоустроенного селения" и поселок "по-прежнему состоял из убогих хижин, беспорядочно разбросанных на глинисто-солонцеватой степи, покрытой кочками и изредка мелким кустарником" (21).

На поручика инженерных войск П. Гольшера, производившего изыскательские работы на Чуйском тракте в 1893 г., Кош-Агач, по его выражению, произвел "убийственное" впечатление. В отличие от М. А. Брещинского, П. Гольшера весьма скептически оценивал перспективы

развития поселка. "В будущем, - писал он, - от него ожидать даже при проведенной дороге нечего: здесь не произрастают никакие хлебные растения, даже попытка разведения простейших овощей при помощи искусственного удобрения также не увенчалась успехом. В Кош-Агаче достать абсолютно ничего нельзя, все сюда привозится из Бийска..." (22).

Примерно таким же увидел Кош-Агач и Е. Шмурло, путешествовавший по Алтайским горам летом 1896 г. "Это по-прежнему ни город, ни деревня, ни село, - писал он, - даже ни группа зданий, а просто десяток или полтора строений, без всякого плана и порядка разбросанных по степи на версту и более" (23). Как и прежде, в Кош-Агаче не было ни одной лавки, а единственным общественным зданием была небольшая церковь, которая, по словам путешественника, "...совсем не напоминает "храм Божий", а разве только символ его" (24). Построенная по настоянию томского губернатора Г. Лерхе еще в 60-е годы, она долгое время стояла пустой и только в середине 90-х гг. сюда был прислан священник из Чулымского монастыря, который впервые организовал здесь богослужение на алтайском языке.

Двадцатый век внес изменения в ветроприемную жизнь далекого Кош-Агача. Перемены были связаны с тем, что после обсуждения многочисленных проектов, долгих дебатов и разного рода бюрократических проволочек летом 1901 г. началось строительство Чуйского тракта. Часть средств для этой цели была отпущена Комитетом Сибирской железной дороги, часть - императорским Кабинетом, а недостающие деньги были собраны торговцами в Монголии предпринимателями. Строительство тракта дало основание проезжающему через Кош-Агач капитану Генерального штаба В. Л. Попову оптимистично оценивать дальнейшую судьбу поселка. "Пройдет 10 - 15 лет, - считал он, - и Кош-Агач может сделаться новою Кяхтой" (25).

В 1903 г. дорожно-строительные работы были завершены и перевозка грузов по тракту стала осуществляться на телегах. Это событие купцы-чуйцы отметили весьма своеобразно. Перед въездом на Ак-бом они соорудили деревянную арку, а далее на отвесной скале поместили следующие стихи: (26)

"На скале этой немного написать могу:
Здесь устроена дорога в девятьсот втором году.
Проезжающий! Не бойся, поезжай смелей,
В поворотах успокойся, только правь верней.

Прежде ездил ты бомами, мучился с вьюком,
Посажай теперь с возами и в карьер верхом.
Только с вьюком и возами не гони в карьер.
Не считай перил дропами, не ломай барьер.
Чуйцы долго ожидали этого пути,
Десять тысяч вмиг собрали. Сальджар обойти.
Их желание сбылось - Сальджар в стороне,
Десять тысяч все пришлось уложить в горе.

Хоть Ялман гора большая - скоро не войдешь,
Что же делать? У Алтай лучше не найдешь".

Перестройка прежней вьючной тропы в колесный тракт благотворно действовала и на жизнь поселка, и на развитие торгово-экономических связей с Монголией. В Кош-Агач была переведена таможенная и пограничная казначейская команда, был построен просторный дом для священника, открыта миссионерская школа, из Бийска переселилось несколько семей торговцев. Значительно возрос поток грузов, шедший в Монголию и из Монголии. Наглядное представление об этом дает следующая таблица: (27)

Транзит грузов и скота через Кош-Агач
в конце XIX - начале XX в.

Год	Количество грузов (пуд.)	Голов скота (шт.)	Год	Количество грузов (пуд.)	Голов скота (шт.)
1892	27590	1189	1900	82446	819
1893	39345	2292	1901	114727	431
1894	54990	8798	1902	135796	-
1895	67350	3627	1903	175999	25672
1896	84321	1869	1904	173128	30943
1897	91238	733	1905	173573	3648
1898	86013	1550	1906	151171	4615
1899	94314	150	1907	184424	6036

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в 1892 - 1901 гг. через Кош-Агач в среднем проходило 74,2 тыс. пуд. грузов и 2146 голов скота в год. Начиная с 1902 г., когда перевозка товаров стала осуществляться на

телегах, эти цифры резко увеличились. В 1902 - 1907 гг. среднегодовой транзит грузов через Кош-Агач составил 169,3 тыс. пуд., а прогон скота - 12158 голов.

Для обеспечения торгового движения в Кош-Агаче было открыто отделение транспортной конторы, сюда был проведен телеграф и на средства купцов организована частная почта, раз в неделю доставлявшая корреспонденцию в Онгудай. В отличие от 90-х годов, когда в Кош-Агаче не было ни одного магазина, в 1907 г., по свидетельству В. И. Верещагина, здесь имелось несколько лавок, в которых "...можно достать все необходимое" (28). Например, в лавке купца И. Г. Игнатьева можно было купить разные ткани, посуду, чай, сахар, сапоги, галоши и даже духи и помаду. Помада и духи, в связи с малочисленностью в Кош-Агаче дамского общества, предназначалась для кочевников Горного Алтая, покупавших этот товар из-за красивой коробки или флакона. "Зайди в лавку, - сообщал В. И. Верещагин, - инородец берет как дитя, что ему бросается в глаза, будь то блестящие металлические пуговицы или красивый флакон с духами" (29). Разумеется, такая покупка обходилась недешево.

В последние годы перед первой мировой войной через Кош-Агач проезжали сотни предпринимателей и их служащих, провозили десятки тысяч пудов различных грузов. В 1910 - 1914 гг. торговый оборот на этом участке границы превышал 3 миллиона рублей в год, что составляло более 30 процентов общего товарооборота между Россией и Монголией. Это не прошло бесследно для поселка. В 1911 г. число постоянных жителей Кош-Агача составило 93 человека (30). Здесь имелась школа, почтово-телеграфное отделение, таможня, резиденция участкового фельдшера, ветеринарный пункт. Однако социальный и профессиональный состав населения поселка практически не изменился. "Главное и почти исключительное занятие жителей Кош-Агача, - сообщал профессор Томского университета В. В. Саложников, - это торговля с инородцами окружающего района - киргизами и теленгитами. Для этого при каждом доме имеется амбар с товарами: мануфактурой, железом, чаем, посудой, табаком и т. д." (31). В 1912 г. здесь были торговые заведения А. С. Афанасьева, Я. П. Букина, М. А. Коаловского, две лавки фирмы "Наследники И. Г. Игнатьева", годовой оборот которых составил 52 тыс. руб. (32). Немного по-

тже открылись отделения фирм А. В. Колмакова и Н. Б. Кадгаманова, которые скупали крупные партии сырья в Монголии и вели торговлю с кочевым населением Горного Алтая.

Мировая война значительно сократила торговые обороты с Монголией по Чуйскому тракту. К 1917 г. движение караванов через Кош-Агач фактически замерло и возобновилось после окончания гражданской войны в 1923 г. С этого времени начинается новый этап в истории горного поселка.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Радлов В. Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность // Записки ИРГО по отделению статистики. Т. 2. СПб., 1871. С. 399.
2. РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 3 об.
3. Табаев Д. И. Чуйский тракт. Горно-Алтайск, 1975. С. 6.
4. РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 23 об.
5. Принц А. Торговля русских с калмыками на реке Чуе и поселки в г. Хобдо // Известия ИРГО. Т. 1. № 1. СПб., 1865. С. 4.
6. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 15 об.
7. Там же.
8. Потанин Г. Н. От Кош-Агача до Байска // Древняя и новая Россия. СПб., 1879. 6. С. 133-134.
9. Пискарев Г. Н. Потанин, Т. 3. Иркутск, 1989. С. 110.
10. РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 11 об.
11. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 331. Л. 2.
12. РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 10.
13. Швецов С. П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. Барнаул, 1898. С. 14.
14. Дорожник по Сибири и Азиатской России. Кн. II. Томск, 1899. С. 79.
15. РГИА. Ф. 20. Оп. 5. Д. 199. Л. 14.
16. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 26 об.
17. Зыбин В. Чуйский тракт // Жизнь Сибири. Новоноковский, 1925. № 2. С. 64.
18. Радлов В. Указ. соч. С. 619.
19. ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 26 об.
20. Брешневский М. А. Исследование путей в Алтайском крае // Записки ЗСО ИГО. Кн. III. Омск, 1881. С. 1.
21. Там же. С. 72.
22. ГААК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 21. Л. 22.
23. Шмурло Б. Описание пути между Алтайской станицей и Кош-Агачем в Южном Алтае // Записки ЗСО ИГО. Кн. XXX. Омск, 1898. С. 47.
24. Там же.
25. Попов В. Д. Очерк поселки по горной системе Алтая // Записки ЗСО ИГО. Кн. XXX. Омск, 1908. С. 16.
26. Штейнфельд В. Справочник по городу Байску и Байскому уезду. Байск, 1911. С. 127.
27. Мамыловский В. Исторический очерк развития торговых сношений с Китаем по Чуйскому тракту и современное положение этой торговли

- //Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, 1910. С. 103-110 (подсчет - А. С.).
24. Верещагин В. Н. От Барнаула до Монголии //Алтайский сборник. Т. IX. Барнаул, 1908. С. 39.
29. Там же.
30. Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. С. 333.
31. Саложников В. В. Пути по Русскому Алтаю. Томск, 1912. С. 69.
32. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 206. Л. 236 об. - 237, 242 об. - 243, 254 об. - 255, 258 об. - 259.

В. А. СКУБНЕВСКИЙ

КАМЕНЬ-НА-ОБИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Село Камень Барнаульского уезда Томской губ. статус города получило лишь в 1915 г. Возник Камень в середине XVIII в., но долгие годы особенно не выделялся по размерам среди прочих деревень и сел Алтай. Старинное село стало стремительно расти на рубеже XIX и XX веков, превращаясь в настоящий коммерческий центр для близлежащих волостей (1).

Для того, чтобы понять причины роста Камня, следует хотя бы кратко показать некоторые стороны развития сельского хозяйства Алтай, так как рост села был связан в первую очередь с торговлей продуктами сельского хозяйства. На рубеже веков сельское хозяйство края развивалось интенсивно. Условия для его развития были здесь более благоприятные, чем, например, в Европейской России. Здесь не было помещичьего землевладения, крестьяне значительно лучше были обеспечены землей, жили зажиточнее крестьян Центральной России. Это являлось основной причиной миграции тысяч крестьян из Центра на окраину. Северо-восточные волости Барнаульского уезда особенно интенсивно заселялись в период Столыпинской аграрной реформы. Если в 1897 г. население Барнаульского уезда составляло 584 тыс. чел., то в 1915 г. - 1495 тыс. (2). Рост населения положительно влиял на развитие производственных сил региона, вел к распахиванию новых земель, росту сборов хлебов, развитию промыслов.

Сибирская железная дорога, построенная к концу 1890-х годов, позволила вывозить продукты сельского хозяйства из Западной Сибири в значительно больших мас-

штабах, чем ранее, а это повлияло на рост товарности сельского хозяйства. Отличительной его чертой на Алтае являлось преобладание среди выращиваемых культур зерновых, при этом около 50% площадей находилось под пшеницей и 30% под овсом. Сравнительно мало выращивали ржи и технических культур. Пшеница являлась основной товарной культурой в земледелии края. Так, в 1914 г. "излишки" хлеба в Барнаульском уезде составляли 73 млн. пуд., или около 50 пудов на душу населения (3). Алтай относился к регионам, вызвавшим в значительных количествах хлеб в зерне и муку.

Другой вывозимый продукт - сливочное масло. Маслоделие в начале XX в. в Западной Сибири развивалось стремительно. Одна из предпосылок его быстрого развития крылась в большом количестве скота, хорошем качестве трава, которое влияло на вкусовые свойства молока и масла. Если в Европейской России на каждые 100 жителей приходилось 23 головы крупного рогатого скота, то в Томской губ., куда входил и Алтай, 72 головы (4). В 1900 г. на Алтае насчитывалось 237 маслозаводов, а в 1910 г. - 1214 (5). Подобные заводы были небольшими кустарными предприятиями и располагались в обычных деревенских избах. Тем не менее, сибирское маслоделие заняло в стране господствующее положение в экспорте масла. Масло в Сибири скупали датские, немецкие и прочие иностранные компании, а также "Союз сибирских маслодельных артелей", объединивший артельные заводы.

Камень в 1890-е годы становится значительным центром скупки пшеницы, а в начале XX в. и масла. В начале 90-х годов XIX в. многие районы империи, включая Урал и Tobольскую губ., охватил голод. Напротив, на Алтае были хорошие урожаи и относительно низкие цены. Пуд пшеницы стоил здесь от 20 до 30 коп., а то время как в Тюмени - 1 руб. 50 коп. - 2 руб., в Екатеринбурге - до 3 руб. (6). В этих условиях миллионы пудов пшеницы стали скупаться и вывозиться в Тюмень. В эти же годы стало расти значение и Каменской пристани. Только в навигацию 1892 г. было отправлено 400 тыс. пуд. (7). Но и после окончания голодных лет потоки зерна с Алтая не прекратились. Автор "Экономической географии Сибири" П. Головачев писал: "Алтайский хлеб собирается на многочисленных пристанях по Оби и движется отчасти до Ново-Николаевска для местных мукомолов, отчасти

для вывоза по железной дороге и, наконец, следует водом на Тюмень и дальше на Котлас" (8). Одной из этих пристаней была Каменская. Хлебная торговля играла ведущую роль в экономике села, но не была единственным занятием жителей.

Судя по данным Томского губернского статистического комитета за 1904 г., Камень уже мало напоминал обычное село. Здесь заметно формировалась городская инфраструктура, о чем свидетельствовали разветвленная сеть торговых заведений, отделение Сибирского торгового банка, первые промышленные предприятия, ряд учебных заведений. Да и число жителей - 15 тысяч, вполне соответствовало небольшому городу и превышало показатели ряда городов Томской губ. Приведем это описание, по стилю столь близкое к обычному перечню, но в то же время столь информативное: "Река Обь, церковь, при церкви свечной склад, смешанная гимназия на правах ср. уч. зав., 2-х классное МНП училище, церковно-приходская школа, школа грамоты, переселенческий пункт, почтово-телеграфная контора, две ярмарки: 2 июня и 22 ноября, недельный базар, пристань, 10 торговых магазинов, 160 мелочных лавок, 10 складов земледельческих орудий, 8 контор скулки сливочного масла, аптека, аптекарский магазин, 3 транспортные конторы, отделение Сибирского торгового банка, крупчатная мельница, 1 паровая мукомольная мельница, пивной завод, 3 мыловаренных завода, 2 кожевенных завода, паровая лесопилка, 2 пивных склада, 2 казенные винные лавки" (9).

Каменская пристань имела с 1904 по 1910 год среднегодовой грузооборот 2,8 млн. пуд., занимая восьмое место в Обь-Иртышском бассейне. Но по отправке хлебных грузов (2 млн. пуд.) она занимала третье место, лишь незначительно уступая Семипалатинску - 2,4 млн. пуд. и Барнаулу - 2,3 млн. пуд. В приложении 1 показан грузооборот Каменской пристани с 1904 по 1910 год, по официальным данным министерства путей сообщения. За эти годы наблюдался рост прибытия грузов с 600 тыс. до 1442 тыс. пуд. Отправка грузов в 1906 г. превысила 1 млн. пуд., в 1907 г. - 2,5 млн., в 1909 г. - 3 млн. пуд. Вес отправляемых грузов был значительно больше получаемых, так как среди вывозимых товаров преобладала пшеница. Особенно много ее было отправлено в 1909 г., 3 млн. пуд. Из Камня зерно перевозилось в северном

направлении, прежде всего в Ново-Николаевск, а также в Томск, Тюмень. Хлебом торговали не только местные предприниматели (Винокуровы, Фальковы), но и парходчики и торговцы из Барнаула (Е. И. Мельникова, Фуксман, Ельаштейн), Томска (Гороховы), Тюмени (Завально-Сибирское т-во парходства и торговли, Корниловы, Плотниковы), Ново-Николаевска (владельцы паровых мельниц).

Именно как хлебная пристань запомнился Камень Ивану Пырьеву, известному кинорежиссеру, уроженцу Алтая. Он писал в воспоминаниях: "На высоком берегу нашего села, как многоэтажные дома, стояли гигантские деревянные амбары-элеваторы купцов Второвых, Винокуровых и других. В каждом дворе такого элеватора летом сушилась, проветривалась пшеница. Тысячи пудов ее горнами лежали на гладком выметенном дворе, и сотни женщин деревянными лопатами ворошили, подбрасывали пшеницу вверх. Одной из этих женщин была моя мать. По узким деревянным лестницам, с высоты трех- и четырехэтажных амбаров, с мешками пшеницы на плечах бесконечной вереницей шли грузчики. Один из этих грузчиков был мой отец" (10).

Заметную роль играл Камень и в маслоторговле. В 1906 - 1910 годах его в среднем вывозилось водным путем от 100 до 200 тыс. пуд. В селе открылись отделения датских маслоторговых фирм: "Сибирской компании", Кнудсена, Иргенсона, Мартенсона, английской - "Финет" и др. К примеру, обороты каменского отделения "Сибирской компании" в 1905 г. составили 440 тыс. руб. (11). Названные компании, а также американская Международная компания жатвенных машин, продавали сельскохозяйственную технику и "принадлежности молочного хозяйства". Каменский склад Международной компании жатвенных машин имел 47 комиссионеров, что свидетельствовало о значительных торговых операциях (12). Камень привлекал внимание крупнейшей в текстильной торговле московско-сибирской компании "А. Ф. Второв с сыновьями", которая во второй половине XIX в. торговала в Иркутске и других городах Восточной Сибири, а в начале XX в. открыла сеть универсальных магазинов в городах Томской губ., в том числе в Томске, Ново-Николаевске, Барнауле, Бийске, а также в Камне-на-Оби. В 1913 г., например, в каменском магазине Второвых

было занято 40 приказчиков. Отметим, что второвская фирма в Камне не только продавала текстиль, но торговала хлебом. Прежде всего торговали предопределяя преобразование Камня в город. В 1912 г. здесь податная инспекция зарегистрировала 89 торговых предприятий 1-3 разрядов, т. е. не включая мелкие, с годовым оборотом 7350 тыс. руб. и прибылью 276 тыс. руб. По оборотам торговля село вышло в губернии на четвертое место после Томска, Ново-Николаевска и Барнаула, опередив не только небольшие города, но и Бийск - известный и крупный торговый центр (13).

Не столь стремительно развивалась промышленность. Мелкие заводы и мастерские обслуживали нужды горожан и населения окрестных деревень. Это лесопильный завод Фалькова, основанный в 1907 г., булочнично-кондитерская Ястржембского, кондитерская "Слава" П. А. Санникова, его же цех по производству безалкогольных напитков, колбасная мастерская Кравчика, а кроме того, небольшие кружевные, овчинно-шубные, кирочные и некоторые прочие заведения (14). В приложении 3 отражены сведения о промышленных предприятиях Камня в 1910 г.

Иной характер носило мукомольное производство. Так называемые крупчатные мельницы, изготавлившие муку крупчатку высшего качества, представляли из себя мукомольные фабрики с паровыми двигателями и оборудованием, которое отвечало передовым стандартам того периода. Мельничное оборудование поставляли московские фирмы "Антон Эрлангер и сыновья" в "Добровы и Набогольд". В Камне были построены 3 крупчатные мельницы. Винокуровы и Фальков пустили мельницы в производство в 1907 г. Время постройки мельницы "Каменского торгового-промышленного товарищества", как и состав владельцев, не выявлены (15). Мощность паровых двигателей составляла: на мельнице Винокуровых - 128 л. с., Фалькова - 110 л. с., Торгово-промышленного товарищества - 105 л. с. Первая из указанных мельниц была рассчитана на перемол 800 тыс. пуд. зерна, а две другие - на 500 тыс. в год. Но не всегда они работали с полной нагрузкой. Так, в 1911 г. размол составил на винокуровской мельнице 650 тыс. пуд., у Фалькова - 385 тыс., на мельнице "Каменского торгового-промышленного товарищества" - 250 тыс. пуд. (16). Значительная часть муки

вывозилась в Ново-Николаевск и отправлялась по железной дороге в восточном направлении. Можно предположить, что эта мука направлялась на винокуровские склады.

Число рабочих на мельницах было невелико, учитывая их производительность. Это свидетельствовало о высокой механизации процессов. Так, на мельнице Винокуровых было занято от 40 до 50 рабочих, а в 1916 г. - 70, в их числе 20 подростков. На мельнице Фалькова - от 15 до 20 рабочих, у "Торгово-промышленного товарищества" - 45 рабочих (17). По всем показателям мельница Винокуровых была крупнее. Ее обороты в денежном выражении составляли в 1907 - 1910 годах от 400 до 600 тыс. руб., а в 1914 г. - 1,2 млн. руб. (18).

О Винокуровых следует рассказать подробнее, так как эти предприниматели сыграли большую роль в истории Камня начала XX в. Они являлись выходцами из крестьян села Тюменцево Барнаульского округа. Там в 1876 г. 27-летний крестьянин Андриан (в некоторых источниках - Андриан) Ильич Винокуров основал торговое дело, основой которого стала хлебная и мануфактурная торговля. Подобное сочетание было характерно в деятельности многих торговцев Алтая. На рубеже XIX и XX веков А. И. Винокуров перебирается в Камень, как более перспективное место для коммерческой деятельности. По крайней мере в 1902 г. он уже проживал в Камне, так как известно, что принял самое деятельное участие в сооружении нового каменского собора Богоявления, в значительной степени финансировал строительство и сам приобрел, доставил в Камень колокола весом в 61 пуд (19). В 1906 г. А. И. Винокуров основал торговый дом с основным капиталом 90 тыс. руб. "А. И. Винокуров и сыновья". Уже на следующий год, как отмечалось, была построена мощная паровая мельница. Небольшая паровая мельница торговый дом имел также в селах Тюменцево и Родион. В Камне был выстроен Винокуровыми городского типа двухэтажный универсальный магазин. Известно, что в числе прочих товаров там продавалась продукция известной в России Никольской мануфактуры "С. Морозова сын и К^о". В 1909 г. А. И. Винокуров умер, и дело возглавили его сыновья Родион, Василий и Степан. Они выбирали гильдейские свидетельства барнаульских купцов, проживая, как и отец, в Камне, Родион - первой

гильдии, Василий - второй гильдии. Степан выбирал гильдейское свидетельство только в 1914 г., а в 1915 г. он был мобилизован в армию, где служил писарем. Александр Андрианович оставался в крестьянском сословии и проживал в родном Тюменцево, там же проживала и его мать Александра Семеновна. Хозяйство Александра напоминало в большей степени фермерское, чем купеческое: конный завод, торговля лошадьми, прочие виды сельскохозяйственного производства. Для конного завода был построен уникальный, думается, не только по сибирским меркам, крытый манеж диаметром 21 и высотой 15 м, он сохранился до настоящего времени.

Торговый дом расширил коммерческие операции, и его капитал был увеличен до 2 млн. руб., обороты в 1913 г. превысили 5 млн. руб. (20). Сюда входили обороты не только камешских предприятий, но и отделений в других селах Барнаульского уезда. Но Винокуровы имели торговлю в Ново-Николаевске и Иркутске. По размаху торговых операций торговый дом Винокуровых накануне первой мировой войны был одним из крупнейших на Алтае. Об авторитете фирмы свидетельствуют и большие кредиты Государственного и частных банков. Винокуровы получали кредиты не только в Каменском отделении Сибирского торгового банка, но и в отделениях банков в Томске, Ново-Николаевске и Барнауле. Так, кредит в Барнаульском отделении Сибирского торгового банка составлял 100 тыс. руб., в Ново-Николаевском отделении Государственного банка в 1916 г. - 250 тыс. руб. (21). Андриан Ильич и его сыновья Родион и Василий относились к числу миллионеров. На рубеже XIX и XX веков из числа крестьян Алтая вышло немало крупных предпринимателей Сибири, в их числе крупные предприниматели Ново-Николаевска Корольковы, Лобастов, Машинские (22).

Интересные данные о судьбе Винокуровых после 1917 г. собрали камешский краевед Т. Н. Зенухина, в том числе через переписку с потомками купцов (23). Жена Андриана Ильича Александра Семеновна умерла в 1923 г. в Томске, где она жила в это время у дочери Феофаны. Сыновья Родиону, Василию и Степану с семьями удалось эмигрировать в Китай, где они развернули торговлю в Харбине, а потом и в Шанхае. Василий умер в Китае, а его семья переехала в США. В 1955 г. Родион и Степан

с семьями вернулись в СССР. Александр Андрианович после Октябрьской революции остался на родине и был в 1920 г. расстрелян красными, несмотря на попытки местных крестьян защитить его. В том же году был расстрелян и муж Феофаны, Всеволод Станиславович Петкевич. Он был сыном польского ссыльного дворянина, в Камне открыл первый кинематограф, а после женитьбы на дочери Винокурова стал управляющим на паровой мельнице. Многие из семьи Винокуровых прожили долгую жизнь, в их числе Александра Семеновна, Феофана Андриановна, Степан Андрианович, а Родион и жена Степана прожили по 95 лет.

Значительно скромнее были капиталы и предпринимательская деятельность другого купца, проживавшего в Камне, Александра Степановича Хомутова. Он выбирал свидетельство барнаульского второй гильдии купца, об имуществе мы можем судить по завещанию (24). Умер А. Хомутов в 1912 г. в Москве, где находился на лечении. Его имущество было оценено в 108,8 тыс. руб., в том числе недвижимое в Камне - 71,1 тыс. руб. (двухэтажный дом с пристройками, каменный магазин, 2 деревянных амбара, лавки), товары - на 37,2 тыс. руб. Наследство, за вычетом долгов и некоторых прочих расходов, составило 72,3 тыс. руб. и перешло к жене купца.

Каменный собор, корпуса больших мельниц на обском берегу, магазины и купеческие особняки городского типа придавали селу городской облик, особенно его центру. Большая часть Камня была застроена традиционными для большинства сибирских городов одно- и двухэтажными деревянными домами. Камешские жители, в их числе купцы С. А. Винокуров, А. С. Хомутов, в 1910 - 1911 годах обращались в Земский отдел Главного управления во веден местного хозяйства и лично на имя Николая II с просьбой о преобразовании села в город (25). В 1915 г. Камень был преобразован в безуездный город Барнаульского уезда. Впрочем, и до преобразования в город, и после Камень сохранил сельские и городские черты. Значительная часть его жителей держала скот и занималась аграрным трудом. Но эти занятия все более становились вспомогательными, о чем, например, свидетельствуют данные сельскохозяйственной переписи 1917 г. Город имел 243 квартала, 2951 хозяйство с 14,6 тыс. голов скота и 9606 десятинами посева. На одного жителя при-

ходилось менее 1 дес. посева, и это говорит о подобной роли сельского хозяйства для большинства жителей. (См. приложение 4).

Переходный тип Камня отражался и на его общественно-политической жизни. Крестьян села волновали аграрные вопросы, и в Камне проявлялось крестьянское движение в традиционных для Алтая формах: порубках леса, попытках пересмотреть границы земельных и лесных наделов, в стихийном сопротивлении властям. Например, события 12 июня 1900 г., 1906 г., 1912 и 1914 годов (См. приложение 6).

Иной характер носили действия рабочих и торговых служащих, их недовольство проявлялось в стачках - организованных формах протеста. В ноябре 1905 г. почтово-телеграфные служащие присоединились к общероссийской политической стачке почтово-телеграфных служащих. По продолжительности и упорству отличалась стачка приказчиков фирмы "А. Ф. Второв с сыновьями". Началась она с иркутского универмага и охватила почти все отделения названной фирмы в Сибири. Требования были разработаны иркутскими приказчиками, и в других магазинах фирмы, в том числе каменском, их поддержали. Однако в Камне бастовали не все приказчики, 11 чел. из 40. Участники этой забастовки в Камне, как и в прочих городах Сибири, были уволены администрацией.

С 1915 г. Камень резко замедляет темпы роста. Одна из причин крылась в завершении строительства Алтайской железной дороги (Ново-Николаевск - Барнаул - Семипалатинск). Дорога миновала Камень, и он оказался в стороне от основного транспортного пути, так как роль паромства стала резко сокращаться. Не мог не отразиться на судьбе города и опустошительный пожар 8 июня 1916 г., сгорело 100 домов, в их числе магазин Второвых, 25 прочих торговых помещений. Убытки составили 4 млн. руб. (26). Если в 1916 г. население города составило 21 тыс. жителей, то по переписи 1917 г. - лишь 14,4 тыс. чел. (27).

В советский период Камень не стал крупным индустриальным центром и относится к числу малых городов. Его хорошее географическое положение (р. Обь, железнодорожное сообщение, центр группы земледельческих районов и др.) реализовано далеко не полностью. Опыт прошлого подсказывает, что Камень мог бы развиваться,

как и в начале XX в., отрасли перерабатывающей промышленности и торговлю.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Данная публикация является расширенным и переработанным вариантом статьи, опубликованной в томском краеведческом альманахе. См.: Скубинский В. Горюхи на Оби (Камни и начало века) // Сибирская страна. 1992. № 1. С. 8 - 9.
2. История Алтая в документах и материалах. Концы XVII - начало XX в. Барнаул, 1991. С. 238.
3. Обзор Томской губернии в сельскохозяйственном отношении. Томск, 1915. С. 67.
4. Горюшкин Д. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Концы XIX - начало XX. Новосибирск, 1967. С. 158.
5. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 81. Оп. 1. Д. 82. Л. 15.
6. Левин И. Сибирские монополии. СПб., 1892. С. 1.. 6.
7. Путинцев Н. В. Статистический очерк Томской губернии. Семир. 1892. С. 98.
8. Головачев П. М. Экономическая география Сибири. М., 1914. С. 155.
9. Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томск, 1904. С. 184 - 185.
10. Пьерье И. О пробытом и пережитом. // Искусство кино. 1970. № 7. С. 133.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 196. Оп. 6. Д. 140. Л. 42.
12. Лукин А. А. Американская монополия "Интернешнл Харвестер Ко" в Сибири. // Из истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1971. С. 138.
13. Статистика торговых налогов и пошлин. Государственный промышленный налог - за 1912 г. Пр., 1915. С. 184 - 185.
14. Сибирь. Спутник и адресно-справочная торгово-промышленная книга. М., 1910. С. 156.
15. Фабрики и заводы всей России. Киев, 1913. С. 606.
16. Косен С. Очерк хлебной торговли в Алтайском округе и Семипалатинской области. СПб., 1913. С. 90 - 91.
17. Там же; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 16. Д. 317. Л. 4 об. - 6.
18. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пр., 1914. С. 903.
19. Степанский Т. М. Богоявленские широкорядные города Камня-на-Оби. // Алтайский сборник. Вып. 15. Барнаул, 1992. С. 186.
20. ГАТО. Ф. 196. Оп. 6. Д. 536. Л. 25 об.
21. Список лиц и фирм, аккредитованных в конторах и отделениях Государственного банка, для предъявления и учета векселей с указанием делов на 1 янв. 1916 г. Б. г., б. д. (Библиотека РГИА).
22. Рабинович Г. Х. Крутая буржуазия Новокузнецка (Новокузнецк) в период капитализма. // Из истории Алтая. Томск, 1978. С. 70.
23. Зезулин Т. Города провинциальный. // Добрый день. 1992. № 13.
24. ГААК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 160.
25. Степанская Г. М. Уезд. соч. С. 191.
26. РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 1265. Л. 187.

27. Нагибеда В. Я. Томская губерния. Статистический очерк. Томск, 1917. С. 28; Он же. Организация Всероссийской переписи 1917 г. в Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1920. С. 20-24.

Приложение 1
Грузооборот Каменской пристани в 1904 - 1910 гг.

Год	Прибытие всех грузов, тыс. пуд.	Отправка всех грузов, тыс. пуд.	В том числе:	
			зерныя, тыс. пуд.	сл.в. мас- л, тыс. пуд.
1904	638	638	свед. нет	свед. нет
1905	346	860	-	-
1906	379	1197	529	110
1907	573	2552	1961	113
1908	967	2342	1636	159
1909	1176	3272	3070	185
1910	1442	3407	2803	215

Материалы по экономическому исследованию внутренних водных путей. Отд. 2. Т. 1. СПб., 1912. С. 268, 274, 276, 308, 311.

Приложение 2
Отправка муки-кручатки из Камня водным путем

Год	Всего отпра- влено, тыс. пуд.	В том числе:		
		в Ново-Нико- лаевск	в Томск	в Томск
1908	148	131,6	0,7	15,7
1909	231	200,5	21,2	6,4
1910	190,1	155,7	18,5	1,7

Материалы по экономическому исследованию внутренних водных путей. Отд. 2. Т. 1. СПб., 1912. С. 410-451.

Приложение 3
Промышленность Камня в 1910 г.

Группа производств	Число заведений	Число рабочих, чел.	Сумма производства, тыс. руб.
Деревопильное	1	20	50
Крупчатное	2	80	680
Кожовальное	3	14	3,5
Кирпичное и гончарное	7	30	17
Мышьячное	2	6	1
Маслодельное	2	6	0,4
Пилоустановочное	4	18	1
Овощное	10	18	1,5

Журнал присутствия по крестьянскому отделению // ГАТО. Ф. 1. Оп. 44. Д. 3973. Л. 64. об.

Приложение 4
г. Камень по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Население, об. пола	-	14481 чел.
Крестьяне	-	243
Постройки жилых	-	2569
" нежилых	-	2214
Хозяйств	-	2951
Скота всего	-	14684
т. ч. лошадей	-	4345
коров	-	4345
Хозяйств с посевами	-	1407
у них дес. посева	-	9006

Нагибеда В. Я. Организация Всероссийской переписи 1917 г. в Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1920. С. 20 - 24.

Приложение 5
Состав семей купцов Винокуровых

ВИНОКУРОВ Андриян Ильич (1849 - 1909), жена Александра Семёновича (1851 - 1923), дети: Родион (1874 - 1968), Степан (1884 - 1957), Василий (г. р. 1889), Александр (г. р. 1920), Фёкла (г. р. 1977). Дети Дарья, Фёкла, Лидия умерли в детском возрасте.

ВИНОКУРОВ Родион Андриянович (1874 - 1966), жена Акули Ивановна (г. р. 1885), дети: Анатолий (г. р. 1909), Валентина (1910 - 1990), Геннадий (г. р. 1913), Лидия (г. р. 1915).

ВИНОКУРОВ Степан Андриянович (1884 - 1957), жена Евдокия Михайловна (1890 - 1985), сын Сергей (г. р. 1911).

ВИНОКУРОВ Василий Андриянович (г. р. 1889), жена Галина Ивановна (г. р. 1889), сын Леонид (г. р. 1911).

ВИНОКУРОВА (ПЕТКЕВИЧ) Фёкла Андрияновна (г. р. 1977), муж - Петкевич Всеволод Степанович (1884 - 1920), дети: Агнесса (г. р. 1907), Борис (г. р. 1909).

Земляники Т. Городец провинциальный. // *Выборный день*. 1992. N 13; ГАТО. Ф. 196. Оп. 9. Д. 1139. Л. 15; ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 81. Л. 53 - 54; Д. 90. Л. 6 - 7, 11 - 12.

Приложение 6
Хроника крестьянского и рабочего движения в Камне

1900 г., 12 июня	Крестьяне оказали неповиновение и сорвали приставу, возмущались запретом собирать хлеб для призываемых на работу чинов. Оказ на участие в волнений предьяв суду. (Крестьянское движение в Сибири. 1861 - 1907 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1985. С. 182).
1905 г., 15 - 28 ноября.	Политическая стачка почтовых-телеграфных служащих. (Рабочее движение в Сибири. Т. 2. Томск, 1990. С. 185).
1906 г., 1 апр.	200 жителей села оказали вооруженное сопротивление японской части, были убиты. (Крестьянское движение в Сибири. 1861 - 1907 гг. С. 261.)

- 1906 г.,
7 мая. Топка северными насаждениями на прибывающую речку Солдат. (Крестьянское движение в Сибири. 1361-1907 гг. С. 263.)
- 1907 г.,
26 февраля. Лесные порубки. Крестьяне оказали вооруженное сопротивление администрации имения, ранали областного. (Крестьянское движение в Сибири. 1861 - 1907 гг. С. 298.)
- 1907 г.,
16 июля. Забастовка промышленных рабочих и торговых служащих Винокуровых. Экономические требования. По условиям ходатайства 300 чел. бастующих (ГАТО, Ф. 3. Оп. 56. Д. 95. Л. 26).
- 1907 г.,
конец июля. Забастовка грузчиков на приставках. Требования: увеличить плату с 12 руб. за 1000 пуд. деревенских грузов до 25 руб. Все приставки, кроме В. А. Горюхова и А. Д. Родионова, плату повысили до 20 руб. Грузники Горюхов и Родионовы стачку продолжали, время ее окончания не известно. (Сибирская жизнь. 1907. 2 августа.)
- 1910 г. Образовано общество взаимомощии служащих в торгово-промышленных заведениях с типовым уставом. Число членов в 1915 г. - 130, в марте 1916 г. - 84 чел. (Рабочее движение в Сибири. Т. 3. Томск, 1991. С. 140.)
- 1912 г.,
18 марта. Собрание приказчиков выразило протест против революционного законодательства о нормировании рабочего дня. Обратились с телеграммой в правление землемонополиционных партий в Гос. думу с просьбой о защите их интересов. (Рабочее движение в Сибири. Т. 3. С. 168.)
- 1912 г.,
апрель. Волнения крестьян, вызванные землеустройством, крестьяне не признавали новых земельных границ. (Горюхов Д. М., Ноздрин Г. А., Савойдочный А. Н. Крестьянское движение в Сибири. 1907 - 1914 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1986. С. 172 - 173.)
- 1913 г.,
с 18 мая. Стачка 11 приказчиков магазина "А. Ф. Вперед с сыновьями". Стачка солидарности с приказчиками Иркутского и др. магазинов пивзаводской формы. 15 требований, в том числе 8-час. рабочий день, ежегодные месячные отчисления отпуска и др. Стачка не увенчалась. (ГАТО, Ф. 3. Оп. 13. Д. 2071. Л. 9-12. Оп. 77. Д. 402. Л. 111 - 112. Жизнь Алтая. 1913. 21 мая.)
- 1914 г.,
начало года. Волнения крестьян-земельцев, направленные против выселения с них земельных сборов и податей. (Горюхов Д. М., Ноздрин Г. А., Савойдочный А. Н. Указ. соч. С. 194 - 195.)
- 1914 г.,
конец апреля. Волнения запасных (Горюхов Д. М., Ноздрин Г. А., Савойдочный А. Н. Указ. соч. С. 195.)
- 1916 г. Образована судно-сберегательная касса приказчиков. 126 членов. (Рабочее движение в Сибири. Т. 3. С. 299.)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СЕЛ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

(по итогам работы краеведческих экспедиций на территории Солонешенского, Павловского и Третьяковского районов)

На протяжении двух столетий территория современного Алтайского края являлась развитым сельскохозяйственным регионом и славилась потомственными крестьянами, хорошим хлебом, маслом, медом, воском, кожами. Источниками благосостояния являлись трудные и нравственные традиции крестьянского мира, многочисленных и разнообразных сельских поселений (заимок, писелок, хуторов, поселков, деревень, сел). За годы Советской власти происходило интенсивное раскрестьянивание. Если в 1926 г. численность сельских жителей составляла 92,2% от общего числа населения, то в 1989 г. всего 42,1%. Количество сельских населенных пунктов Алтайского края сократилось в 3,6 раза (с 5800 в 1926 г. до 1611 в 1991 г.). Вместе с гибелью деревень потеряны не только трудовые коллективы, терется значительная часть истории: самобытная деревенская культура, крестьянский уклад жизни, крестьянское миропонимание и мироощущение. Разрушение деревенского мира, строившегося веками, осуществлялось в короткие сроки, на глазах двух-трех поколений советских людей. Для историков предоставилась уникальная возможность не только собрать и сохранить воспоминания очевидцев и участников исторических событий, но и использовать их для объективного анализа истории российской деревни в советское время.

В 1991 г. при кафедре отечественной истории Барнаульского педагогического университета образована Лаборатория исторического краеведения. Одной из научно-исследовательских программ Севера устной истории является изучение истории исчезнувших и исчезающих сел края. В рамках программы были проведены экспедиции на территории районов Солонешенского (1990 г.), Павловского (1991) и Третьяковского (1992 г.). Заложен архив устных исторических источников и фотодокументов по истории исчезающих и существующих сел. Автор статьи являлась руководителем последних двух экспедиций (первую возглавлял А. Д. Сергеев) и имеет личный архив по данной проблематике, материал которого используется в работе.

ИТОГИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В ходе летних экспедиций проводилось комплексное районное историко-этнографическое изучение сел. Основными методами исследования являлись устный опрос, интервьюирование, анкетирование старожилов исчезнувших и малых сел, наблюдение и изучение планировки, застройки существующих сел, родовых гнезд и крестьянских изб кон. XIX - нач. XX вв. Организация исследовательских работ была опробована в солонешенской экспедиции и применялась впоследствии при изучении Павловского и Третьяковского районов. Базовый лагерь размещался в райцентре, имеющем постоянное автомобильное сообщение с центральными усадьбами. Экспедиционный отряд разделился на поисковые группы в 3 - 4 человека, которые за время экспедиции совершали двух-трехдневные выезды в сельские Советы. Перед каждой группой выдвигались следующие задачи:

1. Установить число исчезнувших и малых сел на территории сельсовета.

2. Провести интервьюирование жителей исчезнувших сел, записать их рассказы и оформить их как исторический источник (с подписью интервьюированного и печатью сельсовета).

3. Посетить места исчезнувших сел, зафиксировать их точное местоположение, застройку и планировку, изучить материальные остатки.

4. Собрать материал о материальной и духовной культуре крестьянства, нравственных традициях крестьянской семьи, изучить народные оценки переломных исторических событий.

За время работы были описаны на территории Солонешенского района свыше 20 исчезнувших сел: Таловка, Мульчиха, Гордеевка, Коминтерна, Вятчиха, Красный Ануй-Ануйское, Калиничка, Большая речка, Малиновка, Коммунист, Прямое, Огород, Боровское, Листвишка, Москалевка, Большой Лиственянок, Садовое, Светлинское, Чапаевское, Октябрьское; свыше 30 исчезнувших сел Павловского района: Моховое, Малая Штабка (осталось 2 семьи), Дубровка, Фунтовка, Агроедет, Панышиха, Харьков (4 семьи), Лога, Абакни, Калужка, Зеленый Клин, Лебедянка, Журавлиха, Большевик, Телеутское, Змыряновка, Тиховское, Нечаевка, Шиловка, Церковное,

Инвалядское, Ирба, Нигели, Аврора, Горноп, Новый путь, Махлев Лог, Никольское, Покровское, Октябрьское, Петровка, Баранкино, Быково, Россиянка, Чапье, Трофиловская и на территории Третьяковского района также свыше 30 сел: Поручиково, Толмачиха, Зубоскалово, Острая Сонка, Куралка, Большая и Малая Харьковка, Дифлишка, Чеканово, Акимовка, Бондари, п. Третьяки, Алейная зависка I и II, Чесуштаново, Вакулиха, Троицкое, Большой Луг, Дмитриевка, Обедков, Зареченский, Мантиский выселок, Петровский, Ключовский, Калужка, Каллинка, Крутиха, Шиндеева зависка, Никитинский, Чесноки, Ново-Пушкинка. Таким образом, по нашим подсчетам, с карты трех районов Алтая исчезло более 80 сел.

На границе исчезновения старейшие села Алтая - Касмала и Черемно-Полгорное Павловского района (основаны во 2-й четверти XVIII в.). В перспективе они могут перейти в категорию дачных поселков, как Харьков и Лога. Этому способствует близость Барнаула. Два двора осталось в Чеканово, чуть больше в Ивановке и Светлой Зоре Третьяковского района. Но даже в деревнях, где много домов, нельзя однозначно говорить о прекращении процесса разрушения, так как во всех существующих селах большую часть населения составляют пенсионеры и люди преклонного возраста. Нельзя назвать деревню процветающей, если под значительным числом крыш доживают свой век старики. Такого размаха трагедии в крае не осознают. Процесс гибели сел трех районов Алтайского края, помноженный на территорию всей России, позволяет представить всю сложность и неизученность проблемы "умирания" российской деревни.

Нельзя сказать, что тема "перспективных" деревень в настоящее время обойдена вниманием. Нужно отдать должное публицистам и журналистам, поднявшим эту тему на страницах газет и журналов. Однако обсуждается эта тема на высоком эмоциональном уровне. Эмоциональный подход позволяет привлечь внимание общественности и власть предержащих к названной проблеме. Однако российские историки в долгу перед обществом. Процесс исчезновения деревень, исследование субъективных и объективных причин требует научного подхода. Составление членами экспедиций карт исчезнувших сел, восстановление их экономической и социальной истории, фик-

сирование материальной и духовной культуры крестьянства являются определенным вкладом в дело возрождения России.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО В НАРОДНОЙ ОЦЕНКЕ

Традиционными методами исследования аграрной истории в советское время до недавнего прошлого являлась работа с государственными, партийными, законодательными актами и архивными документами. Успех исторического исследования в значительной степени определяется полнотой источниковой базы. Использование одних официальных материалов государственных архивов привело к ограниченности и односторонности научных публикаций. Но самый большой недостаток архивного материала и академических изданий видится в тенденции, запечатленной в отборе материала и освещении проблем российской деревни. Для достижения исторической объективности необходимы народные оценки переходных этапов в истории деревни: революции и гражданской войны, коллективизации, раскулачивания и т. п. пропущенные через сознание и жизненный опыт конкретного участника истории, крестьянские оценки возможностей и условий развития деревни в советское время, причём их гибели.

В отличие от официальной исторической науки, разделявшей историю России XX столетия на два периода до и после революции 1917 г., участники и свидетели бурных событий недавнего прошлого гранью коренных преобразований деревенской жизни называют 30-е годы. Народные оценки основаны на сопоставлении двух периодов: до и после 30-х годов. Революция 17-го года не оставила в памяти алтайских крестьян большого следа, не вызвала больших изменений крестьянского уклада. В крестьянском словаре отсутствует слово "революция". Повсеместно крестьяне называют события 1917 г. "переворотом". Такое понятие несет в себе смысл верхушечных перестановок, не затронувших основную массу народа. По-видимому, историкам необходимо прислушаться к мнению свидетелей тех событий.

Много споров сейчас развернулось вокруг вопроса борьбы белых и красных в годы гражданской войны,

пылу которых часто слышатся крайние оценки. Одни для доказательства своей точки зрения ищут аргументы в мемуарах белых генералов, другие - красных командиров. Обращения к воспоминаниям старожилов показывают, что научная оценка не может быть категоричной и однозначной. Исторический процесс порой проявлялся противоречиво. Но интересно, что в сознании крестьян "красные" остались как "наши". Жительница с. Староалейское Е. И. Дмук аргументировала так: "Попавшая у нас в Корболик была. Выдавала красных белым. Красные пришли, босиком ее водили по Змеиногорску. Потом груди обрубили. Померла. За делом ей. Она наших белым выдавала." По-видимому, связано это было с тем, что на Алтае красными партизанами вынужденно становились односельчане, свои мужики для защиты своей семьи, хозяйства, земли. А белые - чужаки, пришлые, которые вторглись в жизнь крестьян. Это проявилось и в рассказе Дмук: "В переворот у нас тут много банд (Анненков, черные чеки, всего 3 банды) проходило... Прятались по погребам. Потом наши придут - выдают. Те уходили в Змеиногорск. Пороли только белые, красные нет. Белые зверствовали. А красные-то наши. Пороли красных. Сидят штабы и порют до тех пор, что нельзя брюки одеть. Мужики в юбках ходили. А как пороли: так, что обмажется, так встань, прибери и снова ложись. Хоронились. Как только банда. Все бросали и уезжали в поле".

К сожалению, все меньше остается людей, которые могут рассказать "свою правду" о тех событиях. Уходит из жизни рядовые очевидцы, которые без идеологии и политики могли оставить повествование о судьбе рядового человека в период эпохальных событий. В современных архивах, к сожалению, отложились документы тенденциозного характера, отсутствуют свидетельства другой стороны, у которых была своя правда. Собранные в экспедициях рассказы дают разные оценки и красному, и белому движению, кулакам и активистам комбедов. Произошло удивительное дело - в эпоху письменности целый исторический отрезок времени выпал из истории. Современным исследователям без свидетельства рядовых участников трудно прийти к объективности. Необходимо торопиться в опросе последних очевидцев и восполнить пробелы.

В памяти старожилов наиболее благоприятным периодом для развития крестьянского хозяйства остались 20-е годы - время расцвета единоличного хозяйства. Народные оценки основаны на сопоставлении предыдущего периода (когда они зависели от общины) и последующего периода (когда их лишали паспортов и прикрепили к колхозам). В сознании крестьян это время ассоциируется с предоставлением им полной свободы и собственности на землю. Как образно определил житель Сибирячихи Л. Т. Денисов, "...иди куда хошь, делай что хошь и стоворившись вместе жить и работать поехали на давно обжитую землю". Е. И. Дмук: "Уезжали на целину, тогда не было на них налога".

Практическими результатами новой экономической политики нового государства на Алтае в 20-е годы стало основание новых сел, проходившее традиционным крестьянским способом: основание постоянных и сезонных поселений вблизи производительного пространства - пашни, пастбища, выпаса, сенокоса. Так, жителями Сибирячихи образованы села Гордеевка (на свою землицу переселился С. Г. Гордеев с земляками Тушиковыми, Черепановыми, Архиповыми), с. Вятчиха (переселился Осипов со своими сыновьями), Красный Ануй, Александровское, Лесная землица, Черемшанка и др. Так же образовались с: Большой Луг: "Алей был большой и глубокий. И эти земли находились по ту сторону, а принадлежали Корболихи на этой стороне. Там сено косили. Маялись: лошадей, сенокосилки туда и обратно таскали. Риз лошадь утонула. Зимой тоже сено вывозить плохо - забока. Брат и объявил: кто согласен перевозиться?" Каждое старое село на Алтае дало от 2 до 10 выселков.

Крестьяне выбирали место с учетом направления ветра, наличия воды, солнечного света, леса, возможности заниматься побочным промыслом: пчеловодством, сбором грибов и ягод. Так крестьяне Корболихи основали в 5 км от Староалейки Вакулиху, потому что "там место хорошее: вода, трава, скотина и свинья вольно ходили. Там ягоды было полно. Смородины навалом. Земля также корболихинская была, а ездить через Алей плохо". Для жителей Большого Луга важны были "пастбища по забокам Алея. Вместе с коров, с овец пасли", для Дмитриевки также на Алее нашлись "хорошие места: кусты, забока". И Вакулиха, Троицкое, Большой Луг, Дмитриевка - вы-

селки Корболихи Третьяковского района. В этом районе многие жители приделских старейших сел Корболихи, Староалейки, Екатериновки, Камышенки "оселились по Алею" в 20-е гг. (А. Я. Волженкина). Но крестьяне выбирали не только самое производительное место, но и красивое, живописное. Именно практический крестьянский опыт и крестьянская этика определяли жизнеспособное пространство каждой деревни. Крестьянская инициатива и предприимчивость являлись главными движущими силами формирования сети сельских поселений Алтая в 20-е годы. Народное творчество проявилось в создании многообразных типов поселений: деревня, поселок, выселок, землица, хутор, односелье. Экономическая целесообразность определяла характер и размеры крестьянского поселения, его долговечность или краткосрочность, основные направления развития хозяйства, отбор культур, формы и типы домов и т. д.

Чаще всего новое село возникало на месте землицы крепкого крестьянина. Так возникло с. Зырянновка Павловского района. К. М. Пахорукова вспоминает: "У нас в Телеутской был мужик. Прозвали его Зырянком. Выделывал кожи, овчины. Звали его Тимофеем Григорьевичем Шидлов. Крепкий был, оборотистый. Сначала он не жил на месте Зырянновки, а держал за Обью коров. Ездили донть на лодках. Там привозил для скота. Иногда оставались там ночевать. Потом надоело ездить, стали селиться. Летом держали там скот, а на зиму уезжали. Когда мы с мужем после свадьбы приехали, там было около 5 домов. Потом стали наезжать молодые из Телеутской, Петровки. Ловили лес из реки, ставили дома. Некоторые жили в землянках". У. Л. Зайцева доходчиво объяснила основание Алейной землицы в 3 км от Староалейки: "Тогда какие люди были позажиточнее, поехали как сейчас на дачу: там чаща, лес, луга. Огороды можно держать. Первым уехал Савватей Деметьевич Климов. Так у них было 5 избушек. Потом стали мы приезжать".

Крестьяне не помнят о событиях, происходивших в стране (борьбе в партии, ИЭП). Рассказ о жизни в те годы старожилы начинают одинаково: "когда жила единолично", иногда расшифровывают "жила своим хозяйством, имели свои пашни, скот", "хорошо было". И "для себя растили, и излишек продавали", не имели "над собой начальников". У. Л. Зайцева образно определяла:

"Тогда не знали, как живет государство. Жили сами по себе. И веселей было. А сейчас всех слушаем и ничего не поймешь". Дела решали всем обществом. М. С. Нисина вспоминает, как распределяли землю в Троицком: "На горе были пашни. Для скота оставляли пастбища. А пашни делили, сколько у тебя семян. Делил пашню "старший поселка". К. М. Пахорукова рассказала о разделе земли в Петровке: "Жили дружно. Покое делили веревками и давали только на мужиков. У меня было 4 сына. Муж говорил - богаты будем, земли навалом, сыночков. А девок яри кормить. А делили так: бросит веревку - это ваша земля. Каждый имел пашню и скот. Тогда землю как удобряли - бросали, отдыхали. Так отец поехал под Подгорное и купил 5 га почти целины, а свою землю оставили. Сено на ней косили - трава, хоть чай заваривай".

В отличие от официальной истории, представлявшей деревню до коллективизации как арену классово-борьбы, старожилы делят население на тех "кто работал, кто не работал" (С. С. Ночаева). Кто работал - тот жил хорошо, кто не работал - жил плохо: "Жабина бедно жила, ничем не занималась". Старожилы отмечают, что возможности крестьян при единоличном хозяйстве были шире. Единоличники вели хозяйство умело, используя природные и климатические условия конкретной местности: умело сочетали земледелие, скотоводство и пчеловодство на задних дугах Оби и Алей, скотоводство, пчеловодство и кустарные промыслы в гористой местности. Несомненно, направленность единоличного хозяйства была обусловлена производительными возможностями окрестных мест деревни. Например, села Ключевское и Петровское располагались на расстоянии 8 - 9 км. Но если в Ключах "скота много держали", т. е. "кругом лес", то "сею заготавливали и сеяли хлеб под Петровском, в Ключах негде было заготавливать - лес кругом" (К. К. Кирилина). М. В. Петрова определила возможности жителей Ключей: "Землю не пахали - негде было, все кругом лес, не сеяли, а все было связано с лесом. Все занятия были связаны с лесом".

Крестьянское хозяйство было комплексным: успешно выращивали злаковые и технические культуры, мак, табак, овощи. Знали где, что и как лучше садить, как ухаживать, когда убирать. Труд крестьянина был опла-

дотворен опытом предшествующих поколений: "Когда не было колхозов, у нас была своя жнейка, 3 амбара. Имели 4 лошади, 4 коровы и 4 детей: 2 сестры, 2 брата. У отца хлеба был полный амбар. Амбар был большой: в центре пролет и по обе стороны по три сусека, забиты хлебом. Хлеб в амбаре был большой, как бобы. В другом амбаре в сусеки овес засыпали". А. И. Арамаксена из с. Черемное многое помнит из богатого опыта односельчан по выращиванию табака: "Табачные поля начинались сразу за Солонювкой. Табачную рассаду старушки садили в рассаднике. Следили за ростом. Табак до морозов надо было убрать, а то ударит мороз - табак плохой. Табак выжали пучками и весила сушить в рягу до тех пор, пока не станет осипаться". Интересно определила потенциальные силы крестьянского хозяйства Р. Ф. Клещева из Касмали: "в 20-е годы крестьянам отводили и нарезали земля каждой семье... Хлеб сеяли, мак, широги пекли, коноплю на масло дарили (раньше-то, когда старые постились, - ели льняное, маховое, конопляное масло). А готовили масло на обойках, ездили в Рогозиху на коровах. Семенчи возили рушить в Павловск. Гречиху сеяли. Только картошки мало садили. А нынче всех картошка замучила: и скоту и себе. Дыни хорошие были... Сами держали пчел. Сейчас как-то не идут. Враз гибнут. Сейчас и растения не растут". Совершенно потеряны в наши дни опыт и навыки многих крестьянских промыслов, в том числе пчеловодства. Практически в каждом дворе имелась пасека. Занятие пчеловодством опиралось на традиции крестьянства, выработанные столетним опытом содержания пчел: "В те годы медосбор был хороший и меду много. А варикозу не было, как сейчас. В то время по 8 кг меду на день прибывало. Каждый день надо было качать. Утром падишь, покосишь и идешь на пасеку..."

Из села, которое были образованы крестьянами в период свободного землепользования, до наших дней сохранились единичны. Но опыт аграрного освоения Алтайского края свободными хлебопашцами полезен был бы и в наши дни. Особый интерес представляет обращение к крестьянскому опыту возделывания земли, переработки и хранения зерновых и овощей, секретам крестьянского ремесла и кустарного производства. Одна из причин сельско-хозяйственного кризиса в наши дни видится в потере бытовавших в каждом селе производственных и трудовых

традиций. Крестьянский труд индивидуален. Успех хозяйствования на конкретном поле зависит от знания данной земли, климата и т. п. В этом деле нет мелочей. Конкретный опыт эксплуатации конкретного поля может найти применение в современном сельском хозяйстве. И если верить политикам и экономистам, предлагающим возрождение русской деревни через фермерство и аренду, то лучших мест, чем прежние места обитания сельских жителей, не найти. По-видимому, влияние НЭПа на алтайскую деревню, потенциальные возможности частного предпринимательства на примере развития единоличного хозяйства должны стать самостоятельным объектом изучения академической науки с опорой на устные источники.

Разрушение сельских поселений Алтая, а вместе с ними и крестьянского уклада жизни, началось с 30-х годов. В советское время деревня пережила бурные реорганизации, перестройки, преобразования (всего более 30 кампаний). Наибольший удар нанесли кампании 30-х годов - коллективизация и раскулачивание, 50-х - укрупнения колхозов и 60-80-х - ликвидации перспективных сел. Объективными причинами являлись подъем промышленности в 30-70-е гг., вызвавший спрос на рабочую силу и отток населения из села, и потери мужского населения в годы войны - 1941-1945. Но первопричиной являлась замена индивидуального хозяйствования на земле коллективным трудом и администрированием. Инициатива преобразований исходила от официальных властей и проводилась через директивы, постановления и указы. Беседы со старожилами показали, что административный путь реализации масштабных программ не учитывал настроения и пожелания самого сельского труженика. Как образно высказалась старая казачка из Верх-Алейки К. К. Кирьянова, "... деревню раскурочили начальники. Начальникам-то делать нечего".

Меньше крестьяне вспоминают процесс ликвидации хуторского хозяйства, оселения зимок и хуторов в период передачи всей земли колхозам, но никто в своих рассказах не обходит вопросы организации колхозов и последующего за ним раскулачивания. Создание колхозов воспринималось как неизбежный путь, при котором не было выбора: "В колхоз ломались, не шли. Привезали из Корболохи по ночам. Заставляли - подносили. Сначала ломались. Потом пошли". (М. С. Нисина). Нам не встре-

тилось ни одной семьи, которая бы не пострадала сама или ее родственники. В каждом рассказе содержится подробный рассказ об односельчанах, подвергнутых репрессиям. Они похожи по содержанию. Например, М. Т. Ильина из Фунтовки с юмором оценила раскулаченных: "В селе жили трудяньки - трудились с утра до вечера. Потом за их труд и раскулачили". "В Петровке вообще зажиточные жили... А потом, как стали кулачить - все полетели" (К. М. Пахорукова). "А что забрали, кто трудился, тот богаче был" (Е. И. Дмух).

С раскулачиванием и коллективизацией старожилы связывают гибель целого ряда сел. Так с Тиховское до 30-40 дворов "до колхоза было большой деревней. Во время колхозов стала распадаться. Семьи пошли в колхоз, скот тоже сдали туда. Кормиться стало трудно и население стало уезжать в Елувино". Фактически прекратили свое существование Алейная зимка I и II (15 и 30 дворов). У. Л. Зайцева вспоминает: "Когда колхозы стали образовываться, все из Алейной зимки стали переезжать в Староалейку. Уже до войны никого не стало... Деваться было некуда. Все у нас забрали, а жить-то надо было на что. И пошли в колхозы". В итоге на территории трех районов были ликвидированы малодворные поселения - хутора, зимки, мельницы, пасеки. Подорваны силы молодых поселений, возникших в 20-е годы, т. к. их образовали крепкие дворы, попавшие в категорию кулаков. Мало кто в Солонешенском районе помнит село Большой Листвененок, который раскулачивали в середине 30-х годов. Д. С. Нормадский рассказал: "В Большом Листвененке жили коржаки. Две мельницы имели. Все огородили ливневницей. За ней скот держали. Когда меня в 1938 г. в армию брали - еще дома пустые оставались, несколько людей жили. А в годы войны сожгли на дрова или увезли в Светлинскую, там создавали коммуны". И. А. Москалев помнит: "В Большом Листвененке дома были большие, крестовые. Дворов 10, но крепкие. Был маслозавод. Маркел имел двухэтажный крестовый дом. Хитрый был - когда раскулачивали - уехал в Куесту. Когда кулачили, все разбежались. А Емельяна Большакова (хороший хозяин был) сослали в Нарым. А дома в Листвененке были, я завидовал - мощные, двухэтажные".

В памяти потомственных крестьян, несмотря на сильный идеологический прессинг, остались свои представле-

ния о кулаках: крепкий мужик, хороший хозяин, крепкий двор. В рассказах сквозит сочувствие к ним. По словам крестьян "... кто похитрее, тот сбежал, а остальных за горы угнали и сгинули". Д. С. Нормалских выразился однозначно: "Когда стали кулачить, самые грамотные сбежали, а кто не сообразил - раскулачили". Одним из таких "грамотных" был дядя М. С. Нисиний: "Дядя зажиточно жил, в партии состоял. Так чтоб не раскулачили, в Семипалатинск уехал". Многие под угрозой раскулачивания добровольно вступали в колхозы: "Стали нас под крепких подговяты. Мы имели овечек, амбар, бричку. Забрали у нас в Вакулику лошадей с бричкой, амбар, и мы поехали в Вакулику" (Дмух Е. И.). А. С. Бодрягина сказала: "Нашего отца хотели закулачить. А у мацехи был брат по военной линии. Говорит - иди в колхоз входить". Интересную историю рассказала М. П. Калужная, жительница исчезнувшего с Большой Луг: "Начали кулачить в тридцатом году. У нас так получилось. Стали образовываться коммуны. Организовали и в Корболихе. У нас все поехали, осталось 4 двора. Прожили зиму. Ничего не получилось. И вернулись. А тут колхозы стали организовывать. Мой брат говорит - давай организовывать свой, все равно заставят. А они - вот ты не уехал в коммуны и не жил при ней, не знаешь, что это такое. Ну и не стали. А тут раскулачивать приехали. А кого? У всех забеночки маленькие. А у нас дом большой. Ну и брата раскулачили. Тут все испугались и в колхоз пошли".

Интересно, что старожилы дают низкую оценку деятельности новых "начальников", которые не сумели по-хозяйски воспользоваться отнятым добром. Т. М. Тарасова помнит всех раскулаченных старолейских владельцев кустарных заведений: "Одна мельница была у Патрикея Давыдова. Исчезла, как его раскулачили. Другая на р. Гольцовке - Кошелева (они приехали, россияне). Другая на р. Гольцовке - Шапорева и там же Лукьяна Каверзина. Патрикей же имел кожевенный завод, магазин. Умер в Нарыне. Их раскулачили. И мельницу забрали".

Раскулачивание отразилось и на крупных селах, подорвало их производительность и жизнеспособность. Все старожилы подчеркивали негативную роль раскулачивания в потере мужского и женского населения и бесчеловечные и несправедливые методы раскулачивания: "тзер-

дые задняя в 30-е годы были. Снимают людей, и не знаем, куда увозят и за что". Особенно сильно раскулачивание сказалось на казачьих и старообрядческих селах. Общеизвестно, что алтайские казаки еще в XIX в. потеряли свое первоначальное назначение - защита южных рубежей от кочевников - и превратились в хлебопашцев. Привилегированное, по сравнению с крестьянами, положение (освобождение от налогов и повинностей, достаточное обеспечение земель) способствовало превращению казаков в крепких зажиточных крестьян. В годы раскулачивания они попали в разряд кулаков. Старые казаки и казачки с Верх-Алейки связывают с раскулачиванием гибель казачьего мира, считают, что удар по казачкам нанесился осознанно, пострадали те, на ком держались хозяйство, культура и традиции казачьего мира. С того времени и "попыла Верх-Алейка". С. С. Нечасья категорична в своей оценке: "Кто лучше жил - того раскулачили. Головку станицы арестовали, да сослали, да в тюрьмы посадили. А кто не работал - в их дома вошли... Кого увезли, от них ни одного дома не осталось - все изъезди". Сама С. С. Нечасья вместе с мужем была в составе этой "головки": "Везли нас на бричках и держали в каком-то сарее. Набитый был. Долго держали. А потом на моторках (баржи таскали) повезли в Новосибирск. Там 4 баржи стояли. Нас туда стюжили. Повезли и поселили на острова. А рядом была Парабель (Нарымский край). Сгрузили и жили на р. Томи в Пристанном поселке. Жили прямо под палатками (под своими полозниками). А нарсая было! А палатки! Обраться негде было. А мерли-то! Каждый день везли. Потом стали баржи строить: выкопем метра два, рубим сосняк и обкладываем, а потом крышу из брезента сверху и землей засыпали. Потом лес корчевали, лопатами скопал и сели весь май. Копали лопатой - все руки сбивали. Сослали-то в 1931, а вернулись в 1936 г. Брат выхлопал. Зря-то не приедешь". Более осторожна в своих оценках М. В. Петрова, чей отец был расстрелян: "У нас в центральной части жили - их называли кулаки. А какие кулаки? В сиромяжных брюках и холщовых рубахах".

До сих пор в душе людей существуют опасения и страх за воспоминания о тех событиях. Жизненный опыт заставляет их помнить о высокой цене за искренность. Слишком долгое время забывались в их сознание оценки

кулаков как врагов народа. Рассказчики пытаются найти оправдания, неосознанно доказывают ошибку, происшедшую с их родственниками в определении их "кулаками". Бывшая учительница, комсомолка М. В. Петрова в своем рассказе об отце привычно доказывала невинность отца: "В 1937 г. отец был репрессирован. Был работящий. У него все просили - дай хлеб, дай другое. Лошари ходили. Он двоим отказал. Они составили клевету. Его забили в Рубцовск. Сейчас реабилитировали. 29 июня его забрали, а в конце ноября пришли ко мне в училище. Военный вызвал меня в коридор и сказал: "Я из сочувствия к вам. Отца расстреляли 18 ноября на берегу Алей. Клеветников нашли. Ничего не подтвердилось". Тем более у отца многодетная семья. Отец погиб напрасно, по клевете".

Люди до сих пор воспринимают реабилитацию как признание ошибки с конкретным человеком, незаслуженности наказания конкретного человека, а не как всепроявление и преступность самого процесса раскулачивания как антинародного антизаконного партийного и правительственного акта. Раскулачивание ассоциируется с местными исполнителями, среди которых были честные и бесовестные, завистники, гольфыба, которые в своих интересах вершили суд над одесельчанами. Никто из информаторов не переносит свою оценку на высшие государственные органы власти. "У отца свои отбирали, кому работать не охота" (У. А. Зайцева). Такой подход характерен для оценок всех событий от раскулачивания до ликвидации неперспективных деревень. Сельчане разделяют действия высших и местных властей, осуждая местных "Гришек, Анисимов". М. П. Калужная из семьи раскулаченных рассказывала: "Приезжал Иванов Иван Петрович из Корболихи (начальника). Они знали, что мы не кулаки, а им дом надо было. У всех-то избы были. У нас дом. Они же сами и сказали: "Ермолай, уезжай. Мы вас раскулачим из-за дома". Ермолай уехал в Донбасс. А нас выселили. Что хотели, то и делали".

Некоторых раскулаченных, взяв все имущество, в том числе рабочий скот и орудия труда, превратив их из производителей в пассивных потребителей, выселили из родного села. Часть из них селилась на заимках, пасеках, выпасах, где начинали с нуля. Семья раскулаченной Зайцевой построила на Алейной заимке дом из дерна, пома-

зали снаружи и внутри глиной. Таких семей на Старо-Алейке оказалось много, т. е. из 13-16 домов там было только 2-3 настоящих дома, а то все землянки. Банюшка одна была - все парились. В Алейной заимке никакого хозяйства не было. Даже куриц забрали". Ульяна Леонтьевна вспоминает: "Был Шкунов Иван. Ему памятник стоит. Мне одноклассник. Подошел и стал даже дерюжку собирать. Я его отпихнула: "Как тебе не стыдно!" Он был комсомолец, активист. Горе было! Плакали... У нас с потолка в семечки сбросили: "Давай, девочка, бери, а то ничего не увидишь". Сколько лет росли, а за нас забрали!" В 1932-33 гг. начался на Алейной заимке голод. Умерло человек 8 от отравления собранным на полях колосом. Зайцева рассказывала: "Мы колосья собирали. Некрасного падалику, как снег растаял, много было на полях. Колосья хорошие. Мы радовались - не все мякину ешь. Пошли, собрали 2 ведра пшееницы, 2 ведра проса. Помололи на ручной мельнице: "Мама, ничего не добавляй!" Поели... дома все заболели... у матери вся грудь заеклась, как будто бичом посекли. Так мать померла. Двух детей оставила. Еще дядя Вася Владимиров помер и его сын помер... Из Барнаула врача вызвали. Думали, заразная болезнь! Выкопали... А у него все легкие трухой рассыпались. Признали отравление". В Солонешенском районе вспомнили подобную историю в с. Глиняном.

Хотелось бы на примере воспоминаний очевидцев раскулачивания показать сложность исторического пути деревни в советское время и обратить внимание на большое значение сбора воспоминаний. Много споров ведется вокруг понятия "кулак" (не вызывает сомнения оценка самого раскулачивания). Политизирование истории ведет к формированию крайних оценок от представления "кулака" как "мироеда", "эксплуататора" до идеализации его как работника, в отличие от бездельника-бездельника. По-видимому, стоит отойти от однозначных оценок. Воспоминания старожилов включают более сложные оценки, подразумевают разные условия и возможности крестьян как в доколхозное, так и колхозное время. Жительница с. Черемное А. И. Арзамасьева рассказывала: "По одну сторону с. Солонешки жили богатые, по другую не очень. Богатые брали землю получше, нам похуже давали. У богатых были молотилки, лобогрейка, много скотины. Мы к ним ходили просить, а они нас работать заставляли. Не дай

бог такая жизнь вернется! Все руки в работе оберешь - получишь 20 коп. и рад. Мы у богатых хлеб полади, убирали, молали, батрачили на них. Вон по радио слышим, как Ленина обвиняют. Обвиняет тот, кто не жил при этой жизни. Я работала у Кобася Андрия, Межва Егора. Сено стожили - чуть хребет не сломался".

Иная оценка Р. Ф. Клешиевой из Касмалы также сформировалась из жизненного опыта: "А кого кулачили? Кто работал. Работали мужчины. Приезжали, забирали и дома пустые оставляли. Вон Павел Прокопьевич Черепанов - рядом с нами жил - дом круглый имел (признак зажиточности). Утром мы встали, господи, смотрим - дом нараспашку, все вещи остались. А самих нет. Угнали. Со следи в Нариме, где ничего не было. А он кулаком и в Нариме заделался. Работал". Обе оценки субъективны, т. к. они вынесены из лично прожитой жизни и требуют тщательного и беспристрастного анализа. Но несомненно, что в основе оценки состояния крестьянского хозяйства старожилы указывают труд и инициативу.

Большой урон малодворянам селам нанесла Великая Отечественная война. Она "обесмужичила" деревню, лишила ее рабочей силы. С. Я. Путинцев рассказывал, что с. Зыряновка до войны насчитывала до 50 дворов. В войну из редкого двора не брали: у Реутовых - 3, Коткинских - 3, Путинцевых - 2, Коробовых - 2, Никитинских - 3 и т. д. На фронте погибли почти все мужики. За годы войны поселок стал меньше. На фронте погибла "почти все мужики из Фунтовки". И так в каждом селе. Здоровье и силы оставшегося населения: женщины, пожилых людей, подростков были подорваны непосильным для них трудом, что сказалось на состоянии послевоенной деревни. Рассказы женщины имеют много общего, достаточно привести один отрывок: "В войну мужиков много забрали (далее в каждом воспоминании идет перечисление поименно одесельчан)... Уже 16 насчитала. А вернулась (по фамилии) 6 человек. Остался из старых дядя Гаврида Белоусов, Василий Иванович Доменин. Хомуты права, сами делаю, брочки. Потом пришел Шадрин Иван с одной ногой. Всю силушку положили. Хватили горюшка до слез. Всю мужскую работу. Вспомнишь - сердце кровью обливается". По ее словам, в колхозе был "один трактор, на нем работали Е. И. Выходцева и Т. М. Маркелова", сама она была "транспортом из быках - возила мешки с зер-

ном в Третьяки (хлеб-то повывпропдали). Ездили да ездили, не допускались по дому, ни есть, ни пить. На корове хоть съесть, подонись - попьешь. Скорее надо выполнить". Да "детя одни работали. Надо изматериться за их работу. Да что детям скажешь. Так бригадир - бабка Тамасова кричала: "Подты вы к негтю, ребятишки". При такой нагрузке люди жили впроголодь: "Платили крестиком. А выдавать ничего не выдавали. Хлеба не получали нигде и никогда. Морили. По хлебу ходили и хлеба не ели".

Мигранты из села в 30-50-е годы свособствовало крайне низкое материальное положение колхозников. Для М. С. Нисинной эти годы объединены нищетой и голодом: "Колхоз в войну ничего не давал. Вон только в бригаде варили как пшеницу зачнем косить, так пшеницу запарим, потом мололи - запаривали (затирка). За работу палочку поставят, а в конце года придешь, еще и должен колхозу. Денег не платили. Полегче стало уже в 50-х годах. Стали конейку на трудовни давать. Хлеб стали давать. Раньше только летом-то и даешь". С. Я. Путинцев из Елункино рассказал: "Работали за трудовни, ничего вообще не давали в первые годы, кроме овсяного хлеба на день. Порою пытались травой и ягодами. Держали 1 корову. Больше не разрешали, за и то на вес давали план литров 400 на лето, доводили план по мясу, если не сдавали - судили. После войны выплату на трудовни добавили, но спустя лет 5-6. Трудные годы были, все в магазинах было, а купить не на что". В этих воспоминаниях отразилась безысходность колхозной жизни (колхозникам не давали паспортов, чтобы сохранить рабочую силу на селе и диктат власти), работа за палочки с возможным расчетом после уборки и реализации урожая, грубое регулирование размеров подсобного хозяйства. Фактически труд колхозников был неоплачиваемый, а высокие налоги на собственное хозяйство привели к полуголодному существованию. "Работали в колхозе за палочки, - вспоминает Р. Ф. Клешева, - одна палочка 1 руб. 20 коп., 1 руб. 50 коп. Заработала, например, 300 палочек. Потом деньги подсчитывали и вычитали за питание в столовой, за пастьбу скота, за садик и за шерсть, что колхоз давал. Другой раз за деваги распишешься и должен останешься. Жили только за счет огорода. Что посадишь, то и поешь".

Но вместо финансовой и экономической поддержки разоренных коллективизацией, войной сел и деревень был найден более "дешевый" способ решения социально-бытовых и экономических проблем: укрупнить колхозы и сосредоточить рабочую силу и технику на центральных усадьбах за счет ликвидации малых сел. Воплощение политики укрупнения сел в 50-е годы и ликвидации перспективных сел в 60-70-е гг. привело к массовой гибели сел районов и не только малодворных. Удар был нанесен по старинным и большим селам: Касмало, Харьков, Черемно-Подгорному, Фунтовке (Павловский район), Таловке, Калинке, Большой Речке, Малиновке (Солонешенский район), Ключам, Поручиково, Лифляндке, Харьково (Третьяковский район) и др. Развернувшаяся кампания, имевшая благие намерения - переселить людей на центральные усадьбы и создать там благоприятные бытовые условия для жизни и закрепить людей на селе в связи с усиливающейся миграцией после выдачи паспортов, привела к противоположным результатам: резко уменьшилось сельское население и непропорциональному использованию сельскохозяйственных угодий исчезнувших сел. Так, до 50-х годов на правом берегу Оби было в Павловском районе около 1,5 десятка сел: Зирновка, Тиховское, Ночевка, Ирба, Октябрьское, Шаловка и др. Села по р. Оби Павловского района были животноводческие, отделения колхозов с благоприятными условиями для развития животноводства: заливные луга (старожилы говорили: скот свободно гулял, отъедаясь), богатые покосы. В том, что крестьяне когда-то имели заветы на полях, пастбищах, пасажах, был большой смысл: экономили силы, средства, труд. Все эти села были укрупнены с селами на высоком сухом левом берегу: Елунино, Боровиково, где все земли распаханы, нет пастбищ. Каждую весну на пароме через Обь перевозятся гурты скота и молодняк на другой берег. Каждый день утром и вечером паром везет доворот туда и обратно. Каждый день во время сенокоса перевозятся техника и рабочая сила. Сузило возможности для занятия животноводством строительство Гилевского водохранилища на Алее. Жители ушедших под воду сел Дмитриевка, Троицкое, Вакулиха, Большой Луг и др. рассказывали: "На уездах были пашни, а пастбища около Алея. А плотину сделали - теперь пасты нигде стало. Столько заботы по

Алею было, столько наши загубили. Корблиха без пастбищ осталась. Сейчас в угод отжикут и останемся без дров. Раньше-то по Алею рубили и сушили" (М. П. Калужная).

Малые села выполняли свою роль: места выносов смота, заготовки сена, покоса зерновых. Всего 20 км разделяли с. Лютаево и Светляинское в Солонешенском районе. Но лишь около Светляинского можно было заниматься хлебопашеством. Однако оно было зачислено в разряд перспективных. П. И. Жиров, бывший председатель сельсовета, пытавшийся отстоять село, услышал в ответ: "Мы вон в космос летаем, а ты в Светляинскую за 20 км от центральной усадьбы что ли не сможешь добраться?" Подобная история произошла в Третьяковском районе, имевшем одинаковые условия с Солонешенским районом, где в горах каждый пригодный для пашни участок земли ценился крестьянами. Крестьянский опыт привел бывших жителей с. Петровское, имевшего благоприятные условия для хлебопашества, к правильным выводам: "Хоть миленькая хучечка народу была, а хлеб садкали и сено косили. Потом хотели восстановить. Покаялись, что разогнали. А кто восстановит? Которые умерли, кто уехал". (Н. М. Бутына). В. Д. Петрова подчеркивала значение села: "Основное направление хозяйства Петровки было откорми молодняка и хлеб выращивали. Много хлеба собирали. Возили в Кураську. Раздолье (исчезнувшие села). Дойных коров было мало, а выращивали молодняк - хорошие выпаса. Откормят и сладут. Опять с Верх-Алейки и Ново-Алейки пригоняли. Такие поселки разогнали". В ходе кампании по ликвидации малых сел разрушалась десятилетиями формировавшаяся производственная специализация, обусловленная природными условиями и навыками коренных жителей. Старожилы помнят, что еще при единоличном хозяйстве вокруг Петровки поля были жителей Ключей, Чесноков и др.: "Столько оттуда в Верх-Алейку хлеба привозили". И до сих пор в окрестностях бывшей Петровки пасут молодняк, заготавливают сено, сеют хлеб. А вот работу выполнять едут назалека.

Особую группу сел в Третьяковском районе составляли кустарные села Никитинское, Чесноки, Зареченское, казначья станица Ключевская. В первых жили "росейские, из Перми... Еще при Николае привали. Росейские и ос-

повали и Чеснокову, и Никитинское", "хлеб-то не сеяли, а кустарством занимались". Бывшая жительница Никитинского образно охарактеризовала состав населения: "Мой дед был кустарь, так и бородачи не знал. И муж. Как где найдут осину на "обечайку", так туда и едут. Всю жизнь на ней работали", "другие в Никитинском, кто лопаты стругал вручную, срубы рубили, тес пилили вручную, деготь с берез". В период ликвидации единоличного хозяйства жители этих сел пытались выжить. Тот же И. Ф. Печаяев не вступил в колхоз, а заключил договор с организованным в Петровке промколхозом о производстве обечак, сит, роголок, ульев для обмена на хлеб. Учитывая наличие леса и ремесленных навыков, в Ключах был создан промкомбинат по производству мебели, кухонной утвари, инструментов, срубов, в Петровском создали мастерскую, недалеко открыли заводик: "масло ништоное гнали... Женщины лазили на пихту - рубили лапу, мужики возили". В ходе переустройства крестьянского хозяйства села, имевшие великолепные условия для развития деревнообрабатывающей промышленности в сочетании с скотоводством и пчеловодством, были ликвидированы. М. В. Петрова говорила о Ключах: "Там был промкомбинат, производили плахи, тес, дуги, табуретки, стулья, тумбовые столы, парты. За партами к нам ехали из других районов. Сейчас спохватились, а где взять лопату, столы? Спыхватились, а людей не вернуть - все разъехались".

Записи бесед сохраняют колорит речи, характерные обороты, личностную оценку, что отсутствует в официальных архивных материалах. Можно подчеркнуть своеобразный крестьянский юмор, проявившийся при оценке неблагоприятных поворотов развития деревни. Например, в оценке политики укрупнения колхозов в 50-х годах: "Сначала Вячиху оженили на Сибиричихе. Потом Акуйское оженили. И не стало ни Вячихи, ни Акуйского" (Л. Т. Денисов). Вместе с тем рассказы людей несут боль и тоску за разоренные села. Многие старожилы плакали, рассказывая о великом переселении. Ф. Ф. Новокрещенова из с. Зеленый Клин вспоминает: "Там хорошо было. Сроду думали оттуда не уедем. Жалко".

Анализ воспоминаний позволяет сделать вывод, что, несмотря на провозглашенный принцип добровольности, укрупнение колхозов и ликвидация неперспективных сел

велись часто командно-административными методами, без научного прогнозирования и перспективной оценки развития населенных пунктов, без учета настроения местного населения. В результате повсеместно начался процесс принудительно-добровольного переселения, как сказала М. С. Нисина "раз верхние склоняют. Куда ведут - иди. Сначала соединили Дмитриевку, Троицкое, Большой Луг и Вакулиху. И стал один колхоз. Потом соединили со Стороднейкой". Интересно сравнить мнения тех, кто осуществлял ликвидацию, и тех, кто был вынужден подчиниться. Бывший председатель Чернозятковского сельсовета убежден: "Необходимо было сконцентрировать на центральной усадьбе и технику, и школу, и чтоб людям было удобно. Мы разговаривали с людьми, объяснили постановление партии. Когда Быково закрывали, не жалко было. Надо было его закрыть - люди в нужде жали". Интересно предомыслились в памяти простых колхозников аргументы агитаторов: "Собрали колхозное собрание и сказали - вот так, кто куда желает, только чтоб на поселка уехали. Объясняли, чтобы колхоз большой был. Что, дескать, по поселкам ездить. У кого один трактор, у кого ни одного". Некоторые крестьяне запомнили то, что их самих волновало. "Меньше, дескать, начальства будет, а то на каждый поселок по 30-40 начальников: у каждой бригады свой бригадир и помощник, и бухгалтер, и счетовод... Вот и соединили, чтоб начальства меньше стало. У нас один бригадир стал на 4 поселка".

Местные партийные и хозяйственные органы использовали не только методы разъяснения, но и открытого давления, создавали условия для вынужденной миграции населения, лишали население работы, закрывали школы, здравпункты, клубы. А Качаринская из с. Черемное объяснила: "Стало печалеть, потому что не стало работы. Потому что угнали скот в Солоновку, убрали от полеводства риги и т. д., и молодежь не стала оставаться. Потом убрали школу, магазин. Стали укрупнять в 1963, а в 1968 начался массовый отъезд. Мы увезли свой дом в 1970 г. Работы в последнее время не было, все работали на свекле. У кого дети подрастали - уезжали - детей надо было растить". Большую трагедию несет рассказ А. С. Косачевой-Ковыршиной, с. Касмала: "Когда стали

заставлять из Петровки наш дом перевозить в Черноя-
 тово, мне не хотелось. Сын тоже не захотел в Черноя-
 тово ехать, в город уехал. А мы с мужем в Касмату
 вернулись (откуда родом родители). Взяли колхозный
 дом, отремонтировали. Тут прискали председатели кол-
 хоза и сельсовета: отдайте дом для нового счетовода. /
 и вечером в передний угол повесила портрет Ленина, и
 когда председатели снова пришли, и им говорю: "А вот
 вы сначала его вынесите!" - И показываю на Ленина.

Остальное и сама выезду". Они опешили. Как так? Я им:
 "Он нам не такую жизнь обещал!" Долго нас не отпу-
 скали, мучили. Потом мы решили написать главному по
 сельскому хозяйству в Москве (Полянскому). Письмо аж
 в Новосибирске спустили. И все оставили нас". Одни из
 этих председателей был П. И. Дуленин, который при-
 знал: "А разорил Петровку и. Жалко было. Местность
 хорошая, но воды не было". Однако, по его мнению, при
 ликвидации Петровки "казусов не было, люди спокойно
 отнеслись". И вместе с тем он признает: "Ну если бы
 укрупнения не было, села бы до сих пор жили. Были
 люди, которые не хотели уезжать".

Многие старожилы пытались сохранить село. Но усло-
 вия жизни ухудшались: "Сначала закрыли школу, потом
 магазин в Петровском. Поперности еще ездили в магазин
 то в Семеновку, то в Верх-Алейку. Еще можно было бы
 жить. Там старики одна оставались, но магазина не было.
 Так последние уехали". Хотя будущее у Петровки было:
 "В войну еще и после войны дома строили". Не было
 признаков приближающейся гибели, по мнению сельчан,
 и для с. Ключи. В 1947 г. в сельскую школу приехала
 работать учительница М. В. Петрова. На ее глазах село
 разрасталось, даже клуб построили: "Когда и приехала,
 и речи не было, что село исчезнет. Это как-то враз про-
 изошло, когда стали села закрывать. Тогда Ключи в мел-
 кие отнесли. До 1963 ни одна семья не собиралась ехать.
 Наоборот, приезжали, дома строили. Я в августе по за-
 просу районо съездила перепись первоклассек... вдруг мне
 в Совете говорят: "Село закрывается. Промкомбинат за-
 крыли. Люди разъедутся. Школу закрываем"... У меня и
 в трудовой книжке числится запись о переводе в Верх-
 Алейку "в связи с закрытием школы". Никакого другого
 сообщения не было. Из района прискали и объявили:
 "Поселок сносите". Люди стали дома продавать. Можно
 сказать, разогнали село. И села враз как не бывало...
 Женщины плакали".

Главной отличительной чертой положения крестьян в
 колхозах и совхозах являлись зависимость, гражданская
 несправедливость и экономическая несамостоятельность. На-
 пример, строительство Гилеевского водохранилища не
 только не было согласовано с жителями затопляемых де-

ревень, их даже не известили о подготовке работ: "Обмерили, обмеряли и ничего не говорили. А потом в 1971 г. приехали, дома обмеряли, заплатили и делай, что хочешь. Бросай, сжигай". М. П. Калужная говорила: "На эти деньги шапку парнишке купили. Муж смеялся - дом продали, а шапку купили". А у кого колхозный - дали квартиру". Но наибольшее событие, отложившееся в памяти людей, - это перезахоронение умерших родственников. Е. И. Дмух вспоминает: "Когда стали делать плотину, из Барнаула приехали мужчина и женщина. Я спрашиваю: зачем могилки копать? А чтоб не всплыли. Рыба будет их есть, а люди рыбу. Болезнь начнется. Могилы копали экскаватором. Кто поделее, в гробах. Они кресты привозили - на гроб положат, чтоб не спутали. А в Старолейке выкопали канаву и всех в ряд хоронили и каждый свою могилку обделывал. А кто плохо сохранился - в ящиках привезли в общую могилу. Бульдозером закопали и палку воткнули". М. С. Нисина, у которой мать умерла в 1970 г., рассказывала: "Пришли. Гроб стоит. На нем крест. Я говорю: кого хороним? А у мамы на ногах сапоги войлочные были, просила, чтобы на том сжете мягче ходить. Я говорю брату: давай проверим - одну планку подняли. За два года мама стлела, кости да волосы. Ботинок взяли - он с ногой достался. Захоронили. Почти месяц возили по ночам".

Необдуманная политика переселения из мелких хозяйств в крупные содействовала миграции сельского населения, привела к противоположному результату. Житель исчезнувшего села Быково И. Н. Зазонов сказал: "Думали, что все из Быково в Нагорное переедут. А как людям дом перевезти? Нужен новый лес. Колхоз дома не помогал перевозить, лесу не выпросишь. Если бы помогал, то все бы сюда перетаскилось. И колхоз не стал народ держать. Едут, ну и пусть едут. Кто в город уехал, кто куда". Метко оценила эти события К. М. Пахорукова: "Обещали - все будет, все сделаем, как в городе. Работу отобрали. Хрущев скот забрал. Хотел, чтоб все в магазин ходило. А все тронулись из сел". Развитие сети сельских поселений в советское время показало нецелесообразность ориентировки на преимущественное развитие центральных поселков без существования малых сел. Нельзя до-

пускать административного разрушения деревни или самоликвидации малых сел из-за недостаточно развитой базы общественного обслуживания. Специфика сельскохозяйственного производства требует разнообразных форм и размеров сельских поселений, сочетания крупных, средних и мелких форм хозяйствования.

И. И. НИКУЛИНА

ПОЛЯКИ - УЧАСТНИКИ ВОССТАНИЯ 1863 г.
НА АЛТАЕ

В 60-х годах XIX в. значительное количество политических ссыльных в Сибири составили участники польского национально-освободительного движения. На Алтае также отбывали ссылку в этот период поляки - участники восстания 1863 г. Как известно, восстание, начавшееся в Царстве Польском в январе 1863 г. и направленное против социального и национального гнета российского самодержавия, являющееся составной частью революционной ситуации в России, в 1864 г. было подавлено. В связи с этим 5 марта 1864 г. царем были утверждены правила для высылки, водворения и отдачи под надзор полиции участников восстания 1863 г. Среди местностей Западной Сибири, определенных царем для жительства лиц, высланных по политическим причинам, были названы Тобольская губерния (Тобольск, Ишим, Курган, Омск, Петропавловск, Тара), Томская губерния (Томск, Бийск, Кузнецк, Нарым), Семипалатинская область (Семипалатинск, Усть-Каменогорск), в т. ч. были названы и города Алтайского горного округа: Бийск, Кузнецк, Усть-Каменогорск (1).

Найденный нами в фонде ГАРФ список польских "политических преступников", находившихся на жительстве в Барнауле, состоящий из 54 человек, свидетельствует о том, что Барнаул был также пунктом сосредоточения польских политссыльных (2). Он содержит важные сведения о польской ссылке на Алтай. Часть ссыльных была зачислена на службу рядовыми в 10 линейный Сибирский батальон г. Барнаула, часть переведена в линейные батальоны N 12, 14 Усть-Каменогорска и N 7 Семипалатинска (3). На основании данного списка "политических преступников" можно попытаться выявить социальный состав польской ссылки 60-х гг. XIX в. на Алтай. Из 54 человек - дворян - 29, мещан - 11, крестьян - 6, чиновников - 1. Характерно, что среди ссыльных преобладали дворяне, 29 чел. (4). Судя по социальному составу, большинство из польских ссыльных принадлежало к левому "красному" направлению национального движения, представляющему мелкобуржуазные и мелкошляхетские слои, стремящемуся к восстановлению независимо-

сти Польши путем восстания. К сожалению, подробности об условиях жизни этих ссыльных на Алтае мало известны ввиду ограниченности сведений о них. Несомненно, все они находились под полицейским надзором. Однако в рапорте начальника Алтайских горных заводов от 21 сентября 1864 г. отмечалась сложность осуществления надзора и указывалось, что "людей подобного разряда до нынешнего года никогда в Барнауле не прислали и, хотя они состоят под надзором полиции, но состав барнаульской полиции так ничтожен, что не представляется никакой возможности подробно следить за образом жизни сих людей" (5). Часть ссыльных проживала на квартирах, часть в казармах. Суточное пособие получали далеко не все. Лицам низшего сословия, как лишенным прав состояния, так и не лишенным, никакого пособия не выдавалось. Исключения составляли только признанные нетрудоспособными. Им назначались кормовые арестантские деньги. Ссыльным из дворян, высланным без лишения и ограничения прав и не имеющим собственных средств к жизни, разрешалось выдавать по 15 коп. в сутки. Лицам из привилегированных сословий, сосланным в Сибирь с лишением прав состояния впредь до прочного устройства их на местах, выдавались арестантские кормовые деньги по 7 коп. в сутки. Следует отметить, что пособия были так ничтожны, что обеспечивали лишь полужизненное существование (6). Кроме того, вдовольные польские ссыльные долгое время не получали определенного от казны пособия, затем оно стало выдаваться частями. Несомненно, это вызвало большие затруднения у ссыльных.

Ввиду отсутствия необходимой информации, практически не известна степень участия в восстании отбывавших ссылку в Барнауле, их биографические данные, за исключением Вильгельма Сокульского, значащегося в списке политических преступников, сосланных в Томскую губернию и находившихся в Барнауле (7). Из библиографического словаря В. А. Дьякова известно, что он родился в 1823 г., дворянин Минской губернии, отставной штабс-ротмистр Волынского удельного полка. Во время восстания 1863 - 1864 гг. Сокульский проживал в Витебской губернии, склонял крестьян к вступлению в ряды повстанцев, за что был предан военному суду и сослан в Сибирь (8).

Упоминания о ссыльных поляках в Кузнецке содержатся в воспоминаниях В. В. Берви и его жены. В. В. Берви отмечал сближение с польскими ссыльными. В воспоминаниях он указывал, что "во время моего пребывания в Кузнецке и вообще в Сибири (1866 г.), туда высылались в большом количестве поляки, прикосновенные к восстанию" (9). В воспоминаниях Е. И. Берви содержатся упоминания о ссыльных поляках братьях Ландсбергах, Коношевском, Кухарском, Копальском, общившихся с Берви, часто собирающихся вместе и беседующих (10). Характеризуя польских ссыльных Кузнецка, Е. И. Берви отмечала, что "большинство были шляхтичи с элементарным образованием. Кое-кто знал ремесло, и те сравнительно устраивались. Дворяне получали по 6 руб. в месяц, но большинство должно было проявить настоящее искусство, чтобы прожить на свой паек" (11). Многие из ссыльных занимались ремеслами. Например, Феликс Альбертович Ковальский обучался сапожному мастерству, младший Ландсберг - кузнечному. Домановский пек искусный пшеничный хлеб, изготовлял колбасы и сосиски (12). Несомненно, занятия ремеслом в Сибири оказывали определенное влияние на жизнь и быт местного населения. По этому поводу В. В. Берви отмечал, что "политические ссыльные из Польши... привнесли с собой невиданное в этой глуши искусство и неизвестные до того ремесла. Все кинулись заказывать себе сруба, мебель, экипажи, даже картины и изящные вени. Стали устраивать праздники с небывалою до того роскошью, выписывали музыку. Явился домашний театр, устроилось что-то вроде клуба или гостиницы" (13).

В воспоминаниях Е. И. Берви указывалось на дружбу семейства Берви с ссыльными поляками. "На Пасху муж разослал полякам чуть не весь запас имевшихся у нас визитных карточек. Когда все они собрались, то у нас было так тесно, что с трудом можно было пробираться в толпе. Пели... и какие то были чудные песни" (14). Сам Берви подчеркивал, что поляки "в русском пенсивисти не имели и прекрасно уживались с русским народом" (15). Не случайно, по его мнению, "в Сибири поляки повсеместно расположили к себе русский народ", хотя "чиновники... в угоду правительства разжигали в населении вражду к полякам" (16). Тем не менее большинство русского населения относилось к ним с сочувствием.

Важно отметить интерес поляков ко всему русскому. Именно этим объясняется чтение Берви в Кузнецке полякам лекций о русских социальных идеях, в которых он критиковал социально-политические порядки в России, помещичье землевладение. О впечатлениях, производимых на слушателей лекциями, он писал: "Пылкие поляки быстро воспламенялись этими идеями" (17).

Ссыльные поляки, накопившиеся в Бийске, объединились вокруг В. Калиновского. Об этом доносил томский губернатор министру внутренних дел 22 мая 1864 г.: "Политические преступники собираются почти каждую ночь у Калиновского, где проводят время в шумных разговорах на польском языке... Эти ночные сборы производят неприятное впечатление на некоторых жителей города и возбуждают иногда разные недобрые толки" (18). Несомненно, обилие польских ссыльных в Калиновского способствовало то обстоятельство, что Калиновский был католик по вероисповеданию, происходил из дворян Виленской губернии, знал польский язык (19). Вследствие этих ночных сборов губернатором было сделано распоряжение о воспрещении "политическим преступникам, находящимся в Бийске, оставаться вместе у одного из них до девяти часов вечера" (20).

С пребыванием польских ссыльных на Алтае связана волна пожаров, прокатившихся в Барнауле с 19 по 27 августа 1864 г. Причину пожаров пытались найти в злоумышленных поджогах польских ссыльных. В рапорте начальника Алтайских горных заводов от 21 сентября 1864 г. указывалось, что "пожары 19 августа истребили лучшую часть Барнаула и несколько строений в других частях" (21). 19 августа сгорело 9 домов, принадлежащих разным лицам, 23 августа - 40 домов со службами (22). Пожары возобновлялись еще 5 раз. 28 августа 1864 г. в управлении Томского жандармского штаб-офицера доносилось, что "граждане Барнаула, раздраженные частыми последствиями очевидных поджогов, подозревали злоумышленниками находящимися там на жительстве политических преступников как лиц, не довольных правительством" (23). У одного из политических ссыльных Александри Мокронницкого "замечено было особое старание иметь свидание с товарищами из числа служащих в № 10 батальоне... Мокронницкий и Войничанис главным образом обвиняются в злоумышленных поджогах как подстрекатели

и инвентарели к сему преступлению. Объясняя эти заключения в совершившихся тайных переговорах их между собой посредством записок, а подробнее на словах передаваемых одного к другому через ридового из политических преступников Выстратовского относительно поджогов. При обыске у Мокронницкого были найдены стихи возмутительного сочинения" (24). Начальник Алтайских горных заводов сообщал в Кабинет, что "общий толос народа подозревает в этом поляков. Напуганный народ, находящийся в страхе и беспокойстве, до того одинок на этих поляков, что намеревается разорвать первого попавшегося поляка или бросить в огонь при первом же пожаре" (25). Поэтому с целью охраны ссыльных и для успокоения жителей полякам было приказано не выходить из квартир, "Мокронницкому и другим полякам запрещено отлучаться по вечерам из своих домов" (26), за ними устанавливался строгий надзор. Тем не менее показательно, что несмотря на желание администрации подчеркнуть ненависть народа к полякам, при расследовании пожаров не было обнаружено доносов на ссыльных со стороны местного населения, что, несомненно, свидетельствует о хорошем отношении жителей к полякам.

Ссыльные, зачисленные рядовыми на службу в 10 батальон, были взяты под арест в особую казарму. В Барнауле выехал томский губернатор Лерхе, который возглавил специальную следственную комиссию, созданную им для выяснения причин пожаров. Следственная комиссия пыталась свалить всю вину на ссыльных, обвинив в поджигательстве четырех ссыльных поляков и барнаульских мещан: Чернягина, Аксентьева, Юрасова и 10-летнего сына губернского секретаря Колокольникова (27). Следует отметить, что привлеченный в декабре 1864 г. к следствию по делу о поджогах в Барнауле польский ссыльный Юзеф Выстратовский на допросе показал, что еще на пути в Сибирь слышал о начавшемся революционном движении своих соотечественников в ссылке. По его словам, к 1863 г. плавились созданы двух главных польских комитетов, первого - в Кузгуре Пермской губернии, второго - в Нерчинске, и уездных комитетов (28). Несомненно, это свидетельствует о продолжении революционной борьбы участников польского национально-освободительного движения и в условиях ссылки. В целом доказательств виновности поляков не нашлось, и следст-

ние пришлось прекратить за недостатком улик. Об этом красноречиво свидетельствует документ, найденный нами в ГАРФ (29). Очевидно, причину пожаров следует искать не в действиях польских ссыльных, а в новом подъеме классовой борьбы, внаконец грабительским характером реформы 1861 г. А. П. Бородинский отмечал по этому поводу, что "наиболее тяжелыми были условия освобождения мастеровых Барнаульского округа, которые не получили даже мизерного земельного надела и вышли на волю без средств существования. Поэтому недовольство реформой и ненависть к горному начальству среди них были особенно сильны" (30). Несомненно, это привело к усилению классовой борьбы мастеровых, проявившейся в пожарах как форме протеста против реформы 1861 г. и проводивших ее в жизнь горных чиновников. Кроме того, подобные пожары вспыхнули в Павловске и Сузуне, где поляков вообще не находилось.

Следует отметить, что в неоднократных ходатайствах начальника Алтайских горных заводов администрации Кабинета содержалась просьба о немедленном выселении всех ссыльных поляков из Алтайского горного округа, размещенных их в других частях Томской и прочих губерниях, "как для спокойствия жителей края, так и в видах охранения интересов вообще Кабинета Е. В." (31). Именно после пожаров 1864 г. поляки были удалены из Барнаула. Генерал-губернатор Западной Сибири доносил министру внутренних дел 28 сентября 1864 г. о сделанном им распоряжении "о размещении по другим батальонам нижних чинов польского происхождения, состоящих в 10, расположенном в Барнауле, батальоне, и начальнику Томской губернии о немедленном переведении в другие города всех состоящих на жительство в Барнауле поляков, сосланных в Сибирь за участие в последнем восстании" (32). Несомненно, в соответствии с этим распоряжением большинство польских ссыльных было переведено из Барнаула в линейные № 12, 14 батальоны Усть-Каменогорск и № 7 Семипалатинск, поскольку в этих городах "не существует казенных заводов, целости которых могло бы угрожать жительство... политических преступников из поляков" (33). Информация о польских ссыльных, переведенных из Барнаула в Усть-Каменогорск и Семипалатинск, содержится в уже указанном документе (34). Уместно отметить в связи с этим прошение ми-

нистру внутренних дел от 19 марта 1865 г. о разрешении перевода "политических преступников из городов Бииска, Кузнецка, Колывана в города Усть-Каменогорск и Семипалатинск, подобно тому, как было сделано переселение из Барнаула. В этом настоятельная необходимость, т. к. в этих городах число сосланных по политическим делам будет весьма незначительно, - поэтому, при хорошем устройстве тамошней полиции представляется возможность строгого надзора за ними" (35).

Среди поляков, находившихся на Алтае, необходимо отметить особо врача Цезаря Иосифовича Тарасевича, медицинская деятельность которого являлась выражением активной жизненной позиции и смелости. В 1858 - 1863 гг. он учился в Московском университете на медицинском факультете и окончил его со степенью лекаря. За участие в польском восстании 1863 г. он был сослан в г. Тару Западной Сибири, где занимался врачеванием. В 1883 г. Тарасевичу было предоставлено право свободного передвижения и поступления на государственную службу. Выбор пал на Усть-Каменогорск, где он прожил до конца жизни. В Усть-Каменогорске он работал попеременно городским и уездным врачом, в 1900 г. занимал должность врача 1 участка Усть-Каменогорского уезда. Когда в 1892 г. в Усть-Каменогорске началась эпидемия холеры и голод, Тарасевич принял самое деятельное участие в борьбе с эпидемией. Он делал все возможное для оказания медицинской помощи населению. При этом Тарасевич заразился брюшным тифом с последующими тяжелыми осложнениями. Он скончался 5 мая 1901 г. (36).

В целом польские политссыльные не могли не оказать определенного влияния на население Алтая, уже одним своим присутствием здесь привлекая к себе внимание. Для польской политической ссылки 60-х гг. XIX в. характерен относительно высокий уровень культуры и образования. По воспоминаниям участника революционного движения 60-х гг. Л. Ф. Пантелеева, польская ссылка "...в огромном большинстве... представляла высококультурный элемент" (37). Значение польской ссылки определялось В. В. Берви-Флеровским одной фразой "они вносили с собой цивилизацию" (38). Ссыльные поляки непосредственно общались с горожанами и палачами уважением и признательностью, что проявилось в отсутствии доводов на них при расследовании причин пожаров.

о чем отмечалось ранее. Некоторые из ссыльных (Тарасевич) оказывали медицинскую помощь населению. Кроме того, занятия ссыльных ремеслами и торговлей несомненно вносили оживление в жизнь городов Алтая. Очевидно, плохое знание поляками русского языка сужало их возможности общения, ограничивало просветительскую деятельность среди населения. Общение русских и польских ссыльных, чтение полякам лекций Берни-Флеровским способствовали распространению передовых идей, укреплению связей революционеров в ссылке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Спиринский Г. С., Дыков В. А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971. С. 16.
2. ГАРФ. Ф. 109. 4 экз. 1864 г. Д. 171. Л. 80-82.
3. Там же. Л. 80-82.
4. Там же. Л. 80-82.
5. РГИА. Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1391. Л. 13.
6. Митани Н. П. Во глубине сибирских руд. М., 1966. С. 14-15.
7. ГАРФ. Ф. 109. 4 экз. 1864 г. Д. 171. Л. 80.
8. Дыков В. А. Деятельность русского и польского освободительного движения в царской России 1850-1865 годов. М., 1967. С. 162.
9. Берни-В. В. Воспоминания // Голос минувшего. 1915. № 6-8. С. 113.
10. Берни Г. И. Из воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 7-8. С. 129-134.
11. Там же. С. 130.
12. Там же. С. 130-133.
13. Берни В. В. Избранные экономические произведения. Т. 1. М., 1958. С. 128.
14. Берни Г. И. Из воспоминаний... С. 134.
15. Берни В. В. Воспоминания... С. 131.
16. Там же. С. 113.
17. Там же. С. 121.
18. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 63. Л. 136.
19. Дыков В. А. Деятельность русского и польского... С. 75.
20. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 63. Л. 336.
21. РГИА. Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1391. Л. 11.
22. ГАРФ. Ф. 109. 4 экз. 1864 г. Д. 171. Д. 4-4 об.
23. Там же. Л. 11.
24. Там же. Л. 12. 32 об., 33.
25. РГИА. Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1391. Л. 12.
26. ГАРФ. Ф. 109. 4 экз. 1864 г. Д. 171. Л. 79.
27. Бородавкин А. П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972. С. 246.
28. Митани Н. П. Во глубине сибирских руд... С. 57.
29. ГАРФ. Ф. 109. 4 экз. 1864 г. Д. 171. Л. 84.
30. Бородавкин А. П. Реформа 1861 г. С. 247.
31. РГИА. Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1391. Л. 10, 10 об., 13.
32. Там же. Л. 15, 16.
33. Там же. Л. 20.
34. ГАРФ. Ф. 109. 4 экз. 1864 г. Д. 171. Л. 80-82 об.

35. РГИА. Ф. 1286. Оп. 25. Д. 1391. Л. 89.
36. Гаднев В. Э. Медико-революционеры в Казахстане // Советское здравоохранение. 1972. № 3. С. 70-71.
37. Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. Л., 1958. С. 561.
38. Берни В. В. Воспоминания... С. 113.

А. М. МАРИУПОЛЬСКИЙ

ВИНОТОРГОВЛЯ НА АЛТАЕ В 60-х ГОДАХ XIX в.

Свободная продажа вина началась в России с момента отмены откупной системы. В отличие от настоящего времени, изменения подобной значимости в царской России не проводились по всей стране сразу, и вводились постепенно, сначала для одной-двух губерний, затем район действия указа расширялся посредством специальных правительственных распоряжений.

Для Западной Сибири действие акцизной системы в винокурении и виноторговле началось с 1 января 1863 г. Суть этой системы сводилась к тому, что с началом ее действия производство вина могло осуществляться любым гражданином при условии получения им специального разрешения на это и уплаты строго определенного налога - акциза. Продажа вина позволялась при наличии патента. За получение патента виноторговец также должен был внести плату - патентный сбор. Размер патента определялся двумя обстоятельствами: сроком (месяц, полгода или год) и типом заведения. Согласно данным Е. Раппа, в России можно было выделить четыре вида или группы мест раздробительной продажи напитков: 1) Продажу распробочно и на вынос, без права продажи горячих закусок (так называемые питейные дома и т. п.). Цена патентов на эти заведения была увеличена в течение 1863 - 1880 гг. с 100 до 550 руб.; с 50 до 280 руб.; с 15 до 140 руб.; т. е. в 5,5, 5³/₄ и 9,3 раза.

2) Продажу только на вынос (ренсковые погреба, шинки и т. п.). Цена патентов была увеличена с 200 до 400 руб., с 35 до 70 руб., т. е. в 2 раза.

3) Продажу только распробочно с правом подачи горячих закусок (трактиры). Цена патентов на трактиры была увеличена с 150 до 330 руб., с 50 до 110 руб. и с 15 до 70 руб., т. е. в 2,2 и 4²/₃ раза.

4) Для постоялых дворов с 50 до 140 руб. и с 30 до 90 руб., т. е. в 2,8 и 3 раза (1).

Патенты выдавались на местах акцизными надирателями, которые подчинялись акцизному управлению Западной Сибири, находившемуся в г. Омске.

Для открытия питейного заведения требовался начальный капитал, который имелся далеко не у каждого. Однако, несмотря на это, после акцизной реформы кабаки начинают расти, как грибы. Но не везде развитие вино-торговли происходило одинаково, существовали территории, где она подвергалась некоторым стеснениям. В частности, речь идет об Алтайском горном округе.

Как известно, Алтайский округ в это время управлялся Кабинетом Его Величества. Непосредственно в округе руководство осуществлялось Горным Правлением, которое постоянно стремилось подчинять своему влиянию все отрасли экономической жизни края. И, как следствие этого, получение патентов на открытие питейных заведений также фактически не могло осуществляться без участия горной администрации, о чем свидетельствуют данные архивов. На практике это проявлялось двояко: ограничением общего количества мест продажи вина и выдачей патентов строго определенным лицам. Все это, естественно, порождало массу злоупотреблений (зависчивости и т. п.).

С первых же шагов действия новой системы либерство пытались перехватить бывшие откупщики или их подручные. Так, управлявший акцизными сборами Западной Сибири Баскаков в июне 1863 г. вносил в Департамент складных сборов о пользе предоставления в распоряжение акцизного управления окладных мест разрабатываемой продажи питей. Мотивировал он это тем, что только этой мерой можно будет противодействовать в Томской губернии стремлениям купца Исаева, который один в губернии не встретит затруднений в получении разрешения на учреждение складов и утверждения приговоров на право разрабатываемой продажи питей (2). Вся Западная Сибирь была поделена в то время на 9 акцизных округов, которые и подчинялись акцизному управлению в г. Омске. В VIII акцизный округ входила административная округа: Барнаульский, Байский и Кузнецкий, населенные по большей части жителями, подвластными горнозаводскому ведомству. Согласно материалам архива, кроме купца Исаева, бывшего главным комиссионером прежних откупщиков по Томской губернии, в этом округе очень немногие до января 1863 г. получили разрешения на ви-

ноторговлю "и только вследствие возникших настояний открылся более свободный путь и другим лицам заниматься продажей питей" (3). Указанное обстоятельство подтверждается и цифрами. Так до января 1863 г. купец Исаев и его доверенные имели патенты на 20 оптовых складов, на 66 штофовых лавок и 35 питейных домов. В то же время все прочие торговцы, соответственно, на 4, 28 и 34 (4). Таким образом, можно увидеть, что купец Исаев к началу 1863 г. являлся фактически монополистом в торговле вином в Алтайском округе, контролируя примерно 83% всех оптовых складов и 62% всей разрабатываемой продажи вина. Первое обстоятельство наиболее важно, так как оптовая продажа является фундаментом виноторговли.

В дальнейшем ситуации постепенно начинает меняться и уже к апрелю 1863 г. в Алтайском горном округе имелся 31 оптовый склад и 801 заведение для разрабатываемой продажи вина различных разрядов (5).

Помимо частной распродажи вина, в России с самого начала существования акцизной системы появляется и общественная виноторговля. На Алтае существование этих двух направлений происходило далеко не мирно. Но прежде чем мы коснемся непосредственно характера этих взаимоотношений, познакомимся с краткой характеристикой последней.

Общественная продажа вина началась в Томской губернии в 1865 г. К 1871 г. она производилась уже в 12 губерниях России, тогда как в 1863 г. лишь в Пермской губернии. Предполагалось, что к 1872 г. она распространится по всей России, но 22 ноября 1871 г. последовал циркуляр министра финансов, воспрепятствовавший акцизным управлениям выдачу сельским обществам патентов на питейные заведения (6). Причина была в том, что общественная виноторговля сократила число питейных заведений, а с ними вместе уменьшила и патентный сбор, что снизило доходы государства. Как указывал Н. Жаднев, "министерство финансов испугалось резкого падения патентного сбора и так как весь госбюджет поддерживался винной реталией, запретило общественную продажу вина, сославшись на то, что, хотя сельским обществам и не запрещено содержать питейные заведения и в течение 8 лет таковые содержались ими, но, в то же время, в Питейном уставе 1863 г. не значится прямого разрешения

им содержать эти заведения" (7). Ограничение прав сельских обществ на виноторговлю продолжалось 15 лет. И только в 1886 г. в новую редакцию Питейного устава были внесены изменения, которые позволяли сельским обществам вновь активно включиться в эту область торговли.

Общественная продажа вина путем приобретения сельскими обществами (общинами) патентов на виноторговлю получила широкое распространение и в сельских районах Алтайского горного округа. Происходило оно двояко. Либо сельская община, купив патент, выбирала из своей среды так называемого общественного сидельца, который и осуществлял торговлю вином в общественной лавке, через определенные промежутки времени отчитывался перед выборной комиссией этого общества о ходе торговых дел. Либо община сдавала свою лавку какому-либо купцу в аренду на срок патента, с обязательством от купца продавать вино членам этой общины по льготной цене. А также он вносил в общественную казну за аренду определенную плату.

Некоторые сельские общества вообще препятствовали открытию у них в деревнях питейных заведений. Так, 31 декабря 1864 г. барнаульскому купцу 2 гильдии Ивану Малькову было выдано свидетельство на открытие штофной лавки в д. Чечулихе Чарышской волости (8). Однако крестьяне этой деревни вынесли общественный приговор от 19 декабря 1864 г. об уничтожении в их селении штофной лавки, а также о нежелании иметь на будущее никаких питейных заведений. От их имени мировой посредник Яновский просил по примеру закрытия штофных лавок в деревне Сенчелецкой в Оловинниковой и на основании существующих законов сделать распоряжение о закрытии штофной лавки в дер. Чечулихе. Кроме того Яновский просил "...сделать распоряжение о не выдаче патентов на продажу питей в рудниках и селениях горнозаводских волостей, без приговоров обществ" (9). Предложения Яновского были однако не удовлетворены. Напротив, фискальные интересы государства требовали увеличения числа заведений, так как это повышало государственный доход. К тому же распоряжение Яновского шло вразрез с существовавшим законом о свободной продаже питей.

Впоследствии сельские общества получали право на вынесение отрицательных приговоров на открытие питейных заведений на их территории, совместно с соответствующим решением и Горного правления. Но в корне этого изменения лежало не столько желание ограничить пьянство в среде сельских жителей, сколько опять же фискальные интересы Кабинета. Речь шла о том, что Алтайский округ имел большое количество рудников и золотых приисков. Увеличение пьянства существенно влияло на их производительность и, естественно, не в лучшую сторону. Борьба с нарушениями Устава о продаже питей велась постоянно в течение второй половины XIX в. Шестидесятые годы не являлись исключением. Так, Горное правление в июне 1865 г. предписывало Барнаульскому волостному старшине, чтобы он воспретил сельскому старосте продажу вина на Егорьевском промысле. Оно просило Управление акцизными сборами Западной Сибири по избежанию противозаконных действий со стороны акцизных надзирателей воспретить им выдачу патентов на все питейные заведения (а в особенности штофные лавки) без особого на то разрешения Горного правления (10). Но продажа горячительных напитков на Егорьевском промысле не прекратилась. Более того, местный пристав в марте того же года доносил, что на дачке Барабановской, отстоящей в 3 верстах от промысла, на устье р. Березовой, впадающей в Сусичу, добывают золото из россыпи довольно удовлетворительного содержания. Вольнорабочих там было около 60 человек. Однако с началом продажи вина они сдали за 14 дней всего лишь 10 золотников. А остальное золото, добытое ими, утекло, по его мнению, в частные руки кабатчиков (11). Исходя из этих сведений, Горное правление просило немедленно прекратить продажу вина на Егорьевском промысле и в дачке Барабановской, о чем и писало в Кабинет (12).

Вообще, что касается вопроса о виноторговле на золотых приисках, то тема это не простая и заслуживает отдельного рассмотрения. Однако необходимо все же отметить, что государство пристально следило за соблюдением законности в этой отрасли. Об этом говорит обилие законов, указов, распоряжений и прочих документов, которые так или иначе затрагивают вопросы питейной про-

даже на привисках. Причем в частные золотые промыслы не выпадали из поля зрения правительственного ока.

Органичительные меры в продаже вина проводились не только в отношении золотых привисков. Существенные проблемы возникали и в отношении тех же сельских обществ, некоторых членов которых неумеренное употребление водки доводило до разорения. Заботясь о доходах, государство обязано было заботиться о налогоплательщиках, значительную часть которых составляли крестьяне. О существовании такой проблемы говорит тот факт, что в октябре 1865 г. 26 сельских обществ в своих приговорах ходатайствовали через мировых посредников о закрытии в их селениях питейных заведений по случаю чрезмерного пьянства, неплатежа податей и повинностей (13). Пьянство среди крестьян принимало иногда действительно безобразные размеры. В кабаках оставали иногда не только выручку за проданный урожай, но и делали долги и счет урожая будущего, что самым негативным образом сказывалось на экономике крестьянского хозяйства. Часто кабатчику отдавали в залог вещи, предметы домашней утвари, орудия труда. И сидельцы, в нарушение ст. 358 Питейного устава, принимали эти залогов, выданная взамен их вино. Преследовать же такие нарушения по закону было очень сложно. Сами пострадавшие отказывались подтвердить подобные факты, а свидетелей, как правило, не находилось. Виноторговлю было выгодно такое положение, так как укрепляло положение его заведения в деревне и, в случае надобности, обретало от возможности вынесения сельским обществом отрицательного приговора в момент продления срока патента на виноторговлю. Подобные случаи не относились, конечно, ко всей массе крестьянства Алтайского округа. Поскольку сельские жители в силу специфики своего труда были менее подвержены этому злу, чем представители городского пролетариата. Русские социологи отмечали даже некоторую закономерность в этом вопросе. Суть ее сводилась к тому, что если в каком-либо регионе уровень потребления спиртного на душу населения повышался, то, следовательно, в этот период происходила значительный отток населения из сельских районов в города или рабочие поселки. Становясь в ряды пролетариата, крестьяне быстро усваивали и его не всегда добрые традиции. Так, в частности, Горное правление доносило в Петербурге, что "в

числе сельских обществ, завысивших желание закрыть питейные заведения, ходатайствовали об этом и 9 селений Змеиногорского края, где пьянство в особенности усилилось между бывшими мастерами, сделавшимися через то крайне неисправными в исполнении своих обязательств с заводоуправлением по найму на работу, от чего заводы встречают чрезвычайное затруднение в выполнении нарядов по добыче руд и выплавке металлов" (14). К продаже питей на рудниках и заводах Горное правление относилось очень внимательно, стараясь по возможности ограничить ее и тем самым уменьшить негативные последствия пьянства. Ввиду этого Алтайский округ несколько выделялся среди других районов Томской губернии большим количеством ограничительных мер. Одним из следствий этого факта стало увеличение нарушений Питейного устава в округе и, в особенности, тайная виноторговля. Одним из способов нарушения закона являлась торговля на восточных дворах. Дело в том, что в целях удобства проезжающих в них разрешалось продавать вино, что иногда в условиях сибирской зимы и специфика транспортных средств того времени было просто необходимо. Но вот что сообщала горная администрация в столицу по этому поводу: "...тамашние виноторговцы постоянно открывают в глухих местах такие постоялые дворы, при которых не только нет отдельных комнат и служб на дворе для проезжающих, но даже часто не имеется комнаты для самого продавца. В этих восточных дворах часто продолжается пьянство за полночь, и при этом неизбежно бывают шум и драки" (15).

Список подобных нарушений виноторговцами законов по продаже спиртных напитков можно было бы продолжать, но при этом сам собой напрашивается вопрос о тех мерах, которые принимались правительством в лице местной администрации для пресечения подобных фактов.

Основными методами были полицейские расследования и административные изыскания. Однако большие расстояния, малое число полицейских и акцизных чинов существенно снижали действенность подобных мер. В этих условиях сельские общественные питейные лавки, казались, можно было бы рассматривать как альтернативу частным кабакам. Находясь под постоянным контролем общества, они вели торговлю, как правило, без серьезных

нарушений. Но, как показывают документы, и здесь возникали сложности.

Как отмечает Н. Жаабнов, в большинстве русских селений торговля носила название общественной только по имени на патенте, а в действительности или сдавалась на откуп приказчику, который покупал вино на собственные средства, или же, при покупке вина на общественные деньги, был лишь на отчете. В первом случае торговля никакой разницы от частной виноторговли не имела, со всеми сопровождающими ее вредными явлениями в виде искусственного спавания потребителей вином и проч.

Во втором же, кроме этого характера, была поводом к поголовному пьянству не только того общества, что содержало винную лавку, но даже и для соседних (16) (как это не раз случалось во время ревирий, праздников и т. п.). Так называемые общественные сидельцы, т. е. те, кто торговал в общественных кабаках по поручению общины, также стремились набить собственный карман, а потому прибегали к различным ухищрениям (разбавляли вино, повышали плату для представителей других сельских обществ и т. д.)

Возникали нарушения и при заключении договоров между виноторговцами и сельскими обществами при открытии питейных мест. Вот что писал, например, генерал-губернатор Западной Сибири томскому гражданскому губернатору 14 августа 1867 г.: "... по донесению Управляющего питейно-акцизными сборами Западной Сибири сообщено мне, что разного рода притеснения для виноторговцев в Томской губернии продолжают и по настоящее время, что сбор в общественный капитал обратился в оброчную статью крестьян, которые за приговор, позволяющий виноторговлю, берут с торговца и вином, и деньгами, если же крестьянам по какому-либо случаю не удается взять этот оброк, то они приступают к насилию и иногда к грабежу заведения. Так Камышинский питейный дом томского мещанина Ильина разграблен был местными крестьянами два раза, о чем произойдет в настоящее время формальное следствие" (17).

Дозволяя частную торговлю вином в своих селениях, общины требовали с торговцев часто не только арендную

плату, но иногда и часть прибыли с продажи. В данном случае нарушался не только закон, но и баланс спроса и предложения. Делаясь с требовавшимся доходом, купец естественно стремился компенсировать свои потери, и конечно же за счет самих же крестьян, повышая цену на вино, разбавляя его водой и т. д. В большой степени эти нарушения касались жителей соседних деревень, в которых не было своих штофных лавок или кабаков.

Говоря о виноторговле на Алтае во второй половине 60-х годов прошлого столетия, необходимо подчеркнуть и еще один важный момент. Несмотря на все изъятия и притеснения, частная виноторговля в этот период развивалась относительно свободно. Стихий рынок накладывал отпечаток на цены, которые в этот период во многом зависели от количества и качества привоза, так как первый крупный винокурный завод появился в округе только в 1867 г. (Иткульский завод построен близ г. Байска и начал давать продукцию в 1868 г.). Спрос явно превалировал предложение и потому происходил количественный рост мест продажи вина. Крупные торговцы-монополисты 80-90-х годов XIX в. в этот период еще только набирали силу и их влияние было невелико.

Однако стихию свободной торговли сдерживали запретительные меры горной администрации путем ограничения количества патентов на торговлю в горнозаводских селениях, включая и Барзуд, где число питейных заведений не должно было превышать 24.

Тем не менее наввно было бы полагать, что сокращение мест раздробительной продажи питей приводило (и приводит) к сокращению их потребления. Тут можно согласиться с Е. Раппом, который еще в 1886 г. писал: "Судя по этим выводам и по отзывам относительно распространяющегося среди великороссийских губерний пьянства, можно, пожалуй, прийти к заключению, совершенно противоположному высказываемому по этому предмету в текущей прессе, именно: что чем меньше кабаков, тем больше пьянства, а не наоборот" (18). Далее он отмечает, что в 1878 г. по всей России было заведений - 80321 и жителей 77003461 человек. В Сибири - 4653 заведения на 3911204 человека. Следовательно, на одно питейное заведение приходилось:

в 1870 г. по всей России - 482 чел.
 в Сибири - 393 чел.,
 в 1878 г. по всей России - 958 чел.
 в Сибири - 840 чел.

Количество питейных заведений, таким образом, в отношении к числу жителей, уменьшилось в России (имеется в виду территория всех районов империи) и в Сибири почти вдвое (19).

Сокращение числа питейных заведений относительно числа жителей происходило и в последующие годы, причем многие проблемы начального периода действия акцизной системы сохраняются и в дальнейшем. Это подтверждается и некоторыми опубликованными материалами. Например, "Вестник финансов, промышленности и торговли" отмечал: "В 1884 г. в Западной Сибири оптовых складов было 254; заведений для раздробительной продажи всего 3310. Против 1883 г. первых более на 84; последних менее на 255. Увеличение числа складов последовало вследствие невыдачи некоторыми крестьянскими обществами, а также учреждениями разрешений на открытие питейных заведений. Отсутствие законных мест продажи вызвало только беспатентную торговлю пивом. На существующий нарядок открытия питейной торговли жалуются все винооторговцы" (20).

Здесь важно отметить, что данный журнал - орган сугубо официальный, и признание им лихоимства государственных чиновников на местах красноречиво характеризует масштабы этого явления. Борьба сельских обществ и частных винооторговцев, как мы видим, также не прекращается. За этим очень пристально следит министерство финансов, постоянно опасаясь за падение своих доходов. Противостояние министерства финансов и министерства внутренних дел порой только усугубляло неразбериху питейного законодательства. Прибыли с продажи вина кормили не только винокуренных заводчиков и винооторговцев, чиновников и верхушку сельских общин, но и в огромной степени само государство. Кроме того получали заработок сотни рабочих, а также масса крестьян, как поставщиков хлебных припасов для винокурения. Являясь связующим звеном между винокурением производством и потреблением его продуктов, винооторговля являлась ручейки капиталов и во многие другие сферы эко-

номии страны. И не случайно вино включили в число необходимых продуктов народного потребления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ритт Е. Винокурение и водочное производство // Историко-статистический обзор промышленности России. Под ред. Д. А. Томсинова. Т. 2. СПб., 1886. С. 49.
2. РГИА, Ф. 574, Оп. 1, Д. 837, Л. 38.
3. Там же, Л. 38.
4. Там же, Л. 40.
5. Там же, Л. 41.
6. Жданов Н. Казенная, общественная и частная продажа вина. СПб., 1896. С. 10.
7. Там же, С. 11.
8. РГИА, Ф. 574, Оп. 1, Д. 837, Л. 48.
9. Там же, Л. 48.
10. Там же, Л. 59.
11. Там же, Л. 59.
12. Там же, Л. 60.
13. Там же, Л. 67.
14. Там же, Л. 68-69.
15. Там же, Л. 69-71.
16. Жданов Н. Указ. соч. С. 12.
17. РГИА, Ф. 574, Оп. 1, Д. 837, Л. 126.
18. Ритт Е. Указ. соч. С. 31.
19. Там же, С. 51.
20. Вестник финансов, промышленности и торговли за 1885 г. Т. 2. № 18. СПб., 1885. С. 299.

Г. А. НОЗДРИН

БЕРДСКИЕ ФЕРМЕРЫ

Катастрофическое состояние сельского хозяйства в Российской Федерации, лихорадочные поиски выхода из кризиса заставляют по-новому осмыслить исторический опыт народа, систему организации его хозяйства. У русских земледельцев есть чему поучиться. Россия была крупнейшим поставщиком зерна на мировой рынок, а небольшое село Бердское входило в число крупнейших центров сибирского мукомольного и зернового производства.

Жители с. Бердского и д. Луговой (Шариной) землей пользовались сообща и составляли сложную земельную общину, но сенокосы выделялись каждому селу отдельно в определенных местах. В периодической печати общину, считая ее предшественницей колхозов, оценивают только отрицательно. Но община, даже с наличием переделов и принудительных севооборотов, никогда не выталась бога-

того сделать бедным. Она лишь предоставляла всем своим членам равное право на пользование земельными угодьями, так как крестьяне считали, что "земля ничья, она божья", а переселенцы в Сибирь, обосновавшие свое право на землю, утверждали: "Земля царская и мы царские". В остальном достаток крестьян зависел от их трудолюбия и умения хозяйствовать на земле. Наоборот, зажиточные крестьяне пользовались уважением и авторитетом в обществе, их всегда избирали в органы крестьянского самоуправления.

Недостаток обычного землепользования заключался в наличии переделов земли, которые не стимулировали удобрение почвы, приводили к череполопости земель, не давали возможности продать участок без разрешения мира, что в конечном счете сдерживало хозяйственную инициативу крестьян, мешало развитию производства. Зачем было богатому земледельцу удобрить почву и вводить лучшую агрокультуру, если участок через пять лет переходил к другому. Это прекрасно осознавали и наиболее дальновидные из крестьян. А. Я. Гладышев и Я. Ф. Столь писали 20 сентября 1911 г. в прошении губернатору: "В будущем году в нашем селе ожидается окончательное землеустройство крестьян-старожилков, и, наконец, земли будут отведены в общественное пользование, что при настоящем положении дела бесспорно вредит более правильному ведению крестьянского хозяйства, потому земли Сибири требуют безотлагательного удобрения, т. е. прошло то время, когда земля эта без всякой затраты труда давала земледельцу крупные доходы, урожан, повторявшиеся в последнее время, очень хорошо показывают, что без удобрения земель хозяйству сибирских крестьян грозит неминуемое разорение, а удобрение земель при обычном землепользовании совершенно не удобно, потому что удобренные одним лицом земли при переделах общественного надела могут перейти к другому, положительно не принимавшему участия в их удобрении".

Переделы земель в общинах производились не всегда. На ранних стадиях развития, когда земли было достаточно, община не вмешивалась в ее распределение. Долгое время в Сибири господствовал замечено-захватный способ землепользования, когда каждый имел столько земли, сколько мог захватить. С ростом населения и уменьшением количества свободной земли крестьяне перешли к

полному землепользованию. При нем каждый мог пользоваться таким количеством земли, которое мог обработать, необработанные земли разрешалось занимать любому. Именно на этой стадии развития находилась бердская община. Здесь жители пашинными пользовались вольно, а зимки исчезали. В наделе села располагалась лишь одна зимка братьев Давыдовых в Клышном Логу, в которой жили четыре семьи, занимавшиеся земледелием и выгонкой дегтя.

У жителей села ощущался острый недостаток в сенокосах, поэтому в пользовании этим видом сельскохозяйственных угодий раньше всего начался переход к переделной общине. Сенокосы уже делили по душам. Перед началом сенокоса бердчане выезжали в поле и глазомерно определяли на каждом участке, сколько копен сена можно собрать. Затем высчитывали, сколько человек могут получить паш в отдельных делянках. При этом соблюдался принцип старшинства. Крестьяне старались оставить на прежнем месте; но, в зависимости от урожая, паш расширялся или сокращался. Делились только дуговые покосы в поймах рек, остальными пользовались вольно.

Согласно плану, составленному в 1891 г., площадь надела определялась в 10 360 десятин. Удобные для сельского хозяйства земли составляли 6 439 дес., из которых 19 находились под усадьбами и 6 420 под пашинными, выгоном, сенокосами. Неудобных земель насчитывалось 1311 дес., а лес занимал 2 609 дес. При землеустройстве на мужскую душу отводился надел в 15 десятин, т. е. на двор приходилось от 30 до 60 десятин. Собственниками земли считались Казна и Кабинет, крестьяне получали ее лишь в наследственное пользование.

Журналисты, доказывая преимущество частной собственности перед общественной, часто ссылаются на опыт развития фермерских хозяйств Сибири, но при этом забывают, что хуторяне получали землю не в собственности, а в наследственное пользование. В 1910 г. П. А. Столыпин поставил вопрос о введении частной собственности в Сибири, но до 1917 г. она так и не была введена. Опыт бердских крестьян, ставших крупными производителями хлеба, являясь лишь пользователем кабинетских земель, показывает, что для увеличения производства сельскохозяйственной продукции на первом этапе достаточно передать государственные земли лишь

в пользование крестьян, что позволит избежать спекуляции землей. При достаточном развитии рыночных отношений и наличии капиталов в деревне можно будет землю продавать в частную собственность.

Развитие товарно-денежных отношений вело к росту аренды земли. У бердского общества три участка земли арендовал купец В. А. Горохов. В 1902 г. бердское общество уступило до землеустройства 10 десятин пашни сельскохозяйственному обществу. В устье реки Шадринки располагался церковный участок земли.

Обь делила надел с Бердского на две части: правобережную, холмистую, покрытую логам, и степную, почти сплошь распаханную, левобережную. Пашни шли двумя рядами по гривам правого и левобережья, на расстоянии 6-12 верст от села. Земледелие было главным занятием населения. Крестьяне при обработке земли использовали переложную систему земледелия. Участок земли засеяли несколько лет подряд хлебом, а затем забрасывали в залежь на 15-20 лет. Администрация и ученые, прибывшие из Европы, считали сельское хозяйство Сибири отсталым, но оно было наиболее рациональным в тех условиях. Отсутствие удобрений объяснялось тем, что земли были достаточно плодородны. "Не об удобрениях надо заботиться, - писал известный русский почвовед В. В. Докучаев, - анала показывает, что питательных веществ в черноземе хватает на долгое время, а о том, чтобы сгладить следы неразумной культуры, обратившей эту чудную зернистую почву в пыль". В условиях заливки масс свободных земель экономически более выгодным было распахать новый участок, чем удобрять старый. Залежь прекрасно восстанавливала плодородие почвы и предохраняла ее от эрозии. С ростом переселений в начале XX в. сроки залежи стали сокращаться, земля не успевала восстановить свое плодородие естественным путем, последовал ряд неурожаев, следствием чего стал переход к трехполью и удобрению полей.

Крестьяне стремились получить урожай при любых погодных условиях. В дождливые годы увеличивали посевы зерновых в левобережье, где они в это время родились лучше, а в сухие - на правобережье. Посевы яровых дополнялись посевами озимых. При неурожае первых всегда выручали вторые. В настоящее время земледельцы специализируются только на производстве яровой пшени-

цы. В результате в засушливый 1989 г. большинство колхозов и совхозов осталось без урожая, лишь те, кто имел посевы озимых, получил достаточно зерна.

Долгие годы, в поисках путей повышения производительности труда мы имитировали специализацию и концентрацию сельского хозяйства, ссылаясь, кстати, тоже на зарубежный опыт. Последствием такой политики стало исчезновение целого ряда товаров. Крестьянское хозяйство строилось на других принципах. При специализации на выращивании пшеницы каждый хозяин пытался обеспечить свою семью всеми необходимыми продуктами. Кроме пшеницы сеяли яровую и озимую рожь, овес, а также гречиху, просо, рожь, лен, коноплю, картофель, а на Алтае еще и подсолнечник. По Оби и Иртышу плыли плоты с сибирскими арбузами. Конечно, не всегда тогда жили богато, но растительное масло не мерили граммами, а гречиху ели почти все крестьяне.

Следует отметить бережное отношение крестьянина к земле. Он не только не давил ее многократно тяжелой техникой, но по осени ходил босиком. Но главное, на чем строилось благополучие России, это неустанный труд. В деревне в страду работали от зари до зари.

"Эту привычку к труду благородному"

Нам бы не худо с тобой перенять.

Благослови же работу народную

И научись мужика уважать",

- писал А. Н. Некрасов. Эту привычку им как раз и не переняли, в психологии сельских жителей, а еще больше городских, утрачено традиционное трудолюбие и бережное отношение к земле. Пропатанна отсталости мировоззрения крестьян вызвала в обществе пренебрежительное отношение к тем, кто кормил страну.

Земледелие в сельском хозяйстве всегда дополнялось скотоводством и кустарными промыслами. Скотоводство в Бердской волости носило вспомогательный характер. В 1908 г. здесь держали 994 лошади, 700 голов крупного рогатого скота, 125 овец и 265 свиней. Зимой 290 жителей села занимались извозом на мельнице Горохова, кроме них для перевоса хлеба занимали еще 370 человек из волости. На пристани бердчане работали мало, и обычно там трудилась незначительная переселенцы и вагонные рабочие. Олотов и рыболовством в селе занимались

шесть человек, столько же разводило пчел, производи 45 пудов меда и 7 пудов воска. Продукция сельского хозяйства перерабатывалась сразу на месте. Здесь ничто не пропадало. В селе работало 7 гончарных, 6 кирпичных, 2 кожевенных, 4 пимокатных заведений, 1 мельница, 2 маслобойни и маслодельный завод. Здесь располагалась кручатная мельница Горохова, дававшая продукции на 1 071 379 руб., и два пимокатных завода Барабашкиных с суммой производства в 16,5 тыс. руб.

Сельское хозяйство обеспечивало дешевизну продукции. П. П. Семенов-Тинь-Шанский, проезжая в 1858 г. по Сибири, в том числе и по Бердской волости, отметил, что сибирские крестьяне, в отличие от российских, даже в будничные дни ели мясо, рыбу и молочные продукты. Сельскохозяйственные продукты были дешевы: лошади стоила 60, корова - 30, свинья - 10, а овца - 6 руб., за пуд мяса платили 4 руб. 80 коп., муки - 35 коп., сена - 20 коп. Два раза в год в селе проводились многолюдные ярмарки: Михайловская (8-18 ноября) и Ивановская (24 июня - 1 июля). Сейчас в это трудно поверить, но на них товар привозили намного больше, чем могли купить жители. В 1908 г. на Михайловскую ярмарку привезли товаров на сумму в 140 000 руб., а продало всего на 55 тыс., на Ивановской это соотношение составило 22 и 10 тыс. руб. Бердские ярмарки были центрами продажи сельскохозяйственной продукции. В 1908 г. здесь продано 900 лошадей на 32 789 руб., 1225 голов крупного рогатого скота на 19 297 руб., 52 овцы на 153 руб. и 1024 свиньи на 10 410 руб. С бердской пристани ежегодно отгружали в Новониколаевск около 1,5 млн. пудов зерна.

Мы долгое время считали, что до революции эксплуатировали рабочих. Но тогда даже не ставился вопрос о выживании, никто не планировал оставить без средств к существованию 40 млн. человек. В Бердской волости рабочий на полевой получал в день 80 коп. - 1 руб., конный - 1 руб. 80 коп. - 2 руб., женщина - 60-80 коп., в сенокос соответственно платили 1 руб. 20 коп., 2 руб. 20 коп. и 80 коп. При сдельной оплате за уборку десятины получали 10-14 руб., а годовая плата рабочему составляла 120-140 руб. Таким образом, сельскохозяйственный рабочий в месяц получал от 15 до 30 руб. На эти

деньги можно было купить от 3 до 6 пудов мяса или корову.

Леса жители села имели достаточно. В общем-то надел имелось два бара: Бердский и Речкуновский. В 90-х годах крестьяне стали принимать меры к сохранению лесов, приняли приговор о прекращении рубки леса в барах, но администрации эти меры показались недостаточными и она изъяла лес из пользования крестьян и передала Кабинету. Естественно, что в данном случае преследовались не только цели сохранения природы, но и чисто финансовые. Жители получали право на бесплатный отпуск леса по билетам, но за это должны были выполнять натуральную повинность по охране и опалке кабинетских лесов. Например, на опалку лесов Бердская волость ежегодно направляла до 555 работников.

Бердчане платили государственную оброчную подать в размере 1 205 руб. 25 коп. и губернский земский сбор в сумме 225 руб. 40 коп., взимаемые по 30 коп. с десятины пашни, по 20 коп. с головы крупного рогатого скота и по 6 руб. 67 коп. с рабочей души. Волостные сборы складывались по 1 руб. 48 коп. на душу. Таким образом система налогообложения носила переходный характер и лишь частично соответствовала доходности хозяйства. Наряду с денежными крестьяне выполняли и натуральные повинности: ремонт дорог, охрана и опалка лесов, содержание земской избы, подводная повинность по перевозке государственных служащих, бесплатное выполнение волостных должностей (полицейских десятских, сотских, сторожей, посыльных и т. д.). Эти повинности, выполняемые в летнее время, были наиболее обременительными для крестьян.

П. А. ПАНИН

КОММУНА "НОВЫЙ СВЕТ" В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

После Октябрьской социалистической революции, уже в 1917-18 гг., на Алтае по инициативе посланцев партии - питерских рабочих, дальневосточных военных моряков

и местных коммунистов были созданы первые сельскохозяйственные коммуны.

Окончилась гражданская война, и многие красные партизаны смело стали на путь кооперирования своих единоличных хозяйств и создание сельскохозяйственных коммун. В 1920 г. по Алтайской губернии 1889 крестьянских дворов объединились в 103 кооператива, а в 1921 г. - 17484 двора в 766 кооперативов (1). Некоторые коммуны в те первые годы своей жизни не только выжили, но и окрепли. В 1924 г. было "намечено по три образцовых коллектива" в уездах: по Барнаульскому - коммуна "Майское утро" (Косиха), "Заря коммунизма" (Чумыш), "Трудовой муравей" - (Белоарск); по Рубцовскому - "Новый свет" (Шипуново), "Пахарь" (Поспелиха), "Тернистый путь" (Рубцовка) (2). Нельзя принижать историческое значение первых коммун, тем более, если она числилась в ряду переловых хозяйств и стали прочной основой создания новых, укрупненных колхозов в последующие годы.

По колхозу "Родина" Шипуновского района (я прошлой коммуна "Новый свет") опубликовано около ста работ, из них 8 книг, 33 журнальных и более 50 газетных статей. Все они освещают развитие и деятельность колхоза, начиная с 30-х гг., и только отдельные авторы в какой-то степени освещают историю коммуны "Новый свет", на базе которой развился орденоносный колхоз им. Ф. М. Гринько.

В книге "История Алтайского края" А. А. Худиков отмечает, что "Коммуны "Красные орлы" (Петропавловского района), "Новый свет" (теперь колхоз "Родина" Шипуновского района) и другие имели тракторы и сельскохозяйственные машины, сеяли чистосортными семенами, построили утепленные скотные дворы, открыли различные мастерские. Производительность труда в этих хозяйствах была намного выше, а значит и доходов они получали больше". (3)

В работе "46 лет коллективного хозяйствования на земле" Н. Бабарыкин и М. Тихонов пишут: "Колхоз "Родина" - один из старейших и широко известных на Алтае... Первые коммуны с большим энтузиазмом начали перестраивать жизнь по-новому, их упорный труд не замедлил сказаться: коммуна быстро шла в гору, увеличи-

лись площадь пашни, росло поголовье скота, повышалась урожайность культур и продуктивность скота" (4).

Н. Девятьяров в своей работе "Сегодня и завтра колхоза "Родина" указывает, что коммуна в начале 30-х гг. "была крепким" хозяйством, что "слава о делах коммуны полетела по ближайшим и дальним селам... Коммуна крепла" (5). В. Гавричкин в статье "Сбылся мечта коммунар" рассказывает об одном из основателей и руководителей коммуны "Новый свет" А. Г. Жук (6).

Выход этих и других книг о коммуне "Новый свет" был важным и радостным событием в жизни колхоза "Родина". Они радовали прежде всего ветеранов колхозного движения. Бывшие первые коммунар А. Г. Жук и П. В. Ридный, с моим небольшим участием, в 70-х гг. собрали нужный материал и намеревались создать более полную и объективную историю своей коммуны. Но жизнь этих коммунаров оборвалась, и их мечта осталась неосуществленной.

Для настоящего очерка мне пришлось использовать документы красного архива, на которые я ссылался в тексте, и воспоминания старших коммунаров, которые мне пришлось слышать во время совместной работы в коммуне и при встречах с ними в последующий период. К числу таких коммунаров в отношении прежде всего Артемия Григорьевича Жука, Петра Васильевича Ридного и его сестер - Марию Васильевну Жук, Федосью Васильевну Сычеву, а также Ульяну Ивановну Поликарпову, Лукерью Ивановну Клинову, Иллариона Григорьевича Котова, Матрону Илларионовну Котову, своего отца Андрея Митрофановича Павина и некоторых других.

Моя учеба и работа в коммуне и в Зеркальской МТС, тесное общение с коммунарками, личные впечатления дают мне некоторое право, чтобы подтвердить высказанные коммунарками мнения и уточнить некоторые моменты истории коммуны. Все это излагается в определенной системе, хотя хронологию событий 14-летнего периода жизни коммуны мне выдержать полностью не удалось.

ЗЕРКАЛЬЦЫ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ В КОММУНУ. Уже в первые годы после окончания гражданской войны крестьяне, бывшие красные партизаны с. Зеркалы Шипуновского района, решили построить свою жизнь по-новому. Нет сомнения в том, что сельские коммунисты и беспартийные активисты села в то время уже знали ленинскую

политику нашей партии, что путь к новой жизни лежит только через объединение их единоличных хозяйств в коллективные.

Под руководством партийной ячейки, секретарем которой был Андрей Васильевич Чашкин, они решили создать в своем селе коммуны. Это было в конце 1920 г. - в трудный год борьбы за хлеб и с остатками контрреволюции. Бывший житель и партизан с. Зеркалы А. Г. Жук в год своего 70-летия вспоминал: в те трудные годы (1918 г.) он "подавлял кулацкий мятеж в селе... скрывался от кулаков на зимках", будучи активистом в этой борьбе.

Инициаторами создания коммуны, страстными агитаторами и первыми ее членами стали Филипп Кузьмич Полыкарпов, Федор Петрович Тумашов, Артемий Григорьевич Жук. Одновременно с ними вступили в коммуны Федор Васильевич Брусенцев, Илларион Григорьевич Котов, Никандр Акимович Уфимцев, братья Павел и Николай Ридные, старший сын Полыкарпова Ефим, Степан Дмитриевич Попов, вдова Александра Тихововна Климова и другие. Всего, как указано в акте обследования коммуны, в нее вступило 249 человек (7).

Днем организации коммуны считается 21 декабря 1920 г., а зарегистрирована она была, как указано в Акте-24, в Барнаульском уездном управлении 27 января 1921 г. Под усадьбу коммуны зеркалавы избрали бывшую зимку купца Вяткина, у Аверьянова луга, в подковообразном окружении молодой березовой рощи, что раскинулась по дороге на Шипуново, на 18-м км от села Зеркалы.

В 1921 г. коммуна получила от государства земельный надел. В отчете землемера В. Д. Горшкова от 18 апреля 1921 г. указано, что коммуне "Новый свет" нарезано земля: удобной 715,5, неудобной 27,27 десятины, леса нет, всего 742,77 десятины, при численности 159 слотов (8).

Первые два года, особенно первый год жизни коммуны, были сложными и трудными. Нужно было посеять, чтобы уже в первом году получить урожай, нужно было перевезти из села дома и построить их. Хлеба было мало. Питались горохом и кислым творогом. Усложнялось многое еще и тем, что значительная часть коммунаров, испугавшись трудностей или под влиянием кулацкой агитации, вышли из коммуны, другие выделались и создали

в одном километре от усадьбы коммуны на с. Бобровка ТОЗ. Усадьбу товарищества окопали канавой, но ничего на ней не построили. Товарищество развалилось.

Артемий Григорьевич Жук, вспоминая о том времени, сказал: "На новом месте жилось трудно. Не хватало хлеба, было плохо с одеждой, обувью, жильем. Но жили мы, коммунары, дружно". Когда коммуна была под угрозой распада, самый стойкий коммунист Ф. К. Полыкарпов во всеуслышание заявил: "Никуда я отсюда не пойду! Кто хочет быть в коммуне, становись со мной рядом!" И с ним встали коммунисты, самые стойкие, сильные и убежденные. Партийное ядро сохранилось, и оно постоянно в будущем цементировало коммуны.

Спустя год-два коммуна стала привлекать внимание крестьян окружающих ее поселков. Тогда в нее вступили из поселка Таловский братья Иван, Григорий, Никита и Яков Евкины, семья Я. П. Батова, из поселка Федуловский П. В. Ридный.

К 1924 г. в коммуне сложился постоянный состав в количестве 69 человек, из них мужчин 36 (взрослых 17) и женщин 33 (взрослых - 20) (Акт-24). Коммуна уже стала выходить на путь хорошо организованного коллективного хозяйства. Она не была творением зеркалавских партизан-одиночек, а результатом целенаправленной работы, которую проводили коммунисты сельской партийной ячейки, под руководством вышестоящих партийных и советских органов.

Уже в первые годы Советской власти наша деревня пользовалась вниманием и помощью государства. Большое внимание уделялось коллективным хозяйствам, в том числе и коммуне "Новый свет". В мае 1922 г. коммуна вступала в члены союза "Сельхозкооператив", 22 февраля 1924 г. она была принята в члены союза Барнаульского кредитного товарищества, после чего ей был открыт кредит 800 рублей золотом, из 5 тыс. руб. выделенных для всех хозяйств товарищества (10). Предоставление коммуне денежных кредитов было одной из важных форм помощи государства.

В ноябре 1924 г. в Барнауле состоялся съезд колхозов Барнаульского уезда, на котором присутствовало 40 представителей колхозов, в том числе от коммуны "Новый свет" член партии Евкин. "В коммуне 71 душа. Устав

* Его отец, Василий Михайлович Чашкин за революцию занимался подпольной работой, за что был сослан, а в 1918 г. как сельский активист был схвачен контрреволюционерами и на пути конвоирования в Алейск расстрелян.

коммуны старей" - говорилось в учетных данных делегатов съезда. На съезде обсуждался вопрос о хозяйственной и другой деятельности коммуны и артелей уезда (11).

Особенно ошутима была помощь государства в приобретении хозяйствами тракторов, сельхозмашин, породного скота и сортовых семян. В 1929 г. в коммуну поступило сразу десять колесных тракторов "Интернационал", на базе которых была создана государственная тракторная колонна, а позднее - МТС.

Дружный и организованный труд коммунаров в сочетании с помощью государства помог коммуне стать в ряд с передовыми хозяйствами уезда. В этом проявилась сила политики нашей партии по аграрному вопросу.

ЗЕМЛЯ И ЗЕМЛЕДЕЛИЕ. В коммуне большое внимание уделялось земле и земледелию. Коммунары следовали требованию нового времени о том, что коллективные хозяйства должны применять наилучшие приемы земледелия. В 1924 г. площадь земельных угодий коммуны несколько увеличилась и составила 899 десятин, в том числе пашни - 426, под усадьбой - 15, леса и кустарника - 100, сенокосов вет, выгона - 100 десятин. Всего земли удобной - 635, неудобной - 264 десятины. Земли в отрубе, не чересполоси, говорится в Акте-24.

В коммуне с первых лет ее существования большое внимание придавалось землеустройству, охране земли, лесов и вод, внедрению и совершенствованию культуры земледелия, что позволило ей стать в число образовательно-показательных хозяйств района и уезда. Свои достижения коммуна ежегодно и с успехом демонстрировала на сельскохозяйственных районных и других выставках. По итогам сельскохозяйственной выставки 1924 г. было отмечено, что "...хозяйства перешли на многополье, в том числе коммуна "Новый свет".

В том же акте обследования коммуны указано, что "... в хозяйстве имеется многополье, вводится 12-польный севооборот. Обработка земли отличается от других хозяйств наличием паров и севооборота. При наличии хороших факторов - хорошие почвы и ее обработка, внимание окружающего населения к агрокультурным начинаниям, ставит перед коммуной новые задачи. Коммуна - ждло района по распространению агрокультуры".

На полях коммуны с успехом выращивалась большой набор зерновых культур, включая просо, гречиху, янху,

а также кормовые (суданская трава, динник, турнепс), технические (лен, конопля, подсолнечник), овощные и бобовые культуры, урожай которых, как правило, всегда был значительно выше, чем у единоличных крестьянских хозяйств. Приведу два примера. В 1928 г. мне с комсомольцем коммуны М. Климоным пришлось косить самооброской тучице и чистое от сорняков поле пшеницы сорта "Кубанка". Ее урожайность составила 102 пуда с гектара. В 1930 г. впервые были посажены бобовые на площади три гектара. Урожай отменных по вкусу арбузов, дынь и огурцов был настолько обильный, что значительная часть арбузов кроме употребления в свежем виде, была переработана на "мед-патоку".

Одним из признаков высокой культуры земледелия было то, что в 1927-29 гг. в коммуне содержалось опытное поле, на котором выршивались и испытывались различные сельскохозяйственные культуры, вплоть до суданской травы, сорго и даже соя. Опытником был Андрей Куш.

В первом пятилетии жизни коммуна возделывала сельскохозяйственные культуры конной тягой, а позднее - частично тракторной техникой. С 1929 г., когда в трас организовывались государственные машинные предприятия, техника коммуны была передана в Зеркальскую МТС (вначале это была тракторная колонна им. Сирцова с десятью колесными тракторами "Интернационал"). С тех пор в коммуне, как и в других колхозах, работали от Зеркальской МТС трактора марок "Фордзон", "Интернационал", "Джон-Дир", "Кенс", "Катерпилер" - грузовые автомобили "Форд" и АМО, конные жатки-лобоверейки, самоброски и сноповязалки на тракторной тяге. С 1934-35 гг. конные жатки и сложные молотилки стали заменяться первыми зерновыми комбайнами "Коммунар".

Агрономическое и бухгалтерское обслуживание колхозов осуществлялось также специалистами МТС. Хорошим содержанием полей и обработкой закрепленной земли коммуна наглядно показала единоличным крестьянам преимущество коллективного труда.

ЖИВОТНОВОДСТВО. Животноводство коммуны тоже было основной и важной отраслью и содержалось на высоком уровне. По Акту-24 поголовье домашнего скота коммуны составляло: рабочих лошадей 16, коров - 18,

овец - 130 и других животных и птицы с их молодняком, - всего стоимостью около двух тысяч рублей, или 13% от стоимости движимого и недвижимого имущества. В Акте-24 отмечено, что в коммуне имеется теплый саманный скотный двор на 60 голов скота. Приобретен племенной бык-производитель.

В 1925 г. Алтайское губземлеуправление отметило "наиболее сильные коммуны". Их было пять, в том числе коммуна "Новый свет", где "имеются корма, обеспечиваются правильное кормление скота, имеются теплые скотные дворы". Поэтому управление рекомендовало организацию в них рассадников племенных быков (9).

Через три года кормовая база коммуны улучшилась за счет прирезки ей 150 га земель поселка Малиновка. поголовье скота быстро росло. В 1927 г. коров было 50, овец почти 500 голов. В коммуне "Тернистый путь" Рубцовского района были приобретены меринковые бараны и прочки. Увеличилось поголовье свиней до 10 маток и двух хрюков йоркширской породы. Общее поголовье свиней превысило сто голов, рабочих лошадей достигло почти ста голов. Были приобретены жеребцы орловской породы. Лошадей содержали в типовых конюшнях со стойками, кормушками, денниками и навесами. В пастбищный период весь скот содержался по возрастным группам на хороших выпасах, а осенью - на убраных хлебных полях - жнивье. Полученную от животноводства продукцию частью сдавали государству (сливки, шерсть, туши мяса), а некоторая часть ее распределялась коммунарам (молоко, мясо, сало, яйца); летом продукты выделялись на общественное питание; из шерсти катали валенки, из черных овец шили коммунарам шубы и тулупы. Зооветеринарное обслуживание животноводства коммуны обеспечивалось специалистами районного земельного отдела.

Таким образом, уже в первые 5-6 лет жизни хозяйства были заложены основы культурного и высокопродуктивного общественного животноводства.

ПОДСОБНЫЕ ОТРАСЛИ И ПЛОДОВО-ЯГОДНЫЙ САД. Наряду с основными отраслями - полеводством и животноводством, в коммуне были созданы и подсобные отрасли для удовлетворения нужд хозяйства. В Акте-24 обследования коммуны сказано: "В коммуне имеются промышленные заведения: мельница ветряная, просорушка, шерсточесалка, кузница, кирпичный завод, овчинная

мастерская, маслозавод, пасека". Все они работали сезонно.

К 1927 г. к перечисленным объектам добавились пинокатная, сапожная и столярная мастерские, механическая мельница на тяге трактора "Коломенец" мощностью 25 л. с. (первый машинист Котов И. Г.). Производилась поделка строительного самана и кирпича для отопления общественных помещений и жилых домов. Этим сохраняли местный лес от порубок. В 1929 г. из овечьего молока было организовано изготовление брынзы (первый мастер П. И. Климов).

После укрупнения коммуны в 1929 г., за счет присоединения к ней двух соседних коммун, было решено заложить плодово-ягодный сад (председателем коммуны был еще П. В. Ридный). Первым садоводом коммуны стал бывший житель с. Зеркала, в прошлом учитель и садовод-любитель Моисей Никитович Самойленко.

По его предложению, при его непосредственном руководстве и участии под сад было распахано поле в три гектара. Это поле обработала первая в коммуне и МТС трактористка Фея Ридная. На краю поля был поставлен дом садовника. Посадка сада производилась весной 1931 г. при активном участии пионеров и комсомольцев коммуны. Перед началом закладки сада Моисей Никитович с отцовской лаской сказал нам тогда: "Ребята! На этом месте, где недавно росли пшеница и картошка, мы с вами заложим фруктовый сад, и вырастут здесь яблони, смородина, малина... Тогда мы с вами будем есть свои, собственные сибирские яблоки и разные ягоды и фрукты. А какая здесь будет красота!..". Но ему не суждено было увидеть всех богатств и красоты первого сада коммуны, в 1938 г. М. Н. Самойленко был необоснованно репрессирован.

Мнение коммунаров - жителей с. Зеркала, в том числе и моих родителей, о бывшем учителе и первом садовнике коммуны Моисее Никитовиче Самойленко хорошо и полно выразила бывшая коммунарка, теперь медицинский работник А. Н. Вабарыкина: "Самойленко - это был интеллигент в полном смысле этого слова, эрудит во многих вопросах жизни и науки. Будучи педагогом, в пенсионном возрасте у него хватало организаторских сил, знаний и умения вырастить такой сад на удивление всем...". Хочется верить в то, что в саду теперешнего

колхоза им. Ф. М. Гринько будет установлен памятник этому первому садоводу, энтузиасту сибирской деревни и коммуны.

Коммуна "Новый свет" была многоотраслевым хозяйством. Его подсобные отрасли стали основой будущего колхоза "Родина".

БАЛАНС КОММУНЫ. Укрепление хозяйства позволило коммуне уже на четвертый год своего существования иметь строения, приобрести новое оборудование и имущество. В Акте-24 указано, что коммуна на конец 1924 г. на своем балансе имела жилых домов и хозяйственных 26 объектов, стоимостью 2450 руб., - 16% от общей стоимости имущества; сельхозмашины - 24, на сумму 1650 руб., - 11%, домашнего скота 186 голов на 1990 руб. - 13%, зерна и грубых кормов на 4 тыс. руб., - 25,5%, конного транспорта и упряжи на 690 руб., - 4,5%, топлива на 2100 руб., - 14%, разных материалов, оборудования и инвентаря - общей стоимостью по балансу на 15,5 тыс. руб. В денежном выражении это составляло на каждого трудоспособного человека 223 руб. Если учесть, что сельский дом тогда оценивался в 100-150 руб., лошадь - до 35, корова - в 25 руб., то эти показатели коммуны значительны, и они во много раз выше индивидуальных хозяйств.

К 1927 г. количество строений, машин, домашнего скота, оборудования и имущества коммуны значительно увеличилось. На мельнице работал новый нефтяной двигатель, в 1925 г. был приобретен один, а в 1927 г. - второй трактор "Интернационал", а с ними сложные молотилки "Ланг" и "Гарета", сноповязалки "Мак-Керрик", "Дюринг" и другие сельскохозяйственные машины.

Коммуна становилась на путь механизации и более интенсивного ведения полеводства и животноводства.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА И УЧЕТ. Такое количество имущества и объема работ потребовали установления нужного порядка в учете, в охране и распределении имущества, а также в учете труда. Вместе с тем чувствовалось, что каждый член коммуны, являясь участником коллективного труда, был и активным хранителем материальных ценностей.

На работу коммунары выходили по таблице, составленному распределителем Е. Ф. Поликарповым. В нем же на обороте указывались заработанные за прошедший день часы, взрослому рабочему - 8, подростку - 6 часов в день.

Постоянных рабочих бригад в коммуне не было, на каждый вид работ - сев, покос, хлебоуборка, создавались временные звенья, назначая старший.

Продукты питания коммунарам выдавались по семейной ведомости через склад, с учетом количества в семье едоков. В летний период все коммунары питались в столовой по талонам, стоимость которых для взрослых составляла 8, для подростков - 6 и детей 4 копейки.

В те годы вводились внутрихозяйственные бумажные деньги для взаиморасчетов внутри хозяйства, достоинством 50 коп., 1, 3, 5 и 10 руб. и назывались они бонами. Но они, как мне помнится, не прижились. Их использовали до 1928-29 г. только при обмене на госзнаки при выезде за пределы коммуны и при приобретении товаров в лавке коммуны.

С укрупнением коммуны ведение хозяйства усложнилось. С учетом этого в 1929 г. была введена сделанная оплата труда, с 1930 г. введен трудодень. Создавались постоянные бригады в полеводстве и животноводстве. Была введена должность полевода, и им стал А. М. Панин, завсудющим коровником - Яков Харват, старшим свиноматом Яков Голодько, бригадиром полеводства - Горбатовский, Иван, Матвеев. В эти годы развернулась борьба с уравниловкой, с обезличкой и неравным отношением к труду, к общественному имуществу.

Состав бухгалтерии конторы коммуны возрос до 3-4 человек, во главе которой был поставлен в 1929 г. новый член коммуны, бывший житель с. Зеркала опытный бухгалтер Никита Осипович Бабарыкин. На новую должность секретаря конторы был назначен также новый грамотный коммунар Петр Михайлович Красноперов. С такой организацией труда и учетом коммуна в 1934 г. пришла к новой форме своего развития - сельхозартели.

В КОММУНУ ПРИХОДИТ БЕДА. Но не все и не всегда в коммуне было хорошо и гладко. Как и все крестьянские хозяйства, коммуна иногда навещала беда, разные трудности и невзгоды. Об этом некоторые авторы книг и статей дают сведения неполные и не всегда точные.

В первые годы жизни коммуны ей сильно мешали кулаки, которые не раз ставили ее на грань распада. Кроме того, еще давали о себе знать остатки разных банд. Коммунары, защищаясь от банд, работали с оружием в руках,

а некоторые из них были бойцами ЧОНа - частью особого назначения. По анкетным данным, которые хранятся в колхозном музее, трезлинский карабин N 56288 принадлежал молодому коммунару - бойцу ЧОНа.

Летом 1923 г. над полями коммуны прошел сильный град, который оставил хозяйство без хлеба. Коммунарам пришлось зарабатывать хлеб работой на своей сложной молотилке на полях крестьян соседних сел и продавать их населению жженый кирпич.

Весной 1928 г. злыми для людей через овес были отравлены мышьяком 20 рабочих лошадей. Годом раньше эпидемией сала было заражено 23 рабочих лошади, которые по указанию районного ветеринарного врача были уничтожены. Весной 1930 г. были сожжены кладки необмолоченного хлеба. Сгорело около десяти тысяч пудов зерна. В 1930-1931 гг. коммуна, как и весь район, переживала присутствие вредителей полей - саранчовой кобылки. Меры принимались, но урон хозяйству был нанесен заметный. Были и другие трудности и сложности. Но все они не остановили поступательного движения коммуны.

ЖЕНЩИНЫ КОММУНЫ. Коммуна в значительной степени изменила жизнь женщины-крестьянки. С помощью коммунистов и комсомольцев коммунарки ликвидировали свою неграмотность, порвали с религией, активно приближались к коллективному труду, а некоторые и к общественной работе, повысили культуру быта и взаимоотношений.

По Акту-24 женщин в коммуне было 33, из них взрослых 20. В годы укрупнения коммуны (1929-1930 гг.) их численность возросла до 300 человек, в том числе 130-150 человек было взрослых. К числу наиболее активных в труде, в общественной жизни и авторитетных среди всех коммунаров, особенно в первые годы роста, следует отнести таких женщин, как Евданию Федоровну Поликарпову ("бабу Дуню"), ее соседку Ульяну Ивановну Поликарпову, Марию Васильевну Жук, Варвару Фидипловну Попову, Анну Ивановну Котову; после укрупнения коммуны активистками следует назвать Марию Михайловну Каракулину, Марию Санакову, Ирину Васильевну Бредихину, учительницу Екатерину Александровну Самойленко и Ольгу Севич.

Женщины коммуны впервые среди крестьянок сумели, хотя и в трудных условиях, сочетать домашние заботы с

коллективным трудом и общественной работой. Они посещали собрания, участвовали в художественной самодеятельности и агитходах коммунаров в ближайшие села и поселки. Наиболее активные из них стали коммунистками, комсомолками, делегатками. Благодаря этому все они стали грамотными, оставались добрыми и заботливыми матерями и хозяйками своего дома. Женщины-матери при отсутствии в коммуне школы всемерно помогали своим детям учиться, хотя школы находились в других селах.

Сила женщин коммуны проявилась еще и в том, что они стали рядом со своими мужьями-первопроходцами на пути новой коллективной жизни, сумели стойко преодолеть все трудности и невзгоды на пути к этой жизни.

МОЛОДЕЖЬ КОММУНЫ. По воспоминаниям коммунаров, комсомольская организация коммуны была создана в ноябре 1921 г. Ее первым вожаком была К. Осникина. Одним из более деятельных секретарей комсомольской организации был Николай Ридный. Он в числе первых коммунаров овладел профессией тракториста, организовал в коммуне ликбез и обеспечил успешную его работу. Комсомолки были активными агитаторами за коммуну.

По Акту-24, из 69 коммунаров было семь комсомольцев, или 10% от всех членов коммуны. Это было по тому времени хорошим показателем. В их числе были Катя Оскиная, Николай Ридный, Федор Поликарпов, Фея Ридная. Позднее вступили в коммуну и стали комсомольцами братья Никита и Яков Евкины.

С укрупнением коммуны в 1929-30 гг. численность молодежи увеличилась и превысила 100 человек. Ее активность заметно проявлялась в труде, общественной жизни и в организации досуга. Комсомольским вожаком тех лет был очень деятельный комсомолец Александр Жиров, который активизировал работу комсомольских звеньев в труде, а также пропаганду и агитацию, художественную самодеятельность, работу "легкой кавалерии" и отряды молодежи. В среде активной молодежи были Яков Брусенцев, Толя Сивичкин, Марфа Беликова, Мота Котова, Григорий Коленко, Ксения Жук.

Фея Ридная, комсомолка 20-х годов, активно участвовала в художественной самодеятельности, была бесценным художником стенгазеты. От брата научилась воить трактор, а с организацией МТС окончила с подру-

гани курси и стала среди коммунарок первой трактористкой и шофером в колхозе.

Григорий Копенко - активный труженик, страстный пропагандист среди молодежи, весельчак и отменный плесун. Моты Котова - участник закладки первого плодово-ягодного сада коммуны, активистка клубной работы, постоянный организатор молодежных вечеров. Ксения Жук в ноябре 1931 г. была участником первого слета ударников первой пятилетки Шалунского района и награждена грамотой "как неутомимый лебегрейщик, работавший за двоих до конца уборочной кампании", с выдчей ей премии 25 руб. с правом приобретения на эту сумму дефицитных товаров в потребкооперации (12).

Первым коммунаром, получившим высшее образование агронома, был комсомолец Максим Климов, а его сестра Лукерья Климова стала самой молодой и лучшей дояркой коммуны и первой среди женщин кавалером правительственной награды и участником ВСХВ. Некоторые молодые коммунары принимали участие во Всесоюзных стройках первой пятилетки. В числе этих коммунаров стал шахтером Кузбасса Степан Смоляков.

В суровые годы Великой Отечественной войны бывшие молодые коммунары стали защитниками Родины, и многие из них погибли на поле боя смертью храбрых. Среди них Герой Советского Союза Николай Мищенко, Григорий Антропов, Григорий Краснов, Степан Смоляков, Антон Сычев, Алексей Климов и другие.

Своим трудом и подвигом в защите Родины молодежь коммуны оставила заметный след в истории прославленного колхоза.

КУЛЬТУРА И БЫТ. Успешная хозяйственная и общественная деятельность коммуны положительно отразилась на культуре и быте. В Акте-24 сказано: "Взрослые коммунары все грамотные, одиннадцать детей учатся в школе. Имеется общественная столовая, пекарня, прачечная, изба-читальня, библиотека, которая обслуживает ближайшие поселки. От них споспобствует духовному воспитанию коммунаров, и изба-читальня попутно разбираются экономические вопросы".

В 1927 г. можно было видеть, в сравнении с другими коммунами, много нового и привлекательного, которое как-то радовало и восхищало нового человека. Коммуна жила новой, трудовой, активной и радостной жизнью.

Маленький поселок с добротными жилищами и другими домами был всегда в каком-то убранстве и порядке. Даже навоз, зверост на топливо, мелкий инвентарь хранились за усадьбой в определенном порядке. Рядом, за складами размещался общественный огород с пышной растительностью и чистый от сорняков. Поселок и огород окружала молодая дубрава (так коммунары звали березовую рощу), которая в теплый период года всегда была в ярком зеленом наряде, с высокими сочными травами, с разными цветами, ягодами и птицами. Дубрава охранялась коммунарами как зеница ока. В центре поселка размещался двухэтажный дом, где находились контора, изба-читальня со сценой и большой комнатой. Здесь в 1927 г. коммунары впервые услышали во радио "голос Москвы". В торжественные дни Октября и памяти Ленина в избе-читальне проводились собрания, а после этого коммунары дружно пели революционные песни. Не было в коммуне только своей больницы. За медицинской помощью они ездили на лошадке в участковую больницу с. Порожье за десять километров, к "нашему дорогому доктору Василию Ивановичу" - так звали коммунары фельдшера участкового медпункта В. И. Бондаренко.

До 1929-1930 гг. все коммунары жили в однокомнатных общественных квартирах по 2-3 семьи в каждой, с кухней, но жили дружно и слаженно. Квартиры коммунаров отличались от домов ближайших сел и поселков убранством и уютом, с наличием кровати, другой мебели, книг, газет и, как правило, десятилитровой керосиновой лампы.

Питание коммунаров отличалось разнообразием, высокой питательностью, с присутствием мяса, молока, круп, овощей, иногда рыбы, яиц и даже домашней колбасы. В столовой, помимо известных блюд, подавались каша, окрошка, свиное сало и другие крестьянские блюда. Гордостью коммуны был пышный, вкусный и ароматный хлеб, выпекаемый мастерицами хлебопеченки.

Одежда и обувь коммунаров отличались лучшим покроем и качеством. На смену самотканым рубашам, липунам и обуткам пришли ситца, сукно, сатин, овчина, кожа. У молодежи появились цветные и трикотажные рубашки, подтяжки, штюблеты, расписные туфетки и даже галстуки. Утверждение некоторых авторов книг по

истории коммуны в том, что даже руководители коммуны на двоих носили одни ботинки, — вымысел.

В летние дни отдыха коммунарки ходили в лес за ягодами и грибами, другие рыбачили на пруду, увлеченно играли в шахматы, слушали песни молодежи или смотрели игру в футбол. Вечерами, чаще зимой, ставили спектакли, слушали хор, "живую газету" или оркестр народных инструментов. В домах коммунистов читали газеты "Правды", "Беднота", журналы "Сам себе агроном", "Лавот", "Безбожник" и другие. Были в наших домах книги Ленина, Калининна, Ярославского, Чехова, Горького, Жюль Верна. Примечательным в жизни коммунарков было то, что они не играли в карты, не устраивали попойки, склок и тем более, драк и ссор. Многие не курили, а несканно самечек в общественном месте считалось "деревенским бескультурьем".

Новые коллективные условия жизни не только подняли экономикку хозяйства, но и значительно подняли культуру и сознание крестьянина-коммунара. Коммунарки овладели грамотой, читали книги и газеты, приобщались к новой советской культуре потому, что они знали, что без этого им новой жизни не построить и намеченной цели не достичь.

ЯДРО КОММУНЫ И ПАРТЯЧЕЙКА. Если мы теперь знаем, что коммуна была создана в районе первой и что она не раз стояла на грани распада, а потом крепла и развивалась, то этим она обязана, прежде всего, своему стойкому ядру — партийной ячейке, ее отдельным коммунистам.

О партийной ячейке коммуны в Акте-24 сказано: "Числится членов РКП (б) 8 человек, комсомольцев — 7 человек, всего 15 человек — это около 22% от всех членов коммуны". Таких партийно-комсомольцев проследила по тому времени считалась высшей. В числе коммунистов были Филипп, Ефим и Ульяна Поликарповы, А. Жук, С. Павленко, И. Котов, Ф. Брусенцев, И. Евкин.

Ядром партийной ячейки в эти и последующие годы были Ф. К. Поликарпов, А. Г. Жук, П. В. Ридный. Каждый из них имел среди коммунаров и сельчан безупречную репутацию.

О коммунисте Ф. К. Поликарпове хорошо сказал автор очерка "В степях Алтая" А. Карамышев. Чтобы дополнить этого автора, напомним, что в Поликарпове его

сводивших, все наши коммунары видели образец нового человека. Поликарпов для всех был "Наш Кузьмич"! Его никто не звал ни дядей, ни дедушкой, ни, тем более, стариком, потому что знали Филипп Кузьмич в прошлом был красным партизаном, в своем селе главным организатором коммуны, одним из стойких коммунистов. Он был признанным вожаком коммунистов, духовным наставником их на всем протяжении жизни коммуны, не раз избирался секретарем партячейки, членом совета коммуны и несколько лет был заместителем председателя коммуны. Среди коммунаров считался человеком необычайного трудолюбия, скромности и честности, доброты, бережливости и уважительности, как большой коллективист и настоящий коммунист.

О своих заслугах перед колхозом Филипп Кузьмич иногда немногословно говорил: "Я сам зачинал этот колхоз". За заслуги перед колхозом решением общего собрания колхозников в 1949 г. он был зачислен в состав почетных колхозников с правом на обеспечение по принципу коммунизма. Но этим правом он пользовался с предельной скромностью. Такая оценка колхозников деятельности Поликарпова вполне заслуженна, но она недостаточна. Мы, бывшие коммунары, считаем необходимым в колхозе им Ф. М. Гринько ему установить памятник.

Сводившим Ф. К. Поликарпову в организации и становлении коммуны был коммунист и партизан Артемий Григорьевич Жук. В честь его 70-летия хорошо было сказано в приветственной телеграмме парткома, правления и колхозников колхоза "Родина", напечатанной в газете "Алтайская правда" от 30 сентября 1967 г.: "Исполнилось 70 лет одному из первых организаторов колхозного движения на Алтае, основателю коммуны "Новый свет", персональному пенсионеру, члену КПСС с 1920 года, активному борцу с колхозщиной Артемию Григорьевичу Жуку". В коммуне он был и рядовым, но всегда активным коммунистом, был и на руководящей работе, в том числе председателем коммуны, не раз выдвигался на руководящую работу в государственный аппарат района, округа и края, но постоянно сохранял связь с коммуной и ее партийной ячейкой. Его коммунары с уважением называли "Наш Артем".

Самым устойчивым и признанным председателем коммуны был Петр Васильевич Ридный, с образованием мор-

ского механика. После демобилизации в 1917 г. с Тихоокеанского военно-морского флота Ридный со своими товарищами по службе на флоте организовал на Дальнем Востоке коммуны, а обосновал ее на землях в Котиковской степи, под Рубцовкой. В годы гражданской войны коммуна была разогнана колчаковцами, и Ридный возвратился в родное село Зеркала. Позже работал в сельском Совете и райисполкоме, а с 1925 по 1929 был председателем коммуны "Новый свет". За пять лет его работы председателем коммуна поднялась на более высокий уровень организации и развития. В эти годы началась механизация многих сельскохозяйственных работ в связи с приобретением тракторов, сложных молотилок и других машин. Коммунарны высоко ценили деятельность Ридного и с большим уважением называли его только Петром Васильевичем. Он покорила всех знанием дела, твердой воле, выдержкой и вниманием к людям.

Руководить хозяйством коммунарны доверяли лучшим и опытным коммунистам. Общее собрание членов коммуны избирало совет коммуны и его председателя (он же председатель коммуны).

Таких председателями избирались Тумашов Ф. П. - 1921 г., Куш А. И. - 1922 г., Жук А. Г. - 1923 г., Поликарпов Е. Ф. - 1924 г., Ридный П. В. - в 1925-1929 гг. Все они в прошлом были жителями с. Зеркала. Председателями были направлены в коммуны на эту должность: Катюк - ленинградский 25-тысячник (1930-1931 гг.) и Чудинов в 1932-1933 гг. Первые четыре председателя были малолетними сельскими мужиками. Они не имели даже малого опыта руководящей работы. О себе А. Г. Жук в год своего 70-летия сказал: "Я окончил только три класса, и говорил - он грамотный".

Секретарем партийной ячейки коммуны избирались коммунисты Ф. К. Поликарпов в 1921, 1922 и 1924 гг., С. К. Павленко в 1923 г., И. Н. Евкин и Е. Ф. Поликарпов - соответственно в 1925-1928 гг., Осыка в 1929 г., Д. А. Моспанов в 1930-31 гг., Намытырев в 1932-1934 гг.

Энергичным и деятельным остался в моей памяти секретарь партийной ячейки в красноармейской шинели Д. А. Моспанов - участник военных событий на КВЖД. Он ускорил всех своей энергией в работе и предвзятом будущем коммуны. В год большого урожая бичевых в 1930 г. он сказал нам: "Скоро такими же урожаями мы будем позить

в склад из своего сада фрукты и ягоды". Его предвидение скоро сбылось, когда стал плодоносить колхозный сад.

В годы укрупнения коммуны (1929-1930 г.) партией была пополнена такими активными коммунистами, как А. Тюгин, Н. Матвеев, В. Санаков, Я. Голодько, П. Бредихин, М. Шульгин, Ф. Ивни, И. Копеяко, Осыка, М. Санакова, М. Каракулиха, И. Бредихина и другие. Эти коммунисты до конца были преданы общему делу коммуны, делу партии и народа. Все это позволило партийке и ее коммунистам уже в 1924 г. вывести свою коммуны в число передовых колхозов Алтая.

Партичейка воспитала в своих рядах коммунистов, которые в те годы прошли подготовку на курсах, в сельскохозяйственных Омска, Новосибирска и Москвы, после чего они были выдвинуты партийными органами на руководящую работу в МТС, в совхозы, в районные, окружные и краевые руководящие организации. В числе этих коммунистов были А. Г. Жук, П. В. Ридный, Г. Н. Евкин, А. М. Панин, Е. Ф. Поликарпов, Ф. Ф. Поликарпов, Н. Н. Евкин, И. И. Алексеев. Коммуны под руководством и вниманием к образованию коммунистов открыла молодым коммунарнам широкую дорогу для учебы. Уже в 20-30-х годах учились только в институтах: М. И. Климов, Е. Ф. Поликарпов, Ефим Лаврентьев, И. А. Жук, А. С. Павленко, братья Павел и Андрей Красноперовы.

Коммунисты-коммунарны жили не только интересами своего хозяйства. Они постоянно находили формы пропаганды своего коллективного труда среди крестьян ближайших сел и поселков, путем показа достижений своего хозяйства. Работая в своем "сегодня", они мечтали о будущем, многое очень скоро превращали в реальность, а что-то в мечте оставляли своим потомкам, что с успехом осуществлялось в колхозе уже в 60-70-х годах.

Это и важно, что коммуны были не только творцами нового дела, но они были активными пропагандистами своих новых дел и мечтателями будущего. Вся партийно-политическая работа в коммуне до начала 30-х годов направлялась райкомами партии и комсомола. С 1931 г. эту работу возглавила политотдел, созданный при Зеркальской МТС.

УКРУПНЕНИЕ КОММУНЫ. С годами коммуна крепла и развивалась. Ее экономика, быт и культура в сочетании с пропагандой, которую проводили коммунисты и

комсомольцы в соседних селах и поселках, все больше и больше привлекали к себе их население. Многие единоличники и другие жители сел и поселков Шинуровского, Мамонтовского районов и переселенцев с Урала и России стали вступать в члены коммуны. В их числе были Н. О. Бабарыкин, М. Н. Самойленко, В. Салаков, М. Яблоков, П. Красноперов, П. Бредихин, Я. Голодыко и другие.

В состав нашей коммуны в 1929-1930 гг. вошла коммуна "Светлый путь" с. Коробейниково и ТОЗ "Крестынии" с. Вобровка. После слияния коммун и притока новых членов численность превысила 120 хозяйств, а число трудоспособных достигло почти 400 человек. Земельная площадь превысила 4 тыс. га, из них занималось посевами 2 тыс., пашни - более 600, многолетними травами - более 300 и плодово-ягодным садом - 8 га. На животноводческих фермах содержалось КРС - 127, в том числе коров - 52, свиней - 158, овец - 450, лошадей - 112 голов, птицы - 395 шт. Годовой надой молока составлял 2 тыс. кг на корову, настриг шерсти - 4 кг на овцу (4, с. 83).

На полях коммуны больше стало работать тракторов, автомобилей и разных сельхозмаши. В хозяйстве началось более сильное вытеснение конно-ручного труда. Были построены школа, клуб, магазин, детплощадка, контора, скотные дворы и другие общественные помещения. Заново был построен поселок из деревянных двухквартирных жилых домов.

Однако со значительным укрупнением коммуны и неустойчивостью за последнее время ее руководящих кадров она постепенно начала утрачивать монолитность, сплоченность, организованность и коллективизм. Хозяйство значительно расширилось, назрела необходимость перехода на новую форму организации. В 1930-1931 гг. коммуны края стали переходить на устав сельскохозяйственной артели. Однако коммуна "Новый свет" проявила способность держаться на старом уставе дальше всех. Только в 1934 г. она перешла на устав сельхозартели. Начался новый этап ее истории. С переходом на новый устав хозяйство стало называться сельхозартелью им. В. М. Молотова, а поселок - "Родина". Ее первым председателем стал член коммуны с 1929 г., коммунист Федор Митрофанович Гринько.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГААК. Ф. 101. Оп. 3. Д. 112. Л. 2.
2. Там же. Л. 15.
3. Худиков А. А. История Алтайского края. Барнаул, 1971. С. 112.
4. Бабарыкин Н., Тихонов М. 46 лет коллективного хозяйства имени им. Ленина. Новосибирск, 1969. С. 81.
5. Девятьяров Н. Сегодня и завтра колхоза "Родина". Барнаул, 1967. С. 16, 20.
6. Эти и последующие цитирования А. Г. Жука даны по статье В. Гилевича "Сбылась мечта коммунистов". // Алтайская правда. 1967. 30 сентября.
7. Акт обследования коммуны от 9-10 октября 1924 г. (далее сокращенно "Акт-24") // ГААК. Ф. 158. Оп. 1. Д. 370.
8. Отчет землемера А. Д. Гирякова // ГААК. Ф. 158. Оп. 1. Д. 74.
9. Представление уезда Алтайбуземуправлению на пять коммун // ГААК. Ф. 158. Оп. 1. Д. 5. Л. 130.
10. Протокол N 8 от 22.02.1924 г. // ГААК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 10.
11. Протокол съезда коммун // ГААК. Ф. 158. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.
12. Грамота от 6 ноября 1931 г. // Домашний архив К. И. Романово.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

БИБЛИОТЕКА И. И. КАЗАРИНОВА В ФОНДАХ АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. В. Я. ШИШКОВА

Среди более чем 1,5 млн. книг, хранящихся в настоящее время в Алтайской краевой универсальной научной библиотеке им. В. Я. Шишкова (АКУНБ), примерно 0,6% (9600 экз.) представляют собой первоначальный фонд, с которого начала свое возрождение из пепла Барнаульская городская общественная библиотека.

Сложным и трудным был путь возрождения. Новые фонды библиотеки сложились главным образом из тех книг, которые после пожара 1917 г. возвратили читатели, а также книг тех библиотек Барнаула, которые были упразднены в 20-е годы. Среди них можно назвать библиотеку частной женской гимназии М. Будкевич, библиотеку Алтайского горного собрания, библиотеку общества взаимопомощи приказчиков, Алтайского Союза кооперативов, Союза учащихся, а также крупнейшую библиотеку Реального училища Николая II, фонды которой сегодня составляют ядро редкого фонда АКУНБ им. В. Я. Шишкова. Войдя в фонд библиотеки, эти книжные собрания не сохранились в своем первоначальном составе, а разошлись по разным отделам фонда.

После образования сектора редких книг в 1980 г. была начата работа по выявлению и изучению этих собраний. Первый этап этой работы - выявление, описание, изучение личной библиотеки Ивана Ивановича Казаринова, которая находилась в составе фундаментальной библиотеки Барнаульского реального училища Николая II.

Исследование фондов этой библиотеки - задача будущего. Она представляет большой интерес для изучения истории просвещения и библиотечного дела на Алтае. Сегодня речь пойдет лишь о малой части этой библиотеки - библиотеке в библиотеке - "Библиотеке врача И. И. Казаринова".

XIX век, особенно его конец и начало XX в. считался временем расцвета русского библиофильства. Частное собирательство являлось тогда не столько мерилом общественного сознания, сколько показателем уровня образованности, вкуса, быта и общей культуры. Изучение книг

из частных библиотек прошлого даст нам богатый и интересный материал не только по истории книжной культуры того времени. Книжки очень выразительно рассказывают нам о своих владельцах, их вкусах, характере, устремлениях. Очень показательна в этом отношении библиотека И. И. Казаринова.

Имя этого человека сегодня мало известно. А в прошлом все врачи Казариновы знали Барнаула, в этом нет ни капли сомнения. Знали и его библиотеку, так как она была доступна для чтения и преподавателям женской гимназии, и врачам города. Иван Иванович не был коллекционером редких, престижных изданий. Он был собирателем нужных ему книг. Книжное собрание И. И. Казаринова являлось не только результатом его научных потребностей, но и отражало читательские интересы интеллигенции Барнаула второй половины XIX в.

Состав частной библиотеки, без сомнения, может быть одним из важнейших источников для суждения о личности ее владельца, особенно в тех случаях, когда нет достаточного количества других данных. Это обстоятельство в полной мере относится к библиотеке И. И. Казаринова.

Кто он, кем был, так и когда попала его библиотека в Барнаульскую городскую общественную библиотеку, ныне АКУНБ им. В. Я. Шипкова? Эти и еще целый ряд других вопросов необходимо было разрешить на первом этапе работы по выделению коллекции. В этом помогли разобраться как документы государственных архивов Алтайского края, Томской области, так и сами книги. По свидетельству документов ГААК, выписывались следующие данные. Казаринов И. И. родился в 1833 г., образование получил сначала в Казанской гимназии, затем прослушал 2 курса Казанского университета и, наконец, окончил медико-хирургическую академию в Петербурге. Службу свою на Алтае начал с 1859 г. в качестве заведующего госпиталем Павловского завода, затем около сорока лет служил врачом Сузунского заводского госпиталя. Женат был на дочери горного инженера Александре Гавриловне Быковой. Детей не было. Умер в 1902 г.

Анализируя состав библиотеки, я тоже пришла к мнению, что владелец библиотеки был врачом по специальности, так как книг по медицине было в ней больше, чем по другим отраслям. Кроме того в ней находилась и книга, написанная И. И. Казариновым, которая называлась

"Холерная эпидемия 1892 года в Сузунском заводе", изданная в 1895 г. в Барнауле (см. прил. N 10). Ранее эта работа была напечатана в первом выпуске "Алтайского сборника", вышедшем в 1894 г. При просмотре ежегодных отчетов "Общества попечения о начальном образовании в Барнауле" и "Общества любителей исследования Алтая" встречается и фамилия Ивана Ивановича и его жены Александры Гавриловны в списках действительных членов этих обществ.

Итак, владелец библиотеки стал известен. Оставалось выяснить то, как книги из его библиотеки оказались в фондах сначала БРУ Николая II, а затем Барнаульской городской общественной библиотеки. Оказалось, что история этого частного собрания была очень интересна, как интересны и сами книги, составляющие его.

И. И. Казаринов умер в 1902 г. на 69-м году жизни. Прямых наследников у него не было, поэтому и неудивительно, что жена его Александра Гавриловна в октябре 1902 г. жертвует библиотеку своего покойного мужа Барнаульскому реальному училищу Николая II. 14 октября она пишет письмо директору училища и сообщает о своем желании пожертвовать вверенному ему училищу библиотеку своего покойного мужа. 16 октября на заседании педагогического совета директор училища зачитывает письмо вдове статского советника. Сообщает также, что библиотека оценена в 4000 рублей, и что "вместе с библиотекой жертвователница передает училищу все периодические издания, приобретенные в течение многих лет ее мужем, и два книжных шкафа для хранения книг" (1).

Сообщил он и об условиях, которые поставила Александра Гавриловна:

а) она (библиотека) должна составить одно целое и носить наименование "Библиотека врача И. И. Казаринова";

б) книгами из этой библиотеки может пользоваться учительский персонал Барнаульской женской гимназии, а медицинскими книгами - местные врачи" (2).

Педагогический совет постановил принять библиотеку, периодические издания и книжные шкафы и выразить жертвователнице благодарность.

Далее в течение трех месяцев преподаватели училища Шумиловский и Малышевский пересмотрели эту библиотеку и составили ее классификацию:

№№ отд.	Наименование отдела	Число названий	Число томов	Число переплетов
1.	Богословие, истории, книги духовно-нравственного содержания	4	4	4
2.	Философия, История философии, Этика, Эстетика	18	19	19
3.	Педагогика, Методика, Дидактика, Школьное дело	9	9	9
4.	Общественные науки, Социология, Политическая экономия, Статистика, Правоведение, Публицистика, Политика	30	35	35
5.	Беллетристика, Романы, повести и сохотворения	212	488	432
6.	Словесность, Критика, Библиография, Памятники литературы и словесности	23	40	33
7.	Языковедение, История и теория языков, Словари	9	10	10
8.	История, Биографии, Записки, История культуры, Археология	61	133	134
9.	Математика, Астрономия, География, Физика, Механика	24	24	24
10.	География, Этнография, Путешествия	18	23	22
11.	Естественные, Биология, Зоология, Минералогия, Геология, Антропология, Химия	39	56	57
12.	Прикладное хозяйство, Технологии, Прикладное сельское хозяйство, Лесное хозяйство, Домоводство, Ремесла	9	9	9
13.	Справочные издания, Петербургский Календарь, Справ. Каталоги	8	8	8
14.	Периодические издания	151	1193	
15.	Искусство, Театр, Музыка, Поэзия, Художественные сборники	5	5	5
16.	Мемуары	377	451	453
Итого:		1017	2509	1254

В феврале 1903 г. директор училища сообщает директору Западно-Сибирского учебного округа о том, что вверенному ему училищу пожертвована библиотека статского советника врача Алтайского округа Ивана Ивано-

вича Казаринова, состоящая из 1017 названий, 2509 томов в 1254 переплетах. Сообщает он также и об условиях жертвовательницы. Кроме того в конце письма он делает приписку, что после просмотра библиотеки она "оказалась по содержанию очень полезною для учащихся" (3).

Так началась переписка между директором реального училища и канцелярией помещителя Западно-Сибирского учебного округа, которая длилась более восьми месяцев. Оказалось, что той классификации, что составили преподаватели училища, было недостаточно для того, чтобы решить вопрос о принятии училищем пожертвованной библиотеки. Необходим был список книг этого собрания. Он был составлен все теми же преподавателями и в июне 1903 г. в письме за N 762 был выслан в Томск, а позднее и в столицу, в министерство народного просвещения, откуда вернулся вместе с позволением "принять пожертвованную вдовой врача Алтайского округа Александром Казариновым библиотеку ее мужа Статского Советника И. И. Казаринова, на изложенных в представлении условиях, с наименованием ее "Библиотека врача И. И. Казаринова" (4).

Привожу фрагменты этого списка:

Наименование книг	Число томов	Число переплетов
Рышков В. Место христианства в истории	1	1
Каме Реформаторы выжимание	1	1
Вагнер Простая жизнь	1	1
Суворин А. Ермак Тимофеевич	1	1
Тоща Устроение Велешной	1	1
Скляковский В театральном мире	1	1

Библиографические описания приводятся в списке далеко не в полном виде и тем не менее они дают достаточно четкое представление о книгах, имевшихся в библиотеке И. И. Казаринова. В соответствии со списком в ней в 1903 г. насчитывалось 866 названий книг, в 1314 томах и 1254 переплетах.

Их тематика характеризуется следующим образом:

Отрасль знания	Кол-во томов	Пров.
1. Философия	19	10,5
2. Педагогика	9	0,7
3. Общественные науки	35	3
4. Беллетристика	432	34

5.	Критика, библиография	33	7,6
6.	Безымянные	4	0,3
7.	Введение	10	0,8
8.	История	134	11
9.	Математика	24	1,9
10.	География	22	1,8
11.	Естествознание	57	4,6
12.	Сельское хозяйство, лесное хозяйство, животноводство	9	0,7
13.	Справочники	8	0,6
14.	Искусство	5	0,4
15.	Медицина	453	36,1

Помимо книг в библиотеке И. И. Казаринова имелось большое собрание периодических изданий: 151 название в 1195 томах.

В настоящей статье ставится задача охарактеризовать коллекцию книг И. И. Казаринова в том виде, в каком она дошла до нас. К сожалению, наша коллекция сегодня включает далеко не всю литературу, бывшую у И. И. Казаринова. Сейчас, когда прошло более 70 лет с того времени, как библиотека попала в Барнаульскую городскую общественную библиотеку, о том, куда пропала ее отсутствующая часть, остается только догадываться.

Во-первых, передача библиотеки в реальное училище производилась уже после смерти ее владельца. Описи библиотеки не было. Часть книг находилась на руках у читателей. Те, которые вернули сразу, вошли в список 1903 г. Полагаю, что часть книг могла быть и не возвращена. Во-вторых, войдя в состав фундаментальной библиотеки реального училища, часть книг, использованных в учебном процессе, подвергалась естественному износу. В-третьих, с момента закрытия реального училища и до передачи книг его библиотеки Барнаульской городской общественной библиотеке библиотека оставалась без хозяина и, естественно, в какой-то мере пострадала от этого.

В основу реконструкции состава личной библиотеки И. И. Казаринова были положены следующие признаки, указывающие на принадлежность книг к данному собранию:

1. Монограммы "ИК" и "ИИК" на корешках или верхних крышках переплетов (приложение 1, 2, 3).

2. Эскиз на обороте верхней крышки переплета (приложение 4).

3. Автограф владельца (прилож. 5).

4. Дарственные надписи (прилож. 6).

Примечателен тот факт, что, отдавая книгу в переплет, владелец определял его цвет и делал запись на титульном листе: "Новое из синего, И. К.". Такая карандашная запись сохранилась на одной из книг коллекции (прилож. 7). Часть книг имеет карандашный автограф владельца и стоимость переплетных работ (прилож. 7, 8, 9).

Безусловно, вниманию читателей заслуживают и те ямы на руках каталогов или списков библиотеки, мною было выделено 326 экземпляров книг, входивших в собрание И. И. Казаринова.

И только после того, как в документах Томского областного архива был найден список собрания, наша коллекция пополнилась еще на 85 экземпляров. В настоящее время коллекция состоит из 611 экземпляров, что составляет половину первоначальной библиотеки И. И. Казаринова. Возможно, что часть книг еще находится в фондах библиотеки. Работа эта будет продолжаться, так как остается невыясненными еще ряд вопросов: почему библиотека была передана реальному училищу, а не какой-нибудь другой библиотеке; не попали ли книги Казаринова в другие библиотеки городов после закрытия реального училища и т. д.

В 1992 г. исполнилось 90 лет со дня смерти И. И. Казаринова. В результате многочисленных злоключений немало книг из его библиотеки утеряно. Но коллекция воссоздается, носит наименование ее владельца и до сих пор привлекает внимание читателей библиотеки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Алтайского края. Ф. 43. Оп. 1. Д. 66. Л. 29.
2. Там же.
3. Государственный архив Томской области. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1795. Л. 1.
4. Там же. Л. 6.

О СВѢТѢ
И
ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ

ДЖОНА ТИНДАЛЛА.

Лондон, переведенъ отъ королевскаго Института Пизанской
талис.

07

С. СТИРЕРИЧЪ.

Изданіе петербургскаго книжника Черкассова,
1872

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ХОЛЕРНОЙ ЭПИДЕМІИ ВЪ БАРНАУЛѢ

1892 года.

ВѢЩА А. ПЕЛЛЕГРИНОГО.

ТОМОНЪ.

Въ Санкт-Петербургѣ, въ Типографіи С. П. Макушина, Мясницкая, № 4
1892.

Новое у нас

НАШИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ

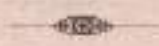
ДѢЯТЕЛИ

М. П.

сочинение

ОРА «СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типография А. С. Свистуны, Ботанич. пер., к. 13

890

Вопросы

ОТВѢТЫ

НА

ВОПРОСЫ ДѢТЕЙ

КАКЪ И ЧѢМЪ ЭТО ДѢЛАЮТСЯ?
ИЗЪ ОБЛАСТИ ПЕДАГОГИКИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ

РОДИТЕЛЯМЪ И ВОСПИТАТЕЛЬНИЦАМЪ

— *изъ Сборника* —

Удостоена на всенародной выставкѣ 1872 г.

Дипломъ 4-й степени (Академія наукъ)

Издана 1872 г.

Для издателя: *Сборникъ* изъ вопросовъ и отвѣтовъ на вопросы дѣтей, составленный изъ вопросовъ, предложенныхъ на всенародной выставкѣ 1872 г.

— *Сборникъ* —

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Типография А. С. Свистуны, Ботанич. пер., к. 13

1872

51(С18)
К143

Сколько Телъ пришло
въ бѣдѣ

1	14	3
2	11	3
3	11	5

И. НАЗАРЕНОВЪ.

ХОЛЕРНАЯ ЭПИДЕМІЯ

1892 года

ВЪ СУЗУНСКОМЪ ЗАВОДѢ.

АВТОГРАФЪ ПИСАТЕЛЯ
ТОМСКА.

Издана Типо-Литографіею П. И. Мельникова, Мельниковыхъ, № 4
1890.

24

РУКОВОДСТВО

ИЛИ

ОБЩЕЙ ПАТОЛОГІИ

Д^{ра} В. Ула.

Спеціал. лекціи по общей патологіи и внутреннимъ болезнямъ.

ЗАДАЧА.

Д^{ра} Э. НАУМОВА.

Спеціал. лекціи по общей патологіи и внутреннимъ болезнямъ.

ПЕРЕВЕДЕНА СЪ РУССКАГО

ОБЪЯВЛЕНІЕМЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

К. Зарковскій, В. Сидоровъ, С. Чижиковъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИСАЕВАГО ОУЧЕНИКА.

С. 1890.

Приложение 1.

Приложение 2.

814
K564

ДЕЗИНФЕКЦІЯ И ЕЯ ПРИМѢНЕНІЕ.

Способъ дезинфицирующихъ средствъ съ указаниемъ способовъ применения
при различныхъ случаяхъ.

Х. П. БУВАЛЬСКОГО,

Собственнаго ученаго Доктора Императорскаго Университета.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,

исправленное и дополненное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Въ Типографіи Императорскаго Университета, Н. № 12, Университетская.

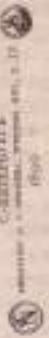
1894.

И. К.

НАШИ

ПРОУДОБСТВЕННЫЕ И ПРОДУКТИВНЫЕ

ДЕЯТЕЛИ

Копія дѣланая по повелѣнію Императора

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

по Высочайшему повелѣнію

Имя	Штабъ	Мѣсяцъ	Мѣсяцъ въ году
Имя	Штабъ	Мѣсяцъ	Мѣсяцъ въ году
Имя	Штабъ	Мѣсяцъ	Мѣсяцъ въ году

П. Ф. РЫЖЕНКО

ПРАЗДНЕСТВА, ГУЛЯНЬЯ, ПЕСНИ ПРИЧУМЫШЬЯ

"Гулянка - не пьянка, и к ней готовились, как к свадьбе", - говорили старики. Праздники в Причумышье справлялись религиозные и светские. Конечно, праздники не обходились без хмельного. Именно с него все и начиналось. Без гостей праздника не бывает, а "казенки" не накупившись. Да и денег у крестьянина не всегда густо. Готовили хлебное хмельное (закваска с хмелем), пиво и медовое - медовуху "сшибательную по духу". Любители лошадей готовили тройки, "вываживали скакунов". Чтобы подготовить лошадь к скачкам, нужно было некоторое время выдержать "сухостой", т. е. давали сухой корм (даже давали тертые сухари - выгоняли воду), чтобы в скачках лошадь меньше потела. Когда лошадь потеет, она теряет выносливость. Надо, чтобы скакун "подобрал требуху", тройками запрягали больше в зимние праздники. Беговые дрожки были редкостью. Это слишком дорогое удовольствие. Существовали и "гарцевые" выезды - "хвастануть плавовой выходкой под изукрашенным бликами седлом".

В зависимости от времени года, на которое приходился праздник, готовили качели, готовили игры. В нашем музее мы собираем наиболее распространенные в Причумышье игры, записываем их правила. Особое предпочтение в Причумышье в селах отдавалось престольным праздникам, и не потому, что другие праздники были менее чтимы или менее значимы, а потому что на престольные праздники в село съезжалось очень много гостей, перед которыми каждое село стремилось "не ударить в грязь лицом" и выставить на вид все свои достопримечательности.

В большинстве своем все окрестные села имели родственные связи. Трудовые будни не давали возможности часто посещать друг друга, а в праздники "сам господь бог способен" таким встречам. В таких случаях не было второстепенных вопросов, чему не стоило придавать привлекательности и изыска. Праздники служили основой возмещения новых деловых и родственных связей.

Молодежь (да и старшее поколение) уделяли внимание убранству двора и в особину одежды. Девушкам надо

70

было "форснуть" вышностью своих сарафанов, яркостью и изяществом шалей и полушалков, роскошью вышивок, кружев и всего озвонив. Парни тоже были не против изогнуть диким зубом под затейливым головным убором, красной рубахой с длинным поясом с косяками, с подборками сапожками голенищами-гармошками, разукрашенной игрой на гармонике или балалайке, "деревня гуледа с утра до утра". На праздник не находили только те, кто не мог динтаться. После общих "уличных" развлечений люди складались в компании, где добарались близкие, родные, друзья и товарищи. Компании, "отгулявши" в одной избе, переходили в другую на "отгостевые" по всей улице или с улицы на улицу.

Чтобы узнать человека, надо услышать песни, которые он поет себе. Песни Причумышья имеют свою особенность в том, что песни, известные в других местах, исполнялись индивидуально, по-своему каждым исполнителем. В каждом селе оказывались добавления или изменения, которые были свойственны, по-видимому, тому коробейнику, который принес эту песню в село. Многие песни сохранили тот давний песенный речитатив, свойственный глубинкам, далеким от городского или, вернее сказать, смешанного в городской толчеи общего, утерявшего индивидуальность отношения к словам и смыслу.

Где-то изменения в песнях появлялись тогда, когда забывались те или иные слова и куплеты, но в большинстве добавления давались от души исполнителя. Как и сейчас можно слышать исполнение с астры одной и той же песни с отличным напевом (мелодией). Когда дается объяснение, что народная песня в обработке определенного автора, песня звучит не так, как в народе. Я не берусь осуждать авторов, это будет несправедливо, потому что в этом случае автор вносит в песню свою индивидуальность, как это и делают народные исполнители. Но в народных песнях без авторства всегда чувствуется больше душевности, простоты, тепла, откровенности, потому что она рассчитана на выражение своей души. Так, например, мне никогда не приходилось слышать прибавку к песне "Распрягайте, хлопцы, коней", которую добавляет наши переселенцы из Украины: "Ох, казаче ж, ты дураче, настоящий ты дурак. Билз личко, черни брови ты на дести прошив".

Даже песни современные в индивидуальном исполнении, для себя, звучат так особенно. Как-то пришлось слышать песню "Куда, куда, тропинка мидия" в исполнении покинутой любовью человеком женщиной. Я был поражен тем, что и этой песне я раньше не видел и не подозревал, сколько возможно вложить тоски в этом обращении к тропинке, куда теперь она ее ведет. И сколько безысходного горя, отчаяния, тоски и обреченности оказалось в словах и голосе: "кому пожалуюсь пойду..." Вот именно в этом исполнении можно воспринять: "Ох! Ты, печаль моя, безмерная..." Слушал я, и хотелось выплакать слезами эту безмерность утраты.

И в этом случае невольно возникает сравнение песенного исполнения, пляски или народного танца с гарцеванием наездника на выдрессированном скакуне, где все рассчитано на эффектность, на яркость. Но кто видел, как гарцует на воле жеребенок, когда, изогнув шею вперед, опустив к земле голову, взметнув хвостик вверх, стремительно несется он в поводу только потому, что это единственный порыв резвости, силы, чувства свободы и неудержимой, необузданной стремительности.

Много и по-разному люди высказываются о маленькой народной песенке-частушке. В большинстве своем всякий на нас видел эти пляски и исполнения на праздниках, на свадьбах, на общественных гуляниях, когда идет так называемое групповое исполнение "черти табак толкли". Но присмотритесь внимательно к отдельным исполнителям, которые, как говорит в народе, "вошли в азарт". И вы увидите вот именно то свободное гарцевание. Плясуны начинают выкидывать такие коленца, такие "накрутасы" — слез не оторвешь. Заставь исполнить на показ, не смогут — застенчиво, сделаются неуклюжими, неуверенными.

Вслушайтесь в озорные частушки и вы услышите внутренний, безудержный всплеск озорства, удали, отрешенности и безрассудства, как всплеск огня, любви и страсти. Нарочно так не сделались. Это мимолетное неповторимое индивидуальное выражение чувств, которые в другой раз будут другими и отдаленными.

Припласы в тавгах напоминают парение. И, хоть каблучки слышат дробь выстукивания по полу, душа в далеком наземном полете игривости и душевной полноты. И эту полноту можно было бы выплеснуть только в этом

расплаве "дробь", в этом воздушном полете, и это не выразишь никакими словами.

То же можно сказать и о наигрышах на музыкальных инструментах, когда о гармошке говорят, что она "умеет петь и плакать". И в селе о таких гармонистах говорили, что они "покойника в пляс поднимут". Наверное, для такого азарта и надо было готовить "вина мелкого", чтобы снять с себя скованность. А пьяниц в селе никогда не любил: "От него и на гулянье ни песен, ни басен". Тем более трезвенником надо быть гармонисту, ибо вокруг него и группировалось веселье. О них шле частушки, о них в подушку плакали девушки.

Эх! Гармошечка джукрадошла,
Веселый голосок
Не дала мне темной ноченькой
Уснуть на волосок.

Гармониста я любила,
Гармониста тешила,
Гармонисту на плечо
Сама гармошку вешала.

Гармониста я любила,
Слушать на гору ходила.
Припадала к земле и —
играет, играюк моя.

Гармониста любить, надо чисто ходить,
А расстрелю такой не полюбит никакой.

Меня маменька ругат и встречаться не велит,
Как гармошка заиграет, так и сердце заболит.

В каждом селе имелись потомственные фамилии гармонистов, плясунов, песенников. Иногда это сочетание было в одной семье. За хорошим гармонистом приезжали из других сел. Рядом с гармошкой со славой жила балалайка, мандолина и шумовые инструменты вплоть до пилы и тавга. В Чесноково были прославленная семья гармонистов и плясунов Катаевых, в потомстве которых и сейчас живут уже приправилуки-гармонисты. В Марфиново Гуляев Алексей Ильич, Фокин Алексей, Кинзев Алексей, Брыксин Вениамин Алексеевич, Чалков Виталий Алекс-

Сандрович, Никитин в Англию, Демин, братья Фрол и Иван, в Тогуде, сыновья Гилея Никифора и Поповичево, в Степь-Чумыше братья Лисовенко, Шелепов Г., Которин Н., в Кытманово был создан свой песенный театр. Всем просто нет возможности назвать. Народ наш талантлив. И о них помнит поколение.

Гармонь была неизменным спутником парных плясок девушек с исполнением частушки, т. е. она давала возможность выразить настроение, мечту и чаяние. Это были постоянные и широко распространенные в Причумышье пляски под названием "товарочка" и "подгорная". К гармоносту, отличавшемуся красивыми наигрышами с захватскими переборами, т. е. виртуозным дополнением темпераментных ритмов, девичьи парочки занимали очередь. Парные пляски пользовались популярностью. Редкая девушка не плясала "товарочку". Такие пляски исполнялись на вечеринках ("вечерках"), на улочных гуляниях; на "тырлах" ("на точках" - избранных местах плясок). Такие места в летнее время можно было определить по вытоптанному кругу травы. По этому признаку они и назывались точками.

Ход на тырло начинался обычно от дома гармониста, куда приходили парни и девчата. Шли по улице, взяв друг друга "под ручку", гармонист "в середочке". Пение по улице исполнялось под "саратовку", когда частушка в исполнении доживалась на две части, разделенные красивым наигрышем на гармошке. Частушки сопровождалась присвистами, тиканьем и даже шумовыми эффектами. Часто вперед идущей шеренгой выходили с пригласи-

Ты играй, а я подсаживу, чтодиночка моя.

На твоей груди повисну, брось тос, любви меня.

Иногда на такие игры приезжали на лошадях из других сел за несколько километров.

Милый в Юрченко поехал, себе дрозду завлекать.

В Аксунай когда вернется, меня будет целовать.

Частушку любили потому, что она давала возможность вынести наружу все то, что не всякий и не во всякое время решится на такую откровенность. И шли на гуляния как в ворота свободы чувств. Этому и соответствовало выражение: "отрубите руки, ноги, а на душе, но

сплашу". Современная проигрыватели никогда не заметит живое общение душ исполнителей, не смогут выполнить той мобилизующей роли, какую играл гармонист, вкладывая в игру душу песни, танца или пляски. А вы послушайте дуэт гармониста и солистки в исполнении "средняня".

Наиболее давней пляской по утверждению Каюкова Авддея Силыча из поселка Усть-Тараба была "топотуха". Сам он из рода степных татар и рассказывал, что в пляске становились в круг и под наигрыш гармони притопывали ногами. Может быть, русские в дали этой пляске по притопыванию название "топотухи".

Групповые плясовые исполняли и русские, и украинцы, и татары, и любили их за возможность импровизации, где сошлись присевки, приплесы, присвистывания, как "черти табак толкли". Мало чем отличалась "чокотуха или чокоток". Разница только в том, что для начала делался выход одного плясуна, к нему присоединялись другие, потом выходил опять один с другим коленом, как с зачином, и снова примыкали с групповой пляской, но часто в ходе веселья этот порчаок не соблюдался. Парные пляски, распространенные в селах Причумышья, были "барыня" и "табарок". Они отличались медленным наигрышем и темпом. Начиная пляску одна, вызывал на круг кого-нибудь другого. Каждый из плясунов стремился показать класс своих "коленцев". Под наигрыш "барыни" проводились своеобразные соревнования в искусстве пляски, так называемые переделки. Переделки обычно делались в одиночных выступлениях. В Мартыново славились плясуны Сергей Александрович Гаврилович, Ходорев Егор Титович, Шадрин, Мулюкина Е. Т., в Степь-Чумыше Казаков В. Ф., Катаев Н. К., Лисин В. И. В селах Причумышья, где были преобладающими переселенцы из южных районов России и Украины, в почете были топак, казачок, пытаночка. В этих плясках преобладало солидное выступление, и публика поддерживала пляску притопываниями, возгласами, присвистами. Прихлопывание в ладоши сопровождало цыганочку.

Если сказать языком причумышцев, то "не сесть какля испидиль наш забытый край". Никто никогда не читал о причумышских селах, никто не писал в историю наших односельчан, не много в наших людях написано в художественной литературе. Да и сами мы привыкли к своей

серости и забывости, не умеем присмотреться к самим себе, к нашим делам и думам. А иногда стыдимся самих себя, "я не хочу, чтобы кто-нибудь знал моего сердца страдания". Стесняемся сказать о чистоте своей души. Присмотритесь к людям, окружающим вас, и вы увидите, что в каждом из них есть что-то прекрасное. Присмотритесь к их труду — это тоже песня: "... сколько ими сделано дел, сколько выращено хлеба, надосенного молока, не учтенного лока" (из стихотворения).

В своих поисках об истории Причумышья мне много приходилось встречаться и беседовать "по душам" с жителями наших сел, и скажу откровенно, что "наш мир не без добрых людей". А всякая добрая душа найдет в песне, в стихе: "Да, в наших селах в старину пелили", — говорят в своих воспоминаниях старые люди. Сейчас редко можно встретить тех, кто отваживается спеть свою песню любви: "... милый мой, в серые очи твои дай взглянуться мне вволю, головку склонить на плечо и заплакать горькую долю". Мало кто отваживается сказать о своей любви к родным краям, к природе, к людям. Почему-то стыдимся своего благородного чувства любви к жизни, к красоте. А ведь в самом маленьком и заброшенном поселке поем песни, слагаем стихи и часто приходиться открывать сердечные тайны. Присмотритесь повнимательнее друг к другу, станьте добрее друг к другу и немало встретите таких, кто умрет нет так, что "за душу берет". Кто слышал Скударнова Михаила из Овсянниково, Аксинюку Валентина, Казакову Анну, Шеледелу Марию, Хворову Марию из Мартыново; Пахтаеву Раису, Калининну Валентину, Веригину Афиною, Вагину Ольгу, Зинкову Лидию из Степ-Чумышя, не забудет, и так в каждом селе. Сестер Бушмановых Марию, Зинаиду и Степаниду называли "сестрами Федоровыми". Приятно было послушать, когда доярки, отправляясь на дойку на машине, подавали свои голоса, когда женщины возвращались с граблями на плечах с покоса, когда ночной порох возвращались с поля со скирдовки. Когда не было гармонии, мелодия создавалась языковым навтышем. Известны мастерницы Мартынова А. Беспалава, Е. Чернова. В Кырманово был создан свой народный песенный театр. Есть такие концертные группы в Шалапе, Бочкарах. И все они незаметные творцы и частушек и песен.

Есть у нас авторы стихов, которые просятся переложению на музыку. Стихи пишут Шабалин Николай, Реутов Николай, Буханова Любовь, Алексенцева Нина, Кольмогорова Мария. А посмотрите в районную газету, вычитывайтесь в рубрику поздравлений, и вы увидите, сколько теплоты они говорят о наших людях.

Встретится и такой, кто скажет: "Подумошень...". Да, а подумать надо. В частушках, песнях, стихах душа наших людей. Сколько здесь любовь к нашей маленькой родине, к земле, на которой трудились, жили и любили наши дела.

Я вспоминаю праздник 60-летия совхоза "Красный Факел". Приехали те, кто уже давно покинул наш край. Приходили в музей. Трудно передать словами картинные чувства и встречи, счастливых минут воспоминаний. Какое разочарование чувствовалось после того, когда на вопрос: "... а помянете?" — и отвечал, что я не здешний житель. Были такие выражения глаз, которые говорили, что могут и понять тех, обязательно лучших времен, обязательно наилучших людей, если и не жил вместе с ними, и кажется, жалели меня, что я не мог быть вместе с ними.

Идут времена. Много меняется в нашей жизни, в наших понятиях, но и в наше холодное, сырое и иссушающее время, после встречи с такими людьми становится приятно от ощущения их душевного тепла. Хочется в музее сохранить добрую память об их творчестве, доброте. Это участники всех вечеров самодеятельности: Васильев В., Давыдова Л., Воронникова Н., Каторгина А., Халикова З., Май Р., Шаталина З., Черникова А., Черникова Л., Черепанова М., Бессонова Г., Беспалова Е., Воробьева М., Гилева А., Татарникова Л.

ИМЕНА

ДМИТРИЙ КОБЯКОВ. ГОД В ЧЕХИИ

Человек трудной, немилосердной судьбы, замечательный ученый, писатель и журналист Дмитрий Юрьевич Кобяков (1898-1978) последнюю четверть своего жизненного пути связал с Барнаулом. Но 38 лет эмигрантской одиссеи извещал он, прежде чем летом 1938 г. ступить на алтайскую землю. Здесь, почти ослепший и оглохший, благодаря исключительному напряжению душевных и физических сил, явил Дмитрий Юрьевич пример вдохновенного творческого горения. Три талантливые книги о родном языке удалось издать ему в барнаульский период - "Бессмертный дар", "Приключения слов", "Слова и люди". И немалый успех сопутствовал им - обращенным к будущему нашей культуры, к сердцу и разуму молодого современника...

Данные заметки, составленные на основе архивных и пр. изысканий, касаются пребывания Д. Ю. Кобякова в чехословацкой эмиграции. В чуждом городе на берегах Влтавы он пробыл недолго - около года. Однако столица Чехии стала местом, где завершилось "духовное возмужание" Дмитрия Юрьевича... преддверием длительной и богатой творческими свершениями эмиграции парижской.

Вопрос об обстоятельствах, при которых Дмитрий Кобяков покинул отечество, весьма не прост и до сих пор не поддается окончательному решению. Специально его касаться здесь вряд ли стоит, ибо эта и трагическая, и романтическая тема требует отдельного рассмотрения... Отмечу лишь, что многолетняя разлука Кобякова с родиной началась глубокой осенью 1920 г., когда он оказался на переполненном эмигрантами пароходе, отвалившем из Феодосии (Крым) в Югославию.

Пребывание Кобякова в этой стране (Ериеттоне - Люблина - Белград) продолжалось до лета 1923 г. и оборвалось довольно неожиданно... Будучи даровитым литератором и, насколько можно судить, человеком общительным и предприимчивым, он приступил к редактированию в Белграде литературно-художественного журнала "Медуза". В первом и единственном июльском номере журнала появился перевод знаменитой поэмы Александра Блока "Двенадцать" ("Двадцесторонца") (1). Осуществленный Дмитрием Кобяковым совместно с сотрудником

"Медуза" Ст. Винавером перевод этот явился, видимо, первым не только на язык сербско-хорватский, но и на языки народов Югославии вообще.

Появление "революционной" поэмы Блока в "Медузе" имело для журнала и его редактора самые неприятные последствия. Власти посоветовали "Медузу" закрыть, и над Кобяковым нависла угроза ареста. "Югославское правительство, - пишет Дмитрий Юрьевич в автобиографии, составленной в 1966 г., - сочло поэму большевистской пропагандой, и мне пришлось бежать из страны" (2). Ночью - через Марибор - опытный литератор добрался до австрийской границы и затем, после критического пребывания в Вене, оказался в Чехии. Это был конец лета или начало осени 1923 г. Точная дата приезда Кобякова в страну пока не установлена.

Вскоре по прибытию в Прагу Дмитрий Юрьевич достаточно уже испробовавший "горького хлеба чужбины", делает решительную попытку вернуться на родину. После подачи в советское полпредство соответствующего заявления он с нетерпением стал ждать ответа. Последний пришел необычайно быстро - через несколько дней после обращения молодого эмигранта. Это был отказ (причем, без выяснения какой-либо причины!), вызвавший у Кобякова удивление и горечь. Создавалось впечатление, что его письмо не было даже отослано в Москву...

Чем же мог мотивировать тогдашний советский полпред в Чехии, "правоверный большевик" К. К. Юренев, отказ Кобякову в репатриации?

Ответить на этот вопрос определенно, не рискуя впасть в ошибку, сложно. Ни заявления изгнанника, ни копия ответа на него в бывшем Архиве внешней политики СССР (МИД СССР) не сохранились. Во всяком случае, это утверждается в официальном документе за подписью заместителя заведующего отделом Историко-дипломатического управления МИД СССР А. А. Быкова от 16 августа 1989 г. (3). Впрочем, в выяснении мотивов отказа канувшие в небытие документы вряд ли помогут бы нам. Разве только можно было обнаружить резолюцию, визу Юренева или его подручных. Увы, мы находимся в положении Дмитрия Юрьевича, который сам вынужден был строить догадки, предположения. Так, в "официальной" автобиографии, составленной для органов МИД СССР в 1954 г., отказ 1923 г. Кобяков объясняет

тем обстоятельством, что "... в Праге жил мой родственник - бывший московский присяжный поверенный" Сергей Артемьевич Кобяков и однофамилец - Михаил Кобяков, который в Праге женился на дочери С. А. Кобякова - Елене. И С. А. Кобяков и Михаил Кобяков были активными эсерами (разрядка моя - А. К.) и, вероятно, меня с ними спутали" (4).

Думаю, однако, что Дмитрия Кобякова вполне могли и не "спутать" с Сергеем или Михаилом. Не исключено, что советские власти просто не отказали себе в удовольствии отомстить родственнику С. А. Кобякова - видного русского адвоката, непримиримого прага большевиков, написавшего "Красный суд" (5) - книгу огромной разоблачительной силы. Не лишне также напомнить читателю, что за год до кобьяковского заявления в полпредство - в июне-августе 1922 г. - в Москве прошел знаменитый процесс правых эсеров. И в гнетущей политической обстановке того времени сама фамилия "Кобяков", прочно связанная с понятием "эсер", вполне могла вызвать у "красных дипломатов" настороженность, даже враждебность.

Итак, путь из родины оказался закрыт. Власей-неволей с суровой этой реальностью приходилось считаться и как-то устраивать свою жизнь на "мужих берегах"...

Дмитрий Кобяков становится студентом хорошо известного тогда европейской интеллигенции Русского юридического факультета в Праге, основанного выдающимся ученым П. И. Новгородцевым при Карловом университете. В государственном архиве Алтайского края, в личном фонде Д. Ю. Кобякова хранится его подлинное учебное удостоверение личности студента (от 10 октября 1923 г.) и предметная книжка (от 6 декабря 1923 г.) (6). На том и другом документе проставлен студенческий номер Кобякова - 567-й.

Иметь в кармане такие "бумаги" для Дмитрия Юрьевича уже было делом большим. Но для того, чтобы учиться, мало-мальски по-человечески существовать, надо было обрести еще и крышу над головой, какое-то пристанище... Адрес Кобякова в Праге дважды обозначен в удостоверении личности студента - "Лацарска, 11". Но что это за дом - неясно. Может быть, студенческое общежитие?

... О пребывании Дмитрия Кобыкова в Праге мог бы кое-что поведать Владимир Брониславович Сосинский - известный в свое время литератор, долгие годы живший в эмиграции. Однако он умер в 1987 г., когда моя работа по Кобыкову едва только начиналась. Осенью 1989 г. я обратился за помощью к литературоведу Л. М. Турчинскому, который, как выяснилось, с Сосинским неоднократно встречался. Приведу небольшой отрывок из его ответного письма.

"Я действительно хорошо знал В. Б. Сосинского и даже получил от него в дар несколько книжек, в том числе и две книги Кобыкова. Но рассказывал он о нем очень мало. Мне запомнился только один эпизод. В Праге в о б щ е ж и т и и (разрядка моя - А. К.) они жили вместе и кто-то из них взял у другого подтяжки. Возник инцидент, вознивший, впрочем, шуточный характер. Больше я о Кобыкове от него ничего не слышал. И в тех главах автобиографической книги "Конурка", которую он писал в последние годы жизни, и которые я слышал в его чтении, упоминавший о Кобыкове не было" (7).

Конечно, о Дмитрии Кобыкове сказано здесь весьма скупо; очевидно, Турчинский не особенно-то и расспрашивал о нем своего друга. Но все же отмечено, что жил Кобыков в общежитии; причем, бок о бок с Владимиром Сосинским. Кстати, "инцидент" с подтяжками, запавший Турчинскому в память, - приметный штрих студенческого нищенского быта...

Любопытные сведения об условиях жизни русских студентов в Праге в 20-е годы сообщает М. И. Белкина в своем предисловии к мемуарам дочери Марины Цветаевой - Ариадны Сергеевны Эфрон: "Сергей Яковлевич (Эфрон, муж Марины Цветаевой - А. К.) живет в студенческом общежитии, в так называемой "Свободарие", где в кабинке, отведенной каждому студенту, может поместиться одна койка..." (8).

А вот примечательные данные из монографии И. В. Кудровой о Марине Цветаевой в эмиграции: "В эти дни он (С. Я. Эфрон - А. К.) живет вместе с другими русскими студентами в предоставленном им общежитии "Свободария", напоминающем казармы. Здесь у него своя "кабинка", отделенная от других тонкой перегородкой, не доходившей ни до цементного пола, ни до потолка. В кабинке - койка, только позже появится стул и стол." (9)

В приведенных отрывках описание "Свободария" относится к августу 1922 г., когда Марина Цветаева приехала к мужу в Прагу из советской России. Дмитрий Кобыков, поступивший на Русский юридический факультет через год с небольшим - осенью 1923 г., - по-видимому обитал в том же общежитии...

Что же можно сегодня сказать об "основном русле" студенческой жизни Кобыкова в тот "чешский год"? К сожалению, немного... Только предметная книжка Дмитрия Юрьевича, содержащая записи за первый и часть второго курса Русского юридического факультета, дает кое-какие сведения. Как можно видеть из этого документа, русские студенты на факультете обучались общей теории права, истории римского права, истории русского права, политической экономии, истории экономических учений, логике, русской истории, чешскому и латинскому языкам; отдельными пунктами в предметной книжке стоят - введение в политическую экономию и практические занятия по этой науке. В числе профессоров и преподавателей там же "зарегистрированы" А. Н. Фатеев, М. М. Катков, Г. В. Вернадский, М. В. Шахматов, В. А. Косинский, П. В. Струве, В. Ф. Тотомиянц, Н. О. Лосский, А. А. Кизеветтер, П. А. Остроухов, П. П. Савицкий (10). Блестящие специалисты своего дела. Та "аристократия дуза", лишившись которой, так много потеряла Россия...

Учеба учебой, но студенты жили и другими интересами. По свидетельству Дмитрия Кобыкова, на Русском юридическом факультете существовал "маленький конспиративный кружок студентов-марксистов". Есть в документе примечательная "зарисовка с натуры", относящаяся к началу 1924 г.:

"... Когда до нас дошла страшная весть о смерти Ленина, кружок устроил траурное собрание. Интересно, что на собрание явился профессор П. В. Струве, который читал на факультете политическую экономию. По римской пословице "до мортис аут безз аут вихиль" (о мертвых следует говорить хорошее или ничего не говорить - А. К.) он ничего не сказал, постоял с минуту и молча вышел из аудитории" (11).

Просматривая автобиографические записи Д. Ю. Кобыкова, я встретил указание на связь его в пражский период со студенческим литературным журналом, "Сотрудничал, - пишет Дмитрий Юрьевич, - в студенческом

журнале на русском языке. Запомнил редкую фамилию редактора - Жаба" (12). Хотя название журнала Кобяков не дает, можно предположить, что речь идет об одном из известных в те годы в Праге студенческих периодических изданиях - "Своими путями" или "Студенческие годы". Впрочем, возможны и иные варианты...

Сравнительно недавно от чешских специалистов из Славянской библиотеки пришла информация о том, что Дмитрий Кобяков общался со "Скитом поэтов" - кружком молодых поэтов в Праге (отношение с которым он якобы сохранял и позже, уже находясь в Париже) (13). Значительный интерес представляет факт, приводимый самим Дмитрием Юрьевичем. "В Праге, - вспоминает он, - я познакомился с Мариной Цветаевой, с которой потом часто встречался в Париже" (14). Парижские встречи с великой поэтессой и знакомство с ней в Праге еще нуждаются в подтверждении. И все-таки возможность личной встречи (или встреч) Кобякова с Цветаевой вполне вероятна: оба входили в литературные круги, имели общих знакомых (например, тот же В. Б. Соснинский - один из ближайших друзей Цветаевой, что давно известно исследователям), да и в журнале "Своими путями" Цветаева печаталась... Но слишком увлекаться тут не следует. Дмитрий Кобяков, судя по мемуарной и пр. литературе, не принадлежал к "ближнему окружению" Марины Цветаевой. Очевидно, следует огласиться с известной представительницей "цветаведения" А. Т. Саакиси, которая допускает факт знакомства Кобякова с Цветаевой, считает их отношения "поверхностными" (15).

Жизнь и учеба Дмитрия Кобякова в Праге продолжалась до июля 1924 г. "Перейдя на второй курс, - пишет он в "миловской" автобиографии, - и убедившись, что пражский "юридический факультет" никаких новых знаний дать мне не может, я в 1924 году уехал в Париж..." (16). Последние записи в предметной книжке Кобякова сделаны преподавателями политической экономии профессором В. А. Косинским и П. П. Савицким 8 июля 1924 г. (17). Вне сомнений, решение Дмитрия Юрьевича оставить Русский юридический факультет и покинуть Прагу не было простым и поспешным. Попытаемся в этом разобраться, хотя установить истину сейчас крайне трудно...

Имен за плечами законченное гимназическое образование (18), для Дмитрия Кобякова, с его неуемной жаждой знаний, было естественным стремиться к образованию вышеступенному. В Праге, после бегства из Белграда, ему в этом смысле представлялись все возможности. Поступив на престижный юридический факультет, где учились русские эмигранты, Кобяков оставался по своим интересам и пристрастиям филологом, поэтом, журналистом. Понятно, не сразу, но он все же приходил к четкому осознанию, что юриспруденция как специальность не отвечает его глубоким потребностям как личности, не будет способствовать его самовыражению. Видимо, только общение со "Скитом поэтов", с литераторами-соотечественниками, сотрудничество в студенческом литературном журнале (19) давало Дмитрию Юрьевичу какое-то моральное удовлетворение, выход его творческому потенциалу... Решение уехать из Чехословакии, наконец, вышло, и Кобяков попался в Париж, манивший его широкими перспективами саморазвития и творческой деятельности.

На парижский период, продолжавшийся более тридцати лет, падает расцвет эмигрантской литературной деятельности Дмитрия Кобякова. Надеюсь, что об этих заподненные упорным трудом, насыщенных событиями и встречами годах жизни талантливого литератора и большого человека я еще расскажу читателям Алтая.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Публикация Д. Ю. Кобяковым в "Медузе" блоковского поэта - факт, нашедший широкое подтверждение. По просьбе автора названные листы журнала были акрикофотографированы сотрудниками университетской библиотеки "Светозар Маркович" в Белград.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1541. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.
3. Письмо с этой информацией хранится в архиве автора.
4. Архив внешней политики СССР /МИД СССР/. Личное дело Кобякова Дмитрия Юрьевича по выезду из Франции в СССР в 1958 г., лл. 10-11.
5. Кобяков С. А. Красный суд. Впечатления эмигранта к революционным трибуналам. //Архив русской революции. Берлин. 1922. Кн. 7. (Полный вариант).
6. См. ГААК. Ф. Р-1541. Оп. 1. Д. 1. лл. 19, 23.
7. Письмо хранится в архиве автора.
8. Балашин М. И. Архива Сергея Эфрона (1912 - 1975) // Архива Эфрон. О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери. М.: Советский писатель, 1989. С. 10-11.
9. Кудряш Н. В. Версты, даки... Марина Цветаева: 1922 - 1939. М.: Советская Россия, 1991. С. 43.
10. См. ГААК. Ф. Р - 1541. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

11. ГААК, Ф. Р. - 1541, Оп. 1, Д. 20, Л. 8. При просмотре текста Д. Ю. Кобакон сделал надпись, которую, быть может, предложил внести в окончательный вариант - "гражданой и революционной Страны".

12. ГААК, Ф. Р. - 1541, Оп. 1, Д. 20, Л. 19.

13. Письмо хранится в архиве автора. В нем сделана историч. ссылка: "Русские в Праге, 1918 - 1928". Предполагаю, что речь идет об издании Постников С. П. Русские в Праге, 1918 - 1928 гг. Прага, 1928.

14. ГААК, Ф. Р. - 1541, Оп. 1, Д. 20, Л. 19.

15. Письмо последней хранится в архиве автора.

16. Архив внешней политики СССР / МИД СССР/. Личное дело Кобакон Дмитрий Юрьевич по выезду из Франции в СССР в 1958 г., лл. 11-12.

17. ГААК, Ф. Р. - 1541, Оп. 1, Д. 1, Л. 25.

18. В начале 1917 г. Д. Ю. Кобакон окончил 6-ю Тифлискую мужскую гимназию. Об этом см. ГААК, Ф. Р. - 1541, Оп. 1, Д. 1, Л. 1, и также - Центральный государственный исторический архив Грузии, Ф. 446, Оп. 1, Д. 56, Л. 25.

19. Видимо, сотрудничество в журнале носило, прежде всего, "мозаичный" характер. Автор поэты убежден в том, что в Чехии (как и раньше) Д. Ю. Кобакон писал стихи. В 1925 г. он выучился в Париже истинно-славянский сборник "Кремляк: 13-летний 24-го года", издаваемый "Птицами". В этот и последующие эмигрантские сборники поэта много вошло и его "женские" стихи.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

А. П. УМАНСКИЙ

УКАЗНАЯ ГРАМОТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО О СООРУЖЕНИИ ВИКАТУНСКОГО ОСТРОГА

При издании новой экспозиции дореволюционного периода истории г. Байска и северных предгорий Алтая научные сотрудники местного краеведческого музея им. В. Бианки запросили в Центральном государственном архиве древних актов фотокопию указа Петра I о строительстве крепости на устье рек Бии и Катунь. Однако подлинника этого указа в ЦГАДА не оказалось, что, впрочем, неудивительно: он должен был храниться там, куда его посылали, а подымали его в г. Кузнецк. Но со времен Г. Ф. Миллера известно, что в Томском и в Кузнецком архивах документов XVII - нач. XVIII в. сохранилось очень мало. Виной тому и плохие условия хранения архивных материалов и частые пожары в деревянных сибирских городах, во время которых не раз горели и архивные здания. Впрочем, тот же Г. Ф. Миллер зафиксировал в факты сознательного уничтожения архивных документов: так, томский воевода в кавун его приказал, опасаясь, что Г. Ф. Миллер едет с целью ревизии хозяйственной деятельности воеводы и может, изучив архивные материалы, вскрыть его должностные преступления, просто приказал утопить в Томи часть архивных дел.

Научные работники ЦГАДА отыскали, сфотографировали и прислали в Байск черновой вариант указной грамоты Петра I о строительстве Викатунской крепости, датированный 5 марта 1708 г. Рукописный текст грамоты был прочтен сотрудниками Байского музея, и рядом с фотокопией указной грамоты в экспозиции был помещен текст ее, написанный печатными буквами, с тем, чтобы посетители музея могли ознакомиться с содержанием документа. К сожалению, при этом в печатном тексте оказалось немало неточностей и ошибок, а порою и просто неудачных догадок.

Все это заставляет нас заново прочесть текст указной грамоты, с тем, чтобы в исправленном и уточненном варианте ввести этот важный для истории края документ в научный оборот. Жаль, что не опаса и дела его потеряны.

Имея дело с фотокопией, конечно, невозможно дать полную археографическую характеристику петровской грамоты: так, мы не можем с уверенностью говорить о

о постройке Бикатунского острога дословно приведена в отписке М. А. Овцына о постройке нового острога, которую цитирует царская грамота князю А. М. Черкасскому и дьяку И. Баутину в Тобольск, датированная 18 ноября 1709 г. (очевидно, что между 8 и 18 ноября 1709 г. отписка М. А. Овцына об исполнении ширского указа была получена Петром I) (4).

Таким образом, сомневаться в подлинности содержащихся в черновом варианте грамоты сведений нет никаких оснований.

Нет особой необходимости анализировать содержание описываемого нами петровского акта подробно: это говорит само за себя. Но несколько моментов хотелось бы отметить.

Указанная грамота была адресована лично воеводе, который должен был сменить на этом посту в Кузнецке прежнего воеводу Осипа Качанова. Перед новым воеводой царь ставил задачу немедленно построить новый острог "в пристойном месте" на устье Бии и Катуня, в центре расселения ясашных алтайцев. Если в устьевом указе Петра I Сибирскому приказу была сформулирована двоякая цель сооружения Бикатунского острога ("для обор... ясашной казны" и "к поселению пашенных крестьян"), то в тексте грамоты, подготовленном в Сибирском приказе, к этим двум целям добавляется еще одна — оборона "от приходу зоронских кадыцких и киргизских воинских людей". Вопросы фискальной политики всегда стояли в фокусе внимания правительства Петра I, а вкаса с подвластных народов и племен была важной статьей доходной части царской казны. Но за вкаса приходилось бороться с конкурентами — в Южной Сибири это были джунгарские феодалы, киргизские и телеутские князьки. Важным средством решения ищашего вопроса в пользу России было строительство новых укрепленных пунктов, увеличение их воинских гарнизонов. Думается, к решению строить острог на устье Бии и Катуня сибирских воевод и самого Петра I подтолкнуло укрепление русских позиций на юге Сибири к 1708 г., что нашло свое выражение в сооружении нового Кузнецкого острога в 1707 г., стоявшего в центре расселения шорских племен, и строительство в том же году нового, Абаканского острога в гуще воинственных киргизских племен (5). Теперь надлежало закрепить в зоне расселения северных алтай-

цев; попытки добиться этого в XVII в. (поход Ф. Пушкина в 1632 г. к Бии и П. Сабанского в 1633 и 1642 гг. на Бию и Алтын-озеро), как известно, успеха не имели. А за сооружением Бикатунской крепости у Петра I уже зрели планы продвижения вверх по Иртышу и Оби и строительства Ямашевской, Семипалатинской, Белогорской и других крепостей и острогов. Так что сооружение Бикатунской крепости мыслилось как одно из звеньев широкого плана укрепления за Россией всего Обь-Иртышского междуречья.

Из текста грамоты ясно, что Петр I придавал большое значение строительству нового острога. Это видно из того, что он требует от М. А. Овцына построить его "в незамедленном времени", построить его "со всякими крепостями"; он призывает всех служилых людей при этом показать свою службу и "прилежное речение", обещая "пожаловать" за это воеводу. Петр I наделяет кузнецкого воеводу большими полномочиями, позволяя ему самому выбрать "пристойное" место под острог, самому определять численность гарнизона и назначать из детей боярских "начального человека" — приказчика; царь дает М. А. Овцыну большую самостоятельность в управлении, выводя его из подчинения томских воевод, он вручает кузнецкому воеводе всю полноту власти — административной и судебной — над населением Кузнецкого острога. Петр I проявляет большую заботу о снабжении строителей острога и его гарнизона "государственным жалованьем" — деньгами, хлебом и солью в размере полных окладов.

Обычная кузнецкого воеводу и вперед снабжать служилых острога хлебом из Кузнецка, Петр I намеревался поселить поближе от крепости пашенных крестьян, что избавило бы гарнизон от зависимости жить за счет привозного хлеба и положило бы начало хозяйственному освоению предгорий Алтая.

Для укрепления обороноспособности нового острога Петр I рекомендует набирать добровольцев из числа кузнецких казачьих детей, чтобы они и их родственники и свойственники "охотою" служили бы в остроге и "домашними своими селились".

Необходимо пояснить еще один момент: в конце грамоты М. А. Овцыну предлагалось принять отчет от бывшего воеводы О. Качанова, заискать в казну с него перерасход казенных средств, а самого прислать в Москву.

В заключение новому воеводе предписывалось действовать строго по наказу и о всем содеянном докладывать царю и "президенту и московскому коменданту и сибирских провинций судис" князю М. П. Гагарину.

Таким образом, черновой вариант указной грамоты о сооружении Бикатунской крепости является важным историческим документом, зафиксировавшим первый шаг правительственной колонизации на территории современного Алтайского края.

Взбавив место эпизода. К 18 июня 1709 г. Бикатунский острог "з башнями и з жильными избами" был построен кузнецкими разных чинов людьми под руководством головы конных казаков Якова Максимовича (6). Но просуществовал он около года: в 1710 г. Духар-зайсан с 4-тысячным войском осадил и сжег его (7).

Ниже публикуется текст чернового варианта указной грамоты Сибирского приказа от 5 марта 1708 г. Разбивка текста на абзацы и предложения наша, орфография сохранена без особых изменений: единственная вольность, которую позволил себе автор, - во всех словах, где это было необходимо, в скобках вставлен мягкий знак, твердый знак, наоборот, везде опущен; отделены предлоги от существительных. Текст дополнен знаками препинания - запятыми, точками, знаками тире и др.

От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца в Сибирь в Кузнецкой нашему стольнику и воеводе Михаилу Алексеичу Овцыну.

В нынешнем 1708 году февраля в 29 день указали мы, великий государь, Кузнецкого уезду на реке на Бии и Катуня в пристойном месте для збору нашей, великого государя, ясашной казны и к селевию пашенных крестьян построить острог со всякими крепостями. А хлебные припасы (8) для той посылки и вперед(ь) по все годы на дачю в том остроге служилым всяких чинов людям на хлебные и на нехлебные расходы посылать из Кузнецка сколько какова хлеба в год доведется с кузнецкими ж посылками, чтоб без присылки хлебных припасов в тому строению остоновки и вперед в нем живущим людям в дачю в оклады и на нехлебные расходы оскудения отнюдь не было.

А для того острожного строения и надзору над служилыми людьми, над пашенными крестьяни послать из

Кузнецка сына боярского да с ним служилых людей. И вперед(ь) в том остроге для збору нашей, великого государя, ясашной казны начал(ь)ным человеком и на житие служилых людей оставить сколько человек пристойно по твоему рассмотрению. И в том острожном строении показать им службу свою и прилежное речение, чтоб со всякими крепостями тот острог для збору нашей, великого государя, ясашной казны и от приходу воровских казачиных и киргизских воинских людей построить в немедленном времени и, построив, тот острог ведать в Кузнецку тебе, Михаилу.

А для строения того острогу дать тебе, Михаилу, нашего, великого государя, жалования на год - денежные, хлебные и соляные их // полные оклады из московской присылки и из кузнецких доходов.

А как острог построен будет и за то строение жалованья ти будешь (9) ишим, великого государя, жалованьем. А которые служилые люди в том остроге на житие оставлены будут, чтоб они к городовому делу были заобычны и со всякими воинскими припасы и с хлебными запаси.

Да в Кузнецку ж наш, великого государя, указ сказать: буде козачья дети и братья и племянники и иные свойственники похотят на ту службу итить или в том новопостроенном остроге жить охотою, и они б шли и служили и в том остроге домами своими оселись(ь). А нашего, великого государя, жалованье даю им будет против иных городов служилых людей.

А буде в Кузнецку за малолюдством служилых людей выписанного острогу построить будет немочно, и о прибавке для строения ратных людей писать же к нам, великому государю, к Москве, в Сибирский приказ.

А томским воеводам тебя, Михаил, ведать ничем не велено и до нашего, великого государя, указа город Кузнецкой (10) и всех в нем жителей ведать и рассравы... чинить (11).

А Осипа Качанова, счетов, прислать к нам, великому государю, к Москве, а что на него начтено будет (12), то взять в нашу, великого государя, козну. А всякие дела делать тебе по написанному во наказу (13)...

И о том в Томской, к стольнику и воеводе, к Григорью Петрову-Соловю с товарищи, что тебя, Ми-

хама, ведать никак не велено (14) наша, великого государя, грамота послана.

И как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет, и ты б о строении вышесказанного нового (15) острогу и обо всем // чинил по вышесказанному нашему, великого государя, указу непременно. А что учинено будет, о том к нам, великому государю, писла, а отписку выслал подать в Сибирском приказе генеральному нашему президенту и московскому, к коменданту и сибирских провинций судие князю Матасю Петровичю Гагарину с товарищи.

Писан на Москве лета 1708 марта в 5 день. Припись) дьяка Ивана Челелева"

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О том, что истинной датой указанной грамоты был датирован не 5, а 15 марта 1708 г., свидетельствует ряд документов. Так, в "Деле о рассмотрении кузнецким служивым делом подучения хлебного жалования в Томске" (датировано январем - 24 марта 1710 г.) на л. 5 и 5 об. кратко излагается содержание присланной из Москвы грамоты о постройке Викалуцкого острога и точно названа ее дата - 15 марта 1708 г. (ЦГАДА, Ф. 214 (Сибирский приказ), Оп. 5, Ед. кр. 1962, л. 5-5 об.); и др.

2. ЦГАДА, Ф. 214, Оп. 5, Ед. кр. 1506, л. 1-3.

3. Там же, Ед. кр. 1512, л. 29 об.

4. Там же, л. 29-29 об.

5. В синодальном списке г. Кузнецка от 1708 г. воевода Осип Радчинович Качинов писал, что внутри Кузнецкого города ("рубленного в набор наипрото в сажени", на стене длиной в 1000 саженой стояло 5 башен) был еще острог по смете "мером 194 сажени" с тремя башнями (ЦГАДА, Ф. 214, Оп. 5, Ед. кр. 1455, л. 2-2 об.). Судя по отписке О. Р. Качинова от мая 1707 г., новый острог был построен именно в 1707 г. "мером против прежнего старого острогу. А прежней, острог от многих лет зыбл и обвалился". Воевода жаловался тем, что каменных денег на это строительство он несколько не потратил, что кузнецким построили острог "своею работою" (Там же, Оп. 5, Ед. кр. 1008, л. 15 об.).

6. ЦГАДА, Ф. 214, Оп. 5, Ед. кр. 1512, л. 29 об.

7. ААН (Архив Академии наук), Ф. 21, Оп. 5, N 150, л. 73-74; ЦГАДА, Ф. 199 (Портреты Г. Ф. Миллера), Портф. 481, Ч. 4, л. 4, л. 155 об. (Здесь, кстати, ошибочно говорится о том, что Викалуцкая крепость была построена при воеводе Матасе Борисовиче Зубове; л. 158-158 об. и мл. д.).

8. О постройке Абаканского острога в 1707 г. см. отписку О. Р. Качинова (Там же, Ед. кр. 1008, л. 24 об.; Ед. кр. 1333, л. 6-7; и др.).

9. Между словами "хлебные приписи" было написано, а затем зачеркнуто слово "запасы".

10. Сначала было написано "пожалованы ты будешь"; затем исправлено на "пожалован ты будешь".

11. После слов "не велено" следующие слова "и до нашего, великого государя, указу в город Кузнец" не то зачеркнуто, не то померкнуло

(скорее последнее), а окончание названия города ("кий") не зачеркнуто и не померкнуло.

11. Три слова между словами "распорам" и "машин" не удалось прочесть (предполагается: "и какими видами людей?"); эти три слова и слово "машин" зачеркнуто.

12. Слова "а что на него чинено будет, то" не померкло потому зачеркнуто.

13. После слов "по наказу" зачеркнуто целое предложение, прочесть его не удалось.

14. Слова "что тебе, Матасе, ведать ничем не велено" зачеркнуто.

15. Слово "нового" зачеркнуто.

Е. М. ВОРБЛЮК

ЧИНОВНИЧЕСТВО АЛТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА: СЛУЖБА И ЖИЗНЬ

В данной публикации представлены документы двух судебных дел, относящихся к истории Алтая XVIII в., из Центрального государственного архива древних актов. По форме их можно отнести к делам по служебным злоупотреблениям. Но существенная их ценность определяется не только интересом к документам подобного рода, относящимся к двухвековой давности или нашим дням. Представленные дела необычны, если не сказать уникальны, по своему содержанию. Чего-то подобного в истории управления в судопроизводстве Сибири XVIII - начала XIX в. пока не встречалось.

Объединяет эти дела несвязная фобула - подчиненный жалуется на своего начальника еще более высокому лицу - императрице в первом случае и в Сенат - во втором. Но дальше события развивались совсем по-разному. Это объяснялось как содержанием самих жалоб, так и различным составом участников - истцов и ответчиков.

Значительный интерес эти дела представляют еще и потому, что невольно дают глубокие психологические портреты своих участников - чиновников различных рангов второй половины XVIII в., жителей Барнаула, показывают их живыми людьми, очень разными по характеру и нравственным качествам, что всегда интересно.

Второе дело, представленное документами N 6 и 7, относится скорее к разряду курьезов и особых комментариев не требует. Историю председателя губернской уголовной палаты, находившегося, очевидно, не в ладах с вице-губернатором и усмотревшего козля испричелей даже в появившейся басне, в названии которой стояло слово

"судья", смогла вызвать лишь недоумение Сената и, возможно, улыбку читателей. Заключилась она устным разговором, одинаковым во все времена (и часто справедливым): "Заниматься своей деятельностью..." Интересно в данном случае то, что в среде чиновничества, видимо, имел достаточно широкое распространение выходивший тогда в Сибири литературно-художественный журнал. Очевидно, его выписывали и читали довольно регулярно, иначе советник Шалимов не увидел бы эту басню, а увидев, не был бы недоволен ее широким "распубликованием". Скорее всего никаких последствий для участников дело не имело.

Представленное в документах № 1 - 5 "Дело по доносу Василия Щербакова" является полной его противоположностью, по своему содержанию оно очень драматично. Отобразив должностные и неофициальные отношения между высшим и рядовым чиновничеством, оно ярко показывает не только судебную практику, но и нравы своего времени.

Дело это оказалось в двух различных фондах названного архива. Опубликованное ниже относится к 1761 г. и представляет краткую справку по делу в целом. Оставшиеся же у автора публикации документы, приводимые в пересказе из-за своего размера (только обвинение содержит 54 пункта), представляют собой сам "донос" и начало его рассмотрения и относится к 1748 г.

Василий Щербаков, служивший секретарем в Канцелярии горного начальства, решился на довольно смелый шаг - выступить с обвинением против высокого начальства - Главного Командира заводов А. Безра "в уклончивых поступках". Трудно сказать, что его к этому побудило. Обвинение из 54 пунктов наряду со служебными вопросами рассматривало и оскорбление против личности, в том числе самого Щербакова. Документ направлялся императрице - "Елизавет Петровне... бьет челом". О содержании его дает представление, например, такой пункт - А. Безра "ругал матерными словами его (Щербакова) и Улиха и грозил палкой", причем происходило это не где-нибудь, а в церкви(!), по поводу опоздания к молитве.

Неизвестно, дошло ли это письмо до императрицы, или все решалось ее приближенными, но в "Собрании Правительствующего Сената" дело рассматривалось уже

"по доношению Канцелярии тайных и розских дел", где содержались истин. Очевидно, они были доставлены в столицу уже под арестом. Как и почему к Василию Щербакову присоединился подмастерье Иван Сталов, не совсем ясно.

Сенат, естественно, не смог принять никакого решения и предложил "содержать под караулом" Щербакова и Сталова, пока "в других делах... генерал-майора... ссудовать определено будет". Но генерал-майор А. Безра в 1749 г. умер, и дело танулось в общей сложности 14 лет (!). Отметим, что оно было прекращено, т. е. не последовало ни обвинения, с одной стороны, ни оправдания с другой. А решение, принятое по поводу последнего, оставшегося в живых, участника дела, нельзя считать ни чем иным, как наказанием.

К сожалению, мы почти ничего не знаем о его главных участниках - Василии Щербакове и Иване Сталове. Однако достаточно большое число сведений об обвиняемом - генерал-майоре Андрее Безре - позволяет многое прояснить в этом деле. Это был специалист горного дела, появивший в Россию, очевидно, при Петре I. Вначале он появился на Колывано-Воскресенских заводах в 1746 г. в качестве ревизора, когда они принадлежали еще наследникам А. Демидова. При переходе заводов во имяному повелению в управление Кабинета, в 1747 г., именно А. Безра был отправлен "к управлению Колыванскими заводами", с присвоением ему звания генерал-майора (до этого он был бригадиром, т. е. полковником). Следует отметить, что его высокое положение определялось не только должностью, но и особым статусом заводского ведомства. Так, даже с Берг-коллегией - высшим органом по управлению горными делами в стране - Канцелярия Колывано-Воскресенских заводов переписывалась промоториями, как равное учреждение, а не рапортами. Несмотря на возмущение и противодействие Берг-коллегии, которая вначале просто не отвечала на эти бумаги, ей пришлось смириться. А. Безра состоял в регулярной переписке с императрицей (по крайней мере формально, минуя даже Кабинет), обращаясь к ней с "всеподданнейшими доношениями" по различным вопросам. Что касается более низших учреждений - например, восводских канцелярий и самих восвод, то с ними тон переписки был просто пренебрежительным. Так, кузнецкий восвод Миронич

обращался к Безру с "покорнейшим рапортом", где шла речь о снабжении заводов провиантом. Извиняясь, что не мог приехать для решения вопроса "за приключившеюся болезнью", Мирович излагал свои предложения письменно. Ответ А. Безру был просто грубым не по-деловому: "...а что Вы мнение свое полагаете... то вы učinили не справляя с указами..." (2). Все это дало возможность представить, против кого решились выступить секретарь и подмастерье. Результат был неутешительным.

Несколько слов можно добавить еще об одном участнике этой истории. Оскорбление в церкви (видимо, и не только) адресовалось Щербакву и Улиху, однако последний в деле никак не фигурирует - очевидно, в "доносе" принимать участие он не захотел. Возможно, благодаря этому его судьба сложилась совершенно иначе. Ассессор Иоганн Готтлиб Улих был приглашен на службу еще Демидовым, с другими специалистами в новом владельцем контракт с ним был продолжен с хорошим жалованием. Это имя встречается в документах часто - ему поручались самые различные дела, а после смерти А. Безру он вместе с ассессором Христиани фактически управляли горными заводами в течение ряда лет, т. к. новый Главный Командир Порошина не жил здесь постоянно. К концу 1750-х годов у Улиха было 14 дворовых людей, очевидно, приобретенных за время службы, а по должности "в услужении состояли 4 денщика с семьями". Он благополучно дослужился до старости, дал соответствующее образование и устройство детям (3).

Таким образом, представленные материалы не только дают новые сведения о взаимоотношениях властей, но и позволяют представить повседневные реалии жизни Барнаула во второй половине XVIII в. Документы размещены в хронологическом порядке и даны в основном в выписках (из-за своих размеров).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Л. 2494. Д. 13-90.
2. ЦГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 311. Л. 71-71 об., 85-89. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 51. Л. 1 - 17 об., Д. 99. Л. 4 - 23.
3. ЦГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 311. Л. 2-2об., 23-29. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 81. Л. 37. Д. 92. Л. 3-7. Д. 162. Л. 7-8 об. ГАЛК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 92-109.

№ 1

Указ из Конторы Правительствующего Сената Сибирскому приказу

Февраль 1761 г.

...В сообщении Конторы о содержащихся в Москве секретаре Канцелярии Колывано-Воскресенской Василии Щербакове и подмастерье Иване Сталове, которые в 1749 году доносили на бывшего генерал-майора Безру и чинимых им непорядочных указов... а оной Безру уже умер, определено на основании поданного Ея Императорскому Величеству доклада от Сената в 1754 году - хотя на означенный указ и не последовало, но в рассуждении долговременного их под караулом содержания, а напротив его смерти - против их показания оправдания приносить некому...

...Все то дело оставить (для отвращения убытков) и следствия о том не прилагать.

...хотя они за оказанные ими дерзости жестокому штрафу и подлежат, но, долговременное их содержание под арестом вменя, но под караула освободить, а... в Сибирь и понеже разные чины требуются... отправить в Тобольск, для определения к делу.

ЦГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 6. Д. 4666. Л. 8-8 об. Подлинник.

№ 2

В Сибирский приказ из Сысского приказа

Февраль 1761 г.

Присланным из Конторы Правительствующего Сената в Сысский приказ указом ислено содержащихся в оном присланных из оной Конторы секретаря Василия Щербакова и подмастерья Ивана Сталова для версика в Тобольск отослать в Сибирский приказ.

ЦГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 6. Д. 4666. Л. 12. Подлинник.

№ 3

Указ из Сибирского приказа в Сибирскую губернскую канцелярию

Март 1761 г.

... поданным от марта 1761 года доношением Сталов объявил, что по указу Конторы Правительствующего Сената велено его и Щербакова отправить в Тобольск, для

определении к делам. Но...Щербаков помер, а он Сталов, все в Москве... без денег...

ШГАДА. Ф. 214. Он. 1. Ч. 6. Д. 4666. Л. 36. Подлинник.

№ 4

В Сибирский приказ
Тайного советника и Сибирского губернатора
Соймонова
Рапорт

Август 1761 г.

В указе из Сибирского приказа об отправлении из оного приказа в Тобольск к Соймонову, для определения к делам, подмастерья Ивана Сталова... определить его в Нерчинские заводы, ... был при Колыванно-Воскресенских заводах и знает горное дело.

ШГАДА. Ф. 214. Он. 1. Ч. 6. Д. 4666. Л. 47. Подлинник.

№ 5

В Сибирский приказ
Тайного советника и Сибирского губернатора
Соймонова
Рапорт

Август 1762 г.

Канцелярия Нерчинского горного начальства присланным ко мне рапортом объявила о приезде подмастерья Ивана Сталова и сына его Ивана Сталова... определены они в лабораторию.

ШГАДА. Ф. 214. Он. 1. Ч. 6. Д. 4666. Л. 58. Подлинник.

№ 6

1791 г.

В Правительствующий Сенат Колыванского
наместничества Палаты уголовного суда,
от Председателя Надворного Советника
Семена Шалимова

Всеподданнейшее прошение

...Колыванской казенной палаты правящий должность вице-губернатора Надворный Советник Ахвердов, ... многих здесь чиновников чувствительным образом предобидев, в числе коих и я неизбежен... Он, пригласил бывшего

Колыванского наместнического правящий Советника, Надворного Советника Хвостова, и других одинакового с ним свойства чиновников... и вообще сочинил, напечатал Колыванской уголовной палаты и собрания его пьесу (с ругательными выражениями) и переслал в Тобольск к содержателю типографии купцу Корнильеву, для напечатания в издаваемых от той типографии месячных сочинениях под названием Иртыш, превращающийся в Инокрему, и таковая по их желанию напечатана и всюду распространена.

И оное сочинение на благоразсмотрение в Правительствующий Сенат при сем представляю, с таковым моим доведением, что в том сочинении ни малейшей правды нет...

Всеподданнейше прошу оказать милостивное покровительство и заступление, целому присутственному месту, Колыванской угодной палате и собранию его.

ШГАДА. Ф. 248. Он. 56. Д. 4655. Л. 4-8. Подлинник.

К этому документу приложены отпечатанные типографским способом листки (очевидно, вырванные из указанного в документе журнала) с текстом басни "Волк судья, или наказаниями злость и невежество". Автор в тексте не указан.

№ 7

Правительствующий Сенат слушал...

1791 г.

Приказали: К Правящему должности Иркутского и Колыванского генерал-губернатора господину Генерал-поручику и Кавалеру Пашю отписать, что Сенат... (от прочих Присутствующих подобной жалобы не вступило), находит, что разбор такой партикулярной жалобы до Сената не принадлежит, ибо - точного доказательства, что автор... Ахвердов, не представил, да и в самой пьесе не видно, почему ее на лицо той Палаты отнести можно: предоставить ему просить, где надлежит, на основании законов, а он вынул бы, со своей стороны, служащим во верных ему губерниях, дабы каждый, не впадал в таковые праздные сочинения, занимался бы прямо своим должностям.

ШГАДА. Ф. 248. Он. 56. Д. 4655. Л. 19-25 об. Подлинник.

С. Д. ДРЫГИН

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО СЛАВГОРОДСКОМУ ВОССТАНИЮ 1918 г.

В марте 1991 г. трагически оборвалась жизнь Сергея Дмитриевича Дрыгина. Вся его научно-исследовательская деятельность была связана с Алтайским государственным университетом. Закончив в 1982 г. исторический факультет университета, он с 1983 г. работал здесь на кафедре истории СССР. При его непосредственном участии был составлен историко-краеведческий свод "Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая", вышедший из печати в 1990 г. Область главных научных интересов С. Д. Дрыгина охватывала историю гражданской войны на Алтае; в этой работе он проявил себя внимательным и вдумчивым архивистом, ведущим целенаправленный поиск в хранилищах, зрелым источниковедом-систематизатором, осуществляющим подготовку документов к публикации, и творческим популяризатором исторических знаний. Материалы по истории революции и гражданской войны в нашем крае, оставшиеся в личном архиве С. Д. Дрыгина, представляют собой полный свод первичных исторических сведений об этих событиях и не теряют своей научной ценности. Публикуя несколько документов из этого архива, коллектив сотрудников исторического факультета АГУ желает почтить память своего товарища и коллеги.

Эти документы касаются антиколчаковского восстания в Славгородском уезде в сентябре 1918 г. Традиционное освещение этого события в исторической литературе, в том числе и в публикациях документов (см., например: Борьба за власть Советов на Алтае: Исторический очерк. - Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1957 г. - С. 222-227; В борьбе и тревоге. - Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1977. - С. 148-151), было односторонним, представляющим его как результат тщательной спланированной акции большевистских подпольных комитетов, подчеркивались гуманные, цивилизованные формы восстания и, наоборот, непомерно суровая расправа с ним колчаковских властей. Публикуемые здесь документы хотя и не претендуют на безусловную объективность, заставляют несколько иначе взглянуть на причины и ход славгородских событий. Документы пуб-

ликуются с незначительными сокращениями и исправлениями стилистического содержания.

Рапорт начальника Славгородской уездной милиции (17 сентября 1918 г.).

*Жестрено и происшествию господину
Алтайскому губернскому комиссару*

В связи с призывом изобразцов, в понедельник, 2 сентября, около 9 часов утра на воинский гарнизон, усадьбу и городскую милицию крестьянами села Архангельского, Славгородской волости, под предводительством немцев Подсосновской волости, Славгородского уезда, было сделано вооруженное нападение. Восстание подготовилось в строгом секрете и, в силу внезапности, а также малочисленности вооруженных сил в Славгороде, приняло весьма бурную и угрожающую форму. Неподготовленные и застигнутые врасплох гарнизон и милиция восстановить порядок оказались совершенно бессильными. Катастрофическому движению способствовали окрестных селений крестьяне и темные личности, собравшиеся в этот день на базар. В скором после начала бунта времени гарнизон местных войск был совершенно уничтожен, милиция обезоружена, частью равена и арестована. Причем, бунтовщики, обезоружив милицию и несколько человек офицеров местного гарнизона, начали немощно издеваться: рвали тело, били, сажали на раскаленное железо и проч., после чего убивали или же, благодаря нескольким словам, сказанным неизвестными личностями из толпы, заключали под стражу. При начале восстания-бунта на базаре поднялась паника, и во всем городе жители, охваченные паническим ужасом, прятались в подвалы, амбарты и бежали из города, оставляя свое имущество. Бунтовщиками разбиты арестные дома в Славгороде и выпущены политические и уголовные арестанты, которые, воспользовавшись этим, принялись за очистку населения, грабя и увозя с собой что попадалось под руку, затем сами неизвестно куда скрывались. Все вещи офицеров, находившиеся на квартирах в городе, разграблены и окошки в квартирах выбиты; служащие уездной мили-

ция тоже ограблена; канцелярия городской милиции систематически уничтожена; дела, книги, печати и штемпели растащены неизвестными грабителями. Также окончательно разграблены все имущие классы, проживающие в городе Славгороде, особенно пострадали родители офицеров гарнизона.

Результат бунта, кроме описанного выше, следующий: убиты начальник милиции 3-го участка Славгородского уезда Филипп Белоножка, милиционер 3-го участка Кульчицкий и неизвестно куда девался милиционер Шербина, о котором известно, что его бунтовщики казнили до полусмерти и неизвестно куда девали. Остальная участковая милиция была обезоружена, содержалась под стражей и часть бежала и скрывалась до прибытия отряда правительственных войск. Я здесь не упоминаю о том, что члены милиции, кто исполнял служебные обязанности, имел несчастье попасть в руки этих бунтовщиков, были варварски избиты, но жизни не лишены; таких случаев было с чинами милиции наполовину состава. Кроме того, восставшими бунтовщиками ограблена почтово-телеграфная кантора, взято 7000 руб. денег; в уездной земской управе и остальных учреждениях города брошены пишущие машинки и прочие канцелярские принадлежности. Все это доставлялось в с. Архангельское, Славгородской волости, что в 6 верстах от Славгорода, и поступало, как теперь выяснилось, в распоряжение какого-то вновь сконструированного "крестьянско-рабочего штаба".

Начиналось это так: в пятницу, 29 августа - первый день явки по мобилизации; согласно расписания, должна явиться Славгородская волость. В с. Архангельском призываемые других волостей стали останавливаться вследствие агитации архангельцев, причем архангельцы силою не пускали призываемых явиться в Славгород. Для ареста агитаторов был послан вооруженный отряд гарнизона человек в 20, причем отряд предупредил, что всякого рода агитаторы будут расстреляны, и приказал всем новобранцам явиться на прием. Но архангельцы все-таки не пропускали и даже некоторым новобранцам угрожали убийством. В воскресенье, 1 сентября, местным гарнизоном был вторично послан отряд в Черный Дол, где отрядом был расстрелян председатель Архангельского сель-

ского комитета и 1 новобранец ранен. Решено было, что восстание подавлено.

Ночью (накануне) повстанцами город был оцеплен со всех сторон, железная дорога разрушена и проводы телеграфные порваны. 2 сентября съехался почти никогда не бывавший большой базар. Здесь же и было приступлено к бунту: отряд гарнизона был почти наполовину перебит выстрелами из-за угла, домов и (с) крыш, милиционеры обезоружены толпой. Остаток отряда гарнизона в 20 чел., заметив, что в городе вступать в бой бесполезно, направился за город по направлению Большие-Яровского озера для занятия более удобных позиций, но, преследуемый из города бунтовщиками, был встречен тысячной толпой вооруженных вилами, лопатами, винтовками и охотничьими ружьями крестьян и, отстреливаясь, отступил ... и, охваченный со всех сторон, пал жертвами; причем, пощадил не было: раненых офицеров и добровольцев крестьяне зверски добивали вилами и лопатами, выкалывали им глаза и проч. Раненые из отряда попадали в больницу, чтобы получить медицинскую помощь, но восставшие бунтовщики и там их находили; вытягивали и, зверски издеваясь, убивали. Лозунгом их было систематическое уничтожение всей интеллигенции. После того, как отряд уничтожили, а милицию обезоружили, неизвестные личности стали собирать собрания и на них говорили, что в Омске, Томске, Новониколаевске и прочих городах вся "Белая Гвардия" уничтожена и вся власть перешла "Красной Гвардии", предлагали избрать совет и какой-то "крестьянско-рабочий штаб". В момент выборов членов и назначенные учреждения такие же темные личности совместно с выпущенными уголовниками и политическими арестантами приступили к грабежу учреждений и домов имущих классов. Были случаи, что грабители, поссорившись при дележке со своими "компаньонами", устраивали между собой драку и даже арестовывали своих.

Заканчивая, что восстание носило характер не политический, а под видом "политического" грабительский. Исполняя все, что требовалось, грабители скрывались, крестьяне же, зачувв приближение правительственных отрядов, начали насильно мобилизовать все способное население и решили дать отпор ...

ГАЛК. Ф. 235, Оп. 1, л. 7, л. 36-40.

Приказ командующего войсками
Славгородского района.

Алтайскому губернскому комиссару

Земская Управа представляет для сведения приказ
№ 8 командующего войсками Славгородского района и
собственного партизанского отряда атамана Анненкова и
сообщает, что приказ этот опубликован по уезду сего
числа.

24 сентября 1918 г.

Приказ № 8

18 сентября 1918 г., гор. Славгород.

Волостные земства и сельские комитеты остаются на
своих местах и продолжают функционировать. Ввиду во-
енного положения в уезде, председателям волостных Зем-
ских Управ и сельских комитетов предоставляю права
волостного старшины и сельского старосты, указанные в
ст. 79 и 104 Общего Положения о крестьянах (в
исполняющих требованиях и распоряжений подвергать ад-
министративным взысканиям, штрафу и аресту). Сходы
и собрания общественного, делового характера разреша-
ются и собираются председателями волостных Управ, а в
обществах - председателями сельских комитетов.

Для спокойной и непрерывной работы в волостных
Управах и сельских комитетах председатели назначают
двухдворство в числе 2 солдат, бывших на фронте, (кото-
рые) будут отвечать за порядок в Управах.

Приказываю населению уезда немедленно внести все
недоимки казенных сборов, сейчас же произвести рас-
кладку всех причитающихся с сельских обществ казен-
ных, уездных, волостных и сельских сборов, взыскать
таковые в двухнедельный срок и сдать полностью по на-
значению.

За неисполнение сего приказа и за нарушение порядка
в присутственных местах, а также за оскорбление воло-
стных и сельских должностных лиц и неисполнение их
законных требований, виновники будут караться военны-
ми законами.

Командующий войсками Славгородского района ата-
ман Анненков.

ГАЛК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 7. Л. 46-47.

Подробности славгородских событий.

2 сентября (сего) года в Славгороде вспыхнул кре-
стьянский бунт. Поводом к нему послужило произведен-
ное накануне вооруженное воздействие военной власти на
общество, расположенное в 7 верстах от города в с.
Архангельском с целью принудить таковое выдать подде-
жавших призыву новобранцев. Как выяснилось впослед-
ствии, крестьяне с. Архангельского решили свергнуть уез-
дную власть, о чем дали знать окрестным сселениям. На
другой день толпа крестьян во главе с архангельскими и
при активном участии немцев-колонистов Подсосновской
волости, вооруженные вилами, топорами, ружьями, на-
правилась в город и начала избивать малочисленный ме-
стный гарнизон. Было 8 часов утра. Разгромив штаб,
толпа завладела оружием и начала расстреливать застиг-
нутых врасплох офицеров ... Попавшие на глаза толпе
офицеры на улицах были зверски перебиты. Часть гар-
низона в количестве 15 человек, отстреливаясь от воору-
женной толпы, отступила по линии железной дороги,
Верстах в 30 от города эта горсть защитников порядка
была застигнута и зверски истреблена, за исключением
3 хрибрецов, которым удалось бежать и сообщить о слу-
чившемся военным властям. В городе толпой освобожден-
ны были политические и уголовные арестанты, ограблена
почта, разгромлены управление городской и уездной ми-
лиции, канцелярия должностных лиц, а также расхищено
имущество местных зажиточных граждан ... На базарной
площади города самосудом толпы убит городской голова
... Крестьяне образовали рабоче-крестьянский штаб во
главе с начальником гарнизона из солдат. В городе на-
чались обыски одиночных вооруженных патрулей, со-
провождавшиеся хищением имущества. Между прочим,
похищено 13000 казенных денег военного штаба. Работа
всех учреждений и торговых предприятий совершенно
прекратилась. Распустились слухи о свержении власти
Временного правительства и о перевороте в целом ряде
городов страны ... Характерно слабое участие в восстании
местных рабочих, в 1-й день примкнувших к восстанию
и составивших отряд, нечто вроде красной гвардии, а в
последующие дни незаметно ступившихся. По-видимо-
му, охладило рабочих отрицательное отношение возглав-
лявших восстание крестьян к советской форме правления

и полная распушенность бунтовщиков. С другой стороны, как более сознательные и осведомленные в событиях, рабочие понимали случайность и неарочность саягородского переворота ... В таком состоянии города и уезда были до прихода правительственных войск 10 сентября.

*Сибирский вестник. - 1918,
9 октября.*

ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ

Т. М. СТЕПАНСКАЯ

ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ-ЗАВОДОВ

XVIII - первой половины XIX столетий

Промышленные сооружения. В новгородских писцовых книгах конца XV в. есть переписи дворов кузнецов и "домников", т. е. крестьян, имевших кузницу и "домниши". "Домниши" были избушкой, где из руды выплавлялось железо в небольших "сыродутных" печах (1). Печи и горны были так невелики (как и медеплавильные печи), что не требовали специальных производственных зданий. Когда были нужны специальные приспособления (для подъема тяжелых колоколов, например), то они устраивались временно на дворе.

С появлением разделения труда, с переходом ремесленного способа производства к мануфактурному возникают специфические формы производственных зданий. На Руси это произошло во второй трети XVII века, когда были построены железоделательные заводы близ Тулы (2).

XVII в. не дал специфического характера заводским зданиям, за исключением доменного цеха, форма которого являлась отражением рабочего процесса (окончательно она сформировалась в XVIII в.).

В XVIII в. расширяются Олонечские заводы, ведется переустройство и строительство новых заводов на Урале и в Сибири. В постройке уральских заводов принимали участие тульские мастера, в возведении сибирских - уральские техники, механики и строители. Чертежи фасадов и разрезов производственных зданий, документы описей дают представление о характере заводских построек в Сибири в XVIII столетии.

Основным строительным материалом было дерево (сосна, пихта, лиственница) (3). В производственных зданиях преобладали стоечно-каркасные конструкции. Вот типичное описание "фабрик" Екатерининского завода на Алтае (1784 г.): "Основание их состоит из связей на стойках, между коими подложено камнем, в потребных местах поставлены брусчатые стойки, поверх перевязанные по стенам вокруг и поперек плавающие шесты, а машинная двумя связями, при коих по углам для стропил

перевязки из брусьев, стены забраны досками, попережк поставленных..." (4).

Тесовые кровли крепились по стропилам. Потолков обычно не делали, стропила оставались открытыми. Крыши на доменных фабриках имели форму мансардных. Производственные агрегаты (печи, молоты, подшипники, валы и т. д.) устанавливались на особых основаниях, грунт под которыми уплотнялся забитыми связями, характерным описанием печей является следующее: "В двух фабриках по 4 печи плавильных в одном корпусе на каменном фундаменте, складенные из кирпича и футерованы изнутри огнепостоянным камнем... Для крепления их каждый кирпич перевязан связями железными... железо употреблено в корпусах полосовое и узкополосовое, в трубах плоскостное, оные при концах пропущены стойки в корпусах из стропильного, в трубах из... железа, при офутерах лицевых досок чугунных 16; для прикрепления сих в двух местах пропущены из нарочно сделанного толстого железа брусчатые связи по длине всего корпуса... При каждой печи шестки, состоящие из трех чугунных досок. Для волагания снимаемых шлаков полки из пяти чугунных аршинных досок перевязанных болтами..." (5).

В зависимости от назначения заводских зданий полы в них настилались чугунными плитами (в молотовых, кузнечных фабриках), основными досками по балкам (складские помещения). Иногда полы из чугунных плит были в отдельных помещениях лабораторий (при Барнаульском заводе, в аптеке полы были из кирпича, 1752 г.).

В плане производственные здания имели большей частью форму прямоугольника. Она была самой простой и экономичной в исполнении, а также позволяла в необходимых случаях устанавливать горны, молоты, станы и т. д. в ряд.

Таким образом, в XVIII в. план и объемное решение производственных зданий определялись рабочим процессом. Никакие художественные задачи при их строительстве не решались. При строительстве сибирских заводов широко использовался опыт Урала.

Массовая перестройка русских городов в конце XVIII - первой половине XIX вв. резко повлияла и на архитектуру производственных зданий. В 1806 г. была утверждена должность архитектора при заводах Кабинета.

Основным строительным материалом для заводов Алтайского горного округа становится кирпич (6). Наряду с усовершенствованием технологического процесса при перестройке заводов ставятся и решаются художественные задачи. Они связаны с ансамблевым характером строительства, развернувшегося в крупных горных городах и прежде всего в Барнауле.

В 1835 г. был составлен альбом "Планы горных заводов, рудников и всего состоящего при оных устройствах Округа Алтайский заводов" (7). В составлении альбома принимал участие Я. Н. Попов (8). Можно предположить, что он является автором фасадов большинства производственных зданий. При этом Попов широко пользуется образцовыми проектами, беря их за основу. Особенно это ощущается на фасадах плавильных цехов Сузунского и Гурьевского заводов (1842, 1844 гг.). Наиболее совершенными промышленными постройками явились здания Барнаульского сереброплавильного завода. Они составили часть ансамбля исторического и композиционного центра Барнаула.

Дворовые фасады главного и заречного корпусов завода решены по типичной для русского классицизма схеме: вытянутой по горизонтали призматический объем, обрамленный в центре портиком из шести колонн и боковыми ризалитами с меньшими портиками. Главный корпус выше и протяженной заречного. Нарастающий снизу вверх ритм горизонталей прерывается в нем сильными вертикалями колонн тосканского ордера и входных арок, обработанных пиллястрами с антаблементом и аттиком.

Горизонтальному ряду арочных проемов вторит арочное завершение проемов окон. Композиция заречного корпуса так же, как и главного, обусловлена функцией сооружения.

Верхняя часть воспринимается мощным аттиком, который легко удерживается нижним ярусом здания. Впечатление легкости достигается вертикальной вычерченностью верхней широкой горизонтали и гладкостью стен нижней. Центральный ризалит из восьми полуколонн тосканского ордера с чугунными капителями акцентирует арочный главный вход. Боковые ризалиты из четырех пилюнов каждый сочетаются с прямоугольными формами и линиями, преобладающими в дворовом фасаде заречно-

го корпуса. Немногие арочные мотивы нижнего яруса поддержаны арочными проемами окон верхнего.

В фасадах корпусов завода несколько раз прием зеркальной композиции, благодаря которому достигнуто равновесие масс и статичность площади заводского двора. Нарядом здания второй плавильной фабрики находилась важня - помещение для приема руд. Я. Н. Попов перестроил ее, создав монументальное, необычное сооружение в виде открытой с трех сторон аркады с пилонами в качестве опор. Базы пилонов были укреплены чугунными плитами. Фасады корпусов завода, обращенные к плотине и обрезаемые с Демидовской площади, были обработаны арками. Современный вид плотинного фасада второй плавильной фабрики: четко видны мощные арки, опирающиеся на пилоны, окна с полуциркульным креплением.

Несмотря на пожары и многочисленные перестройки, до сих пор сохранились фрагменты того облика заводских зданий, который придал им в 30-40-е гг. XIX в. Я. Н. Попов (9).

От фасада главного корпуса сохранился портик правого крыла. В 1912 г. он был ближе к первоначальному виду. Цепями были базы колонн, рустовка, окна нижнего этажа тогда еще не ушли в землю. Заречный корпус сохранился полнее. Но оконные проемы дворового фасада заложены и заменены прямоугольными дверными проемами различной величины, расположенными без какой-либо системы. Нет открытых галерей важни (в построении на основе важни здания находилось общежитие для рабочих спичечной фабрики Барнаула). Но арки и пилоны на чугунных базах хорошо видны на фасадах этой постройки. Ансамбль заводского двора открывался в сторону Петропавловской улицы.

Основное помещение первой плавильной фабрики пролетом 25 м было перекрыто деревянными стропилами. Они были выполнены из сосны и кедра, обработаны топором с необработанной тщательностью врубок и просуществовали до 1915 г. (10). Стропила были открыты внутрь помещения. Такая же конструкция стропил использована в Сузунском и Павловском заводах. Можно говорить о разработке типовой конструкции стропил для заводских зданий.

Гурьевский завод был основан в 1814 - 1815 гг. (сначала он был серебродавильным, а затем железоделательным). Проект Гурьевского завода от 1844 г. подписан архитектором - гистенфервальтером Поповым. В 1845 г. к завершению постройки Гурьевского завода был определен И. М. Злобин (11). Композиция фасада Гурьевского цеха следует тому же приему, как и в архитектуре плавильных фабрик Сузунского, Барнаульского, Павловского заводов. Протяженность фасада достигает 120 м. Здесь впервые на алтайских заводах были применены металлические стропила бесшарнирной арочной системы при пролете в 21 м. Конструкция была выполнена на болтах, без закладок (12).

Строгостью, конструктивностью, гармонией частей и целого отличается проект плавильни Риддерского рудника (40-е годы XIX в.), он подписан Забиным.

Планы каменных заводских строений Алтайского горного округа отличаются четкостью внутреннего членения, простотой и строгостью конфигурации. Значительные пролеты зданий перекрыты усовершенствованными системами стропил. Можно отметить типизацию конструкций, планировок, композиционных приемов.

В первой половине XIX в. в Нерчинском горном округе Кабинетом проведены также значительные преобразования. Во времени они осуществляются несколько позднее, чем на Алтае.

В 1797 г. начальник Нерчинских заводов обербергмейстер и кавалер Иван Черныш направил в Кабинет чертежи рудников, приисков и заводов, а также их "виды", выполненные офицерами туземью (13). Из этих материалов следует, что производственные здания в Нерчинске и его рудниках (Александровском, Петровском, Каданском и др.) были деревянными, доменные фабрики имели типичную для русских заводов XVIII в. объемную композицию с мансардообразной крышей.

В 1816 г. Кабинет ставит вопрос о составлении "проекта об улучшении Нерчинских заводов". К 1820 г. такой проект был разработан в трех томах (14). В середине 20-х годов XIX в. создаются проектные чертежи производственных зданий. Они осуществлялись в течение 30-40-х годов.

В отличие от Алтайского горного округа для большинства производственных построек Нерчинских заводов ос-

важным материалом остается дерево. Деревянные стрессиня штукатурятся под камень. Фасад серебряплавильной фабрики при Нерчинском заводе по общей композиции классицистичен, он симметричен, выявлен центральной объем, имеется цокольная часть, подчеркнута линия карниза (15). Обработка фасада соединяет в себе черты каменной и местами деревянной архитектуры. Небольшие оконные проемы венчаются ступенчатыми сандриками. Дверные проемы и стилизованные пилястры между окнами обработаны деревянным накладным орнаментом в виде треугольников.

Доменные фабрики других заводов Нерчинского округа повторяли объемное решение фабрики Нерчинского завода, но их фасады не имели деревянного орнамента и пилястр. Исключение составляет "новая доменная фабрика при Петровском заводе" (16) (1825 г.). Она сложена из кирпича. Ее фасад оригинален для того времени. В два ряда протянулись без всякой обработки оконные проемы. По вертикальной центральной оси фасада над арочным дверным проемом находится большое окно с полуциркульным завершением. Другие заводские здания в первой половине XIX в. строились без постановки в решении художественных задач.

Типовыми постройками в Нерчинских заводах являлись "магазины для хранения богатых руд и шлаков". Проекты их были сочинены шихтмейстером 13 класса Давидом Ивановым (17). Это деревянное сильно вытянутое прямоугольное в плане одноэтажное здание, строго утилитарное.

Сравнение нерчинских производственных зданий с алтайскими показывает, что классицистические принципы архитектуры более прямо и непосредственно проявились в строительстве западно-сибирских заводов. В Нерчинском горном округе ярче выступает влияние местной деревянной архитектуры. Это проявилось и в планировке. Например, в Кадавинском руднике была построена "рудо-разборная светлица" в плане - правильный шестиугольник (18).

Мы рассмотрели производственные здания, которые строились в Алтайском и Нерчинском горных округах в конце XVIII - первой половине XIX веков. Краткий итог всему рассмотренному следующий:

1. Для производственных зданий заводов кабинетского хозяйства вплоть до конца XVIII в. было характерно:

- а) основной строительный материал - дерево;
- б) в плане заводские корпуса имели прямоугольные очертания, что соответствовало требованиям технологического процесса;
- в) конструкция - каркас из стоек, обвязок и стропил, наружные стены из несущих стоек и забранных в их план бревен или горбышка;
- г) кровля - двускатная, мансардообразная с вытянутыми фонарями, реже четырехскатная;
- д) отношение высоты кровли к высоте стен от 2 до 3,3, отношение высоты стены к длине фасада от 0,025 до 0,06, отношение высоты здания к длине фасада 0,1 (преобладающее);
- е) каменные фундаменты подводились под рабочие агрегаты внутри цехов;
- ж) свайные основания устраивались под стенами;
- з) полы - настилались чугунными плитами или тесом.

2. На рубеже XVIII и XIX веков происходит перестройка деревянных заводских зданий на кирпичные и каменные, шире применяется металл.

В плане и в решении объемной композиции первые каменные заводские корпуса повторяют предшествующие деревянные. Отношение высоты кровли к высоте стены сохраняется от 2-х до 3-х (например, каменная плавильная фабрика N 1 Барнаульского завода, 1803 г., обжительная фабрика Барнаульского завода, 1803 г.).

3. Введение в 1806 г. должности архитектора горных заводов обеспечило квалифицированное архитектурное руководство промышленным строительством:

а) в 20-30-е годы XIX в. производственные здания включаются в ансамбль центра горных городов. Обработка их фасадов обнаруживает сходство с другими общественными постройками;

б) заводские комплексы приобретают стилевое единство в соответствии с принципами архитектуры классицизма: фасады зданий имеют трехчастное членение, выявленное центральным и боковыми ризалитами, несущими фронтоны или венчающиеся аттиками; широко применяются пилястры, пилонны, колонны, преимущественно тосканского ордера;

в) отношение высоты кровли к высоте стены становится от 0,6 до 0,8 (встречаются исключения, например, в Риддерской плавильне отношение высоты кровли к высоте стены 2,1);

отношение высоты стены к высоте здания от 0,42 до 0,6;

отношение высоты здания к длине фасада, как и на рубеже веков, колеблется около 0,1;

г) намечается стандартизация конструктивных элементов, в решении фасадов, напротив, проявляется индивидуальный почерк архитектора.

4. В течение всей первой половины XIX в. заводские комплексы строятся в соответствии с принципами архитектуры классицизма, что проявляется прежде всего в планировке заводской площади, во включении ее в городской ансамбль, в решении фасадов заводских корпусов.

Общественные здания.

К концу XVIII - началу XIX в. в кабинетском хозяйстве сложились следующие типы населенных пунктов:

- 1 - города-заводы (Барнаул, Нерчинск - административные центры горных округов);
- 2 - заводы-слободы (Сузунский, Павловский, Гурьевский, Петровский, Александровский и др.);
- 3 - рудники с поселениями (Змеиногорский, Салаирский, Каданисский, Риддерский и другие);
- 4 - села (Касмолинское, Богатское и другие).

В городах, заводах и рудниках до конца XVIII в. строились под контролем Кабинета такие общественные здания, которые были необходимы заводам: лаборатория, архивы, горные школы, горные училища, аптеки, госпитали, библиотеки и минеральные кабинеты, магазины, заводские конторы, гауптвахты.

Основным строительным материалом для них в XVIII в. служило дерево. Исключение составляла каменная барнаульская аптека, построенная в 1752 г. Она "была сложена из кирпича... пол был настлан кирпичом... в ней было шесть окон с деревянными ставнями, одна кирпичная печь, стол в три ряда с выдвигаемыми ящиками раскрашеный" (19).

Характерным примером общественной постройки является контора Змеиногорского рудника (1798 г.). Она со-

стоит из пяти бревенчатых срубов на каменном фундаменте, ее тесовая кровля по форме повторяет мансардное покрытие доменных фабрик, планировка представляет собой вариант крестьянского дома с сеними, горницей и кладовой.

Другим примером может служить госпиталь Змеиногорского рудника (1761 г.). П-образное в плане здание из двенадцати срубов с двускатной тесовой кровлей и замкнутым внутренним двором. Направо и налево от сени расположены палаты для больных, служебные и жилые помещения, размеры их определяются функциональным назначением. Срубы имеют различную величину, поэтому членение фасадов госпиталя несимметрично.

Горные школы при заводах размещались в домах, которые ничем не отличались от жилых крестьянских построек. Таковыми они были при Томском заводе (1774 г.), при Змеиногорском руднике и в Барнауле (1780-е годы).

Магазины и здания архивов отличались иногда от других наличием железных стелс (при Барнаульском, Томском и других заводах).

Таким образом, общими чертами для общественных построек конца XVIII в. были:

- строительный материал - дерево;
- фундаменты - преимущественно каменные;
- кровли - высокие, тесовые;
- планировка - исходила из плана жилого крестьянского дома;
- фасады - несимметричные, отражали внутреннюю планировку постройки.

Каменное гражданское строительство в Сибири широко развернулось в первой половине XIX в. Возросшие связи сибирских городов с европейской частью России обусловили общность архитектурных форм и композиционных приемов в строительстве общественных зданий. Большую роль в распространении архитектуры русского классицизма сыграли образцовые фасады общественных и частных строений, выполненные архитекторами А. Д. Захаровым, В. П. Стасовым, К. И. Росси. Издание типовых проектов служило пособием по архитектуре для многих сибирских архитекторов (20).

В процессе осуществления застройки городов, поселков при рудниках и заводах по составленным в конце XVIII - начале XIX вв. планам (21) строятся новые обществен-

ные здания. Как и раньше, это лаборатории, заводские конторы, госпитали, аптеки, архивы, горные школы и училища, библиотеки, магазины. Строит их заводские архитекторы, получившие образование в Петербурге (22).

В первых классицистических постройках на территории Кабинета еще сохраняются некоторые черты общественных зданий, характерные для XVIII в. - схема внутренней планировки, идущая от плана жилого крестьянского дома, высокая крыша. Примером этому служит проект барнаульской аптеки (архитектор А. И. Молчанов) (23). Это одноэтажное прямоугольное в плане здание. Центральным входом и сенями оно делилось на две симметричные половины, одна из которых отапливалась под жильем провизора: зал, спальня, передняя горница, кухня. Другая предназначалась для собственно аптеки, склада, лаборатории и комнаты для учеников. Со стороны двора каждая половина здания имела свой вход с сенями. Здесь архитектор использовал традиционную для сибирских жилищ планировку интерьера - сени с двумя "камерами" по сторонам.

Фасад аптеки и прилегающая к нему каменная ограда решены в соответствии с принципами классицизма. Выделена цокольная часть стены, подчеркнута модульонами линии карниза. Рустованные угловые пиластры и центральные ризалит контрастируют с гладкой стеной. Вход в здание акцентирован треугольным фронтоном с полуциркулярным слуховым окном в тимпане. Прямоугольные оконные проемы обработаны гладкими наличниками и небольшими сандриками. Крыша двускатная, высокая.

К числу первых каменных общественных построек начала XIX в. принадлежит здание канцелярии Барнаульского сереброплавильного завода архитектора А. И. Молчанова (24). Оно представляет собою прямоугольную в плане двухэтажную постройку с девятью осями простых оконных проемов на уличном фасаде. Над входом возвышалась восьмигранная, очевидно, деревянная башня, увенчанная грифельным куполом с вышкой для часового колокола. Над дверным проемом находился балкон. Треугольные фронтоны торцовых фасадов имели овальные слуховые окна.

На акварели В. П. Петрова "Вид Барнаульского сереброплавильного завода", выполненной с натуры в 1802 г. (25), канцелярия изображена в почти современном

ее виде. Здание несколько по своим размерам, но, учитывая общественный характер сооружения, архитектор стремился наделить его крупным масштабом. На это указывает ясность планировки и членения фасадов. Спокойному ритму лопаток уличного фасада вторит строгий ритм оконных проемов, обрамленных плоскими наличниками. Основную роль в масштабном строе здания играет членение по вертикали: дощатый руст нижнего этажа, мощная галка между этажами вдоль всего фасада, повторяющаяся в каждом элементе членения филленки, крупные с подчеркнутой горизонтально карнизы окон верхнего этажа, аттик. В целом для канцелярии, как и для большинства других зданий, характерны простые объемы, прямые линии, гладкие плоскости стен, графичность фасадов (26).

Канцелярия Барнаульского завода построена на месте снесенной наводнением 1793 г. Демидовской конторы, в которой в 1762-1766 годах работал изобретатель парового двигателя И. И. Ползунов. Здание канцелярии является одним из немногих в Сибири памятников архитектуры русского классицизма конца XVIII в. Это памятник истории науки и техники, здесь бывали и работали изобретатели, исследователи, ученые России XVIII - XIX веков; здесь размещались коллекция минералов Алтая, книги первой в Сибири технической библиотеки.

Вслед за канцелярией в Барнауле перестраиваются и строятся вновь заводские конторы в рудниках и заводах кабинетского хозяйства. Их пропорциональный строй и характер решения фасадов близки Барнаульской канцелярии. В то же время они имеют свои особенности.

Двухэтажная каменная контора Локтевского завода в первом этаже разделена на равные части проезжей аркой. Ее вертикальная центральная ось подчеркнута невысокой шестигранной башней с часовым колоколом. Иногда конторы не имели башни с колоколом (Томская, Павловская, Змеингорская) или она размещалась не по центральной оси (Колыванская, Нерчинская конторы).

В Павловской конторе впервые в Колывано-Воскресенских заводах встречается портик из шести тосканских колонн с треугольным фронтоном. Здание одноэтажное, Г-образное в плане из 6 срубов, оштукатуренное, выходы бревен остались открытыми; вход и портик смещены в сторону от центральной оси главного фасада. Павловская контора является примером того, как классицистическая

схема общественного здания накладывалась на сложившуюся ранее местную схему заводских стрелений.

Здание Нерчинского горного правления представляет собой пример более четкого осуществления принципов классицизма. На глади стен ясно читается строгий десятиколонный портик с треугольным фронтоном и четкий ряд оконных проемов.

Сдержанность облика здания несколько смягчает балюстрада крыльца со стопами на две стороны.

В стиле классицизма в 1-й половине XIX в. строятся заводские госпитали. Их планы в целом сохраняют сложившуюся во 2-й половине XVIII в. схему: чаще всего они П-образные или прямоугольные, имеют сквозные коридоры, в которые выходят двери палат для больных и служебных помещений. Но если в XVIII в. были отклонения от этой схемы и тогда в плане госпиталь представлял собою вариант крестьянского жилого дома, повторенного несколько раз (госпиталь Змеиногорского рудника, 1761 г.), то в 1-й половине XIX столетия планировка заводских лазаретов подчинена принципу симметрии, регулярности, часто используется система анфилады. План не только самого здания, но и всей усадьбы со службами строится четко. Одноэтажные фасады госпиталей, как правило, сильно вытянуты по горизонтали, с выделенной цокольной частью, большим выносом карниза. Наиболее характерными являются проекты лазаретов Царевониколаевского золотого промысла (1811 г.) и Салаирского рудника (1828).

Салаирский госпиталь в плане правильный прямоугольник с отношением сторон 3:1. Сквозной коридор делит одноэтажное здание на две симметричные половины и связывает его с левым и правым флигелями. Фасады основного объема госпитали и флигелей вытянуты в одну сторону горизонтально, подчеркнутую рядом прямоугольных оконных проемов (отношение 2:1). Центр фасада отмечен ризалитом и невысоким аттиком. Между флигелями и стенами основного здания (слева и справа от него) находятся входы, огражденные также коридорами и оградками. Подобные принципы планировки характерны для госпиталей Нерчинского завода, Зыряновского, Александровского и других рудников Кабинета, а также для двухэтажного каменного лазарета в Барнауле.

Горные заводские школы существовали в Змеиногорском руднике, при Томском железодобывающем заводе, горные училища - в Барнауле и в Нерчинске. Исключая Барнаульское, это были одноэтажные здания из нескольких срубов с аттиками или треугольными фронтонами над входами, прямоугольные в плане.

Частью заводских училищ при Змеиногорском руднике было общито тесом, оконные проемы обработаны под камень - сандриками, дверной проем - двойными колоннами, имитирующими Тосканский ордер. Заводская школа при Томском заводе оштукатурена, нижняя часть фасада обшита тесом. Центральный ризалит завершен аттиком (27). Сходство в планировке и в решении фасадов заводских училищ позволяет предположить, что они строились по типовым проектам, составленным заводскими архитекторами применительно к сибирским условиям (высокая кровля, небольшие окна).

Общественные здания заводов Нерчинского округа наряду с вышеуказанными общими чертами обладают некоторыми особенностями: они более тесно связаны с окружающей средой террасами, лоджиями, галлереями. Примером могут служить госпиталь Култуминского рудника с галереей вдоль всего главного фасада, здание Галимура-Воскресенского горного правления,auptвахта при Нерчинском заводе.

Некоторые постройки в Нерчинском округе в плане - шестиугольные. Например, двухэтажное здание архива Нерчинского завода представляет собою шестиугольный сруб, обшитый тесом, крыша его венчается небольшим шарообразным завершением.

Строительным материалом в Нерчинских заводах и во 2-й половине XIX в. остается дерево. Значительные общественные сооружения оштукатуриваются; фасады обрабатываются под камень. Примером является Горное училище Нерчинского округа. Г-образное в плане одноэтажное здание с отчетливо выраженным горизонтальным членением фасада (цокольная часть, подоконная тага на плоскости стены, линия карниза с модульонами). Центральный вход акцентирован монументальным портиком с четырьмя колоннами (диаметр основания колонны укладывается в ее высоту 5,5 раза) и римско-дорическим антаблесментом с треугольным фронтоном. Оштукатурен-

ные фасады красились "белым, палевым, бледно-желтым, светло-серым" цветами (28).

Не только конторы, госпитали, заводские и окружающие горные училища, но и абсолютно все заводские постройки - казармы, цейхгаузы, магазины, склады, тюремные замки - в течение всей первой половины XIX в. на территории Кабинетского хозяйства строятся по классицистическим схемам планировки и решения фасадов.

Одной из главных проблем градостроительства в России в 1810-1820 гг. являлась проблема решения центра города. Архитекторы Кабинета А. И. Молчанов, Я. Н. Попов, Д. И. Иванов, И. М. Злобин в течение 20-40-х годов XIX в. создали великолепный ансамбль улиц и площадей в административном центре кабинетского хозяйства - Барнауле.

В 1818 г. начальник Колывано-Воскресенских заводов Фролов внес на рассмотрение Горного Совета вопрос о строительстве в Барнауле нескольких общественных зданий: госпиталя, дома инвалидов, горного училища и памятника в честь столетия горного производства на Алтае (29).

Местом для строительства была назначена Коношская площадь - у северного конца заводской плотины на левом заболоченном берегу пруда (30). В 1818 г. она представляла собою пустырь, ограниченный с севера Иркутской улицей, с запада и востока - заводскими постройками (коношня, старый деревянный госпиталь и др.), на юге - небольшим бульваром и гранитной пеньковой стеной, шедшей вдоль обводного канала. Возможно, идея превратить пустырь в площадь, создать на ней стройный архитектурный ансамбль принадлежала А. И. Молчанову.

Строительные работы на площади начались в 1819 г. Руководил ими архитектор Молчанов. Ему принадлежал первый проект госпиталя, утвержденный 25 мая 1819 г. П. К. Фроловым. По этому плану был заложен фундамент госпиталя (31).

С 1820 по 1825-й год строительство на площади велось медленно из-за отсутствия архитектора (А. И. Молчанов в 1820 г. подал прошение об отставке по состоянию здоровья). В 1827 г. в Барнаул приехал из Петербурга архитектор Кабинета Д. И. Иванов, который продолжил строительство. В 1829 г. он был направлен в Нерчинск.

В том же году в Барнаул прибыл заводской архитектор Я. Н. Попов.

К. Ф. Лелебур, бывший в Барнауле в 1826 г., в своей книге "Путешествие по Алтайским горам и Киргизской степи" публикует проекты зданий и памятника 100-летию и так описывает строящуюся площадь:

"Одна сторона площади, обращенная к заводскому двору, обнесена изысканным барьером из литого железа, покоящимся на цоколе из обелеченного гранита, три другие стороны ограничены большими кирпичными зданиями, план строительства которых уже одобрен; выделены суммы из сбережений Колыванского заводууправления. Одно из этих зданий будет больничным госпиталем, длиной 81 аршин, при нем отъезде уже стояли стены первого этажа здания. Второе здание, длиной 95 аршин, будет богадельней для инвалидов азиатской службы, при ней будет находиться своя церковь. В третьем здании, длиной 117 аршин будет приют для детей горнорабочих, а также горное училище... на открытой площадке к северу-западу от заводского двора сооружается обелиск высотой 70 футов из обелеченного гранита" (32).

Первые проекты зданий, в том числе и госпиталя, А. И. Молчанова не были осуществлены. Автор ансамбля площади стал Я. Н. Попов. Каждое из зданий строилось долго, с большими перерывами: госпиталь - 1831 - 1840 гг., богадельня - 1831 - 1840 гг., горное училище - 1854 - 1861 гг., обелиск - 1831 - 1844 гг.

Демидовская площадь (33) - прямоугольная в плане, почти квадрат, симметричная, сильно приближается к замкнутой композиции открытого пространства. Ощущение замкнутости подчеркивает обелиск, формирующий центр площади и как бы собирающий вокруг себя пространство. Но размещение площади на пересечении нескольких широких улиц, широкая перспектива, открывающаяся в сторону р. Барнаулки и заводского двора, лишают ее пространства абсолютной замкнутости и обособленности. Статичность композиции, обусловленная симметричным расположением зданий и зеркальной симметрией их фасадов, прерывается открывающимися перспективами улиц, связанных с общей системой планировки города. Во всех зданиях ансамбля из трех измерений, формирующих объем, решительное предпочтение отдано горизонтали. Мотивами, также связывающими стороны

площади в гармоничное целое, являлись мощные колоннады центральных портиков.

Главное значение в композиции площади придавалось зданию Горного училища. Однако проект Я. Н. Попова, предполагавший центральный ризалит с колоннами и подвешенные пандусы, не был утвержден Горным Советом. Два раза архитектор перерабатывал проект Горного училища. Ни один из проектов не был утвержден.

В 1852 г. Я. Н. Попов оставил службу. Переработать проект Попова Горный Совет поручил архитектору Шрейберу. От проекта Я. Н. Попова сохранилось объемно-композиционное решение, треугольный фронтон, арочные оконные проемы нижнего этажа. Плоский сухой декор фасада училища нарушил гармонию ансамбля площади. Но в целом замысел Я. Н. Попова создать стройный архитектурный ансамбль осуществился.

Обелиск, установленный в центре Демидовской площади, первоначально был спроектирован П. К. Фроловым в 20-х гг. XIX в. Затем его проект был переработан Я. Н. Поповым. Высота обелиска 13 м. Стержень его сложен из 12 гранитных блоков (34). Своим основанием он опирается на четыре чугунных угловых впазры, лежащих на высоком постаменте. Завершается обелиск небольшой пирамидкой.

В настоящее время наибольшую близость к первоначальному облику сохраняют здания бывшего госпиталя и бывшего Горного училища.

Здание богадельни в результате перестроек совершенно утратило свою первоначальность. В 30-х годах были убраны портик, мезонин, сандриак над окнами; был надстроен второй этаж с почти квадратными проемами окон. Центральный вход в здание оформлен низким портиком, который конструкцией колонн и фронтона, а также пропорциями далек от классических образцов.

Благодаря статичности и равновесию частей площадь обладает законченностью композиции. Но перспектива, раскрывающаяся в сторону улиц и р. Барнаулки, дали возможность развить ее дальше и связать в единую систему с заводским двором.

Параллельно со строительством Демидовской площади Я. Н. Попов осуществил в 40-х годах перестройку фасадов основных корпусов Барнаульского сереброплавильного завода.

Ансамбль заводского двора открывается в сторону Петропавловской улицы. Решая задачу ансамблевой застройки города, Я. Н. Попов преобразовал фасады зданий А. И. Молчанова (аптеки, канцелярии, тюрьмы) на улице Петропавловской (И. И. Ползунова). Интервалы между зданиями Горного правления, инструментального магазина (35) и тюрьмы Я. Н. Попов соединил глухими каменными оградками с декоративными портиками. Композиция южной стороны Петропавловской улицы в результате названных преобразований приобрела стройность и завершенность.

На северной стороне улиц по проекту Евреинова была построена главная химическая лаборатория завода, перестроенная в 1912-1913 годах под здание краеведческого музея.

Два портика, служившие в настоящее время входом на свечную фабрику, аналогичны портикам Анничковского двора, выходящим на Невский проспект в Петербурге (приписываемые архитектору Л. Руска, 1812-1815 гг.). Построены они в середине 20-х годов XIX в. (архитекторы Молчанов А. И., Попов Я. Н.).

Улицы им. Ползунова (Петропавловская) во многом сохраняет облик, приданный ей заводскими архитекторами. От перестроек более всего пострадали каменные ограды: к ним с южной стороны пристроены помещения, в стенах прорезаны окна и двери.

В 1857 г. на горе, на высоком берегу р. Барнаулки было закончено строительство каменной кладбищенской Иоанновской церкви, построенной по проекту Я. Н. Попова. Несколько позволяет судить описание в документах архива, церковь была выдержана в стиле классицизма, имела колокольню с высоким шпилем (36). Она завершила в перспективе ансамбль Демидовской площади со стороны р. Барнаулки.

Сереброплавильный завод как историко-экономический центр Барнаула получил свое пространственное развитие в Демидовской и Соборной площадях, соединенных Петропавловской улицей. Я. Н. Попов проявил себя в создании этого ансамбля талантливым учеником своего учителя К. И. Росси.

На основании изучения рассмотренных нами проектов и памятников общественных сооружений в городах и

селениях кабинетского хозяйства можно сделать следующие выводы:

1. Памятников общественных построек архитектуры классицизма на бывшей территории кабинетского хозяйства сохранилось немного. Они сосредоточены главным образом в Барнауле — бывшем центре Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа. Они являются:

аптека (ул. им. Подлунова, 42, XVIII в.), горная контора (ул. им. Подлунова, 39, XVIII в.), здание горного госпиталя (Пионерская площадь, пер. пол. XIX в.), здание горной богадельни (Пионерская площадь, пер. пол. XIX в.), здание горного училища (Пионерская площадь, пер. пол. XIX в.), горная лаборатория (ул. им. Подлунова, сер. XIX в.).

Из них наибольшую близость к первоначальному облику имеют здание бывшего госпиталя и здание бывшего горного училища, они сохраняют не только первоначальное объемно-композиционное решение, но и характеристику фасадов.

2. Создание в Барнауле единой архитектурной композиции — Соборная площадь — Петропавловская улица — заводской двор — Демидовская площадь — находится в русле передовых архитектурных исканий русского классицизма 1-й трети XIX в. Этот архитектурный комплекс сохраняется до настоящего времени. Композиция его в основном не нарушена.

3. Большая часть общественных зданий в Нерчинске, в алтайских рудниках и заводах строилась из дерева. Деревянные срубы обшивались тесом или оштукатуривались под камень. Членение фасадов, обработка оконных и дверных проемов подражали каменным формам.

4. Большая часть заводских контор, училищ и госпиталей имела прямоугольную или П-образную конфигурацию плана.

5. Вертикальная центральная ось фасадов акцентировалась ризалитом с аттиком или портиком с треугольным фронтоном. Доминировал тосканский ордер.

6. В обработке фасадов применялись чугунные детали ордеров — капители, базы, облицованные чугунными досками, цоколи зданий (каменные общественные постройки в Барнауле на Демидовской площади).

7. Общественные здания на территории кабинетского хозяйства строились в соответствии с принципами клас-

сцизма в течение всей первой половины XIX в. и даже в его 30-е годы.

8. Основными видами общественных построек были: заводские конторы, здания горных управлений, госпитали, заводские училища, окружные горные училища, маганна, аптеки, лаборатории.

9. В строительстве общественных зданий проявляется тенденция к типизации планировок, решений фасадов. Это значительно удешевляло строительство.

Жилые постройки

На протяжении всего XVIII в. жилые строения при горных заводах состояли из "каменных и пятистенных изб", из домов "со связью" в конструкциях и декоре, характерных для народного зодчества. В первой половине XVIII в. в срубах домов прорубали маленькие "колодные окна с одними ставнями", ставили в них слобу, "с приходу с иальной стороны перед сенями" рубили "рундуки с дощитыми баласвизами", а "все строения и рундук" покрывали тесом (37).

Указом Кабинета от 21 августа 1759 г. повелевалось "вводить в обычай ввиду сбережения лесов, нужных для казенных производств, чтобы горные служители и частные обыватели строили дома мазанковие, а достаточные люди кирпичные и каменные (38). Но "охотников на производство таких построек не оказалось". Основным строительным материалом для жилых домов оставался сосновый, пихтовый и лиственничный лес.

Для размещения офицеров, чиновников, иностранных механиков и других служащих при Павловском, Салавском, Сузунском, Риддерском и других заводах часто приобретались дома у крестьян и купцов. Типичными примерами таких домов являются дома купцов Плотникова, Сметанина, полказначеляста Шестакова и др. (39). Они состояли из одной или нескольких горниц с печами "голландского манюру с вышками чугуными", сеней, кухни с глинобитною печью. В горницах были стеклянные окончины, в кухне и подсобных помещениях встречались окна с бумажным или слюдяным заполнением.

В начале XIX в. жилая застройка кварталов Барнаула была по-прежнему деревянной. Композиция кварталов осталась такой же, как и в XVIII в., которая в свою очередь восходила еще к указам 1722 г. "О строении кре-

стьянских дворов в погорелых и вновь строящихся селах и деревнях" по образцовым чертежам. Указы были повторены в 1724, 1754, 1757 гг. Были использованы, по-видимому, и образцовые проекты жилых кварталов из альбомов В. И. Гасте (1811 г.).

Все кварталы разделялись на прямоугольные участки 16-25 м на 42 м. На них возводились дома со службами и огородами. Они размещались вдоль улицы, а участки соприкасались огородами и службами внутри кварталов. Дома ставились "гнездами" - по два смежных дома, позднее участки застраивались одиночными дворами, разделенными друг от друга 20-35 м. Вопреки образцовым чертежам из улицы четко выходили торцы жилых домов. Но с начала XIX в. заводские жилые здания ставились своими фасадами вдоль улицы, на улицу выходили парадные крыльца.

Деревянный город производил цельное впечатление благодаря однородности строительного материала, типологичности построек, элементов конструкций и композиций, определяемых единым модулем - шестиметровым бруском (40).

До настоящего времени не сохранилось ни одного дома первой половины XIX в. Они были уничтожены многочисленными пожарами или разрушались от времени. Лишь архивные чертежи и документы в какой-то степени дают возможность судить о них.

В проектировании домов для горных чиновников участвовали заводские архитекторы Я. Н. Попов, И. М. Злобин, Р. Турский. Они широко применяли образцовые проекты, созданные столичными зодчими. Классцистические детали в декорировке фасадов и обработке оконных проемов в таких домах были скудными, но они ощущались и в архитектуре ворот, оград, наземных построек.

Дома мастеровых, рабочих людей и беднейших слоев населения Барнаула состояли из одной избы, или "избы и горницы в одной связи", реже "из пятистенных изб". Покрывались они тесом скатом на четыре стороны, иногда на две. На окраинах были убогие дома, даже без кровель или прикрытые "драньем" скатом на одну сторону.

Русская классическая школа в первой трети XIX в. оказала сильное влияние на развитие деревянной архи-

тектуры, главным образом в массовом жилом строительстве по всей территории страны.

Горные города Сибири не были в этом смысле исключением. Кварталы, которые строились для чиновников, офицеров и горнозаводских служащих, в большинстве своем представляли собой сочетание обычных срубов. Их внешний облик был приведен к симметричной форме. Широко применялась дощатая обшивка зданий. Часто дома оштукатуривались. Оштукатуренные деревянные дома имитировали формы каменной архитектуры.

Широко применялась постановка центрального портала обычно тосканского и реже ионического ордера. Порталы иногда заменялись пилястрами и фронтоном в плоскости фасадной стены.

Применение классицистических форм в дереве привело к изменению их пропорций: к утончению колонн, увеличению интерколумний, сокращению высоты антаблемента. Иногда художественная выразительность зданий достигалась сопоставлением светлых оштукатуренных поверхностей стен с деревянными резными элементами наличников и крылец.

В деревянной жилой архитектуре сибирских городов умело перерабатывались приемы архитектуры классицизма применительно к местному материалу и масштабу небольших домов. Дощатая обшивка в условиях сибирской зимы стала дополнительным утеплением, поэтому она нашла широкое распространение.

Все вышесказанное иллюстрирует жилия архитектура Нерчинска. Большой интерес представляет проект дома для начальника Нерчинских заводов, "точнейший" обергиттенфервальтером Злобиным в 1826 г. Г-образное в плане с жилой внутренней планировкой здание. На гряды оштукатуренных стен четко читается строгий ряд оконных проемов без всякой обработки и десятиколонный портал лоджия на главном фасаде.

Вход со стороны бокового фасада оформлен полуциркулярной террасой, огражденной балюстрадой с балюстиками и 8 тонкими колоннами. В целом это здание является примером воплощения классицистических форм каменной архитектуры в дереве.

Очевидно, Злобину принадлежат проекты и других нерчинских жилых домов (41). Сидуты имеют их них обогатились мезонинами, которые нередко подчеркиваются

портниками. Иногда вся стена главного фасада дома скрывается за колониадой. Такова квартира штаб-декара Нерчинских заводов, представляющая собой одноэтажное деревянное здание с 10-колонной галереей. Вход в дом чаще всего был со двора.

Квартиры горнозаводских служащих Катлинано-Воскресенских заводов реже оштукатуривались. Чаще деревянные срубы обшивались тесом, строились на каменных фундаментах. В плане они следовали русской набо: они разделяли горницу и набу с кладовыми холодными помещениями. Дома имели парадное крыльцо, выходящее на улицу. Карнизы обшивались досками. Выходы бревен срубов также покрывались досками, принимая вид примитивных "пиластр". Преобладали прямоугольные оконные проемы, иногда встречались окна с полукруглым завершением (дома для чиновников в Змеиногорском руднике).

Таким образом, жилые здания горных городов и рудников можно разделить на следующие группы:

а) открытые бревенчатые срубы с выходами на фасад врубленных внутренних стен;

б) срубы, обшитые тесом, иногда обшивка имитирует каменный линейный руст.

Если в XVIII в. Алтай использовал опыт Урала и его кадры, то в первой половине XIX столетия развитие уральской и сибирской промышленной архитектуры и городов-заводов шло параллельно, но самостоятельными путями в русле классицизма. Постепенно в архитектурном облике заводских строений стали находить выражение творческие архитектурские индивидуальности. На Урале работал ученик А. Д. Захарова С. Е. Дудин, на Алтае и в Забайкалье - воспитанники Академии художеств и архитектурные помощники К. И. Росси А. И. Молчанов, Я. Н. Попов, Л. И. Иванов, И. М. Злобин.

К заслугам заводских архитекторов принадлежит их стремление к стандартизации и типизации построек: в Горных округах ими были созданы типовые проекты заводских школ, госпиталей, казарм, жилых домов-квартир с учетом сибирских климатических условий. Конструктивные решения фундаментов, стен, покрытий, примененные наряду с деревом новых материалов (кирпича, натурального камня, металла) - все это свидетельствует о непрерывном совершенствовании строительной техники в

сибирских заводах. В лучших образцах промышленного и гражданского зодчества конструктивная форма приобретает эмоциональную выразительность (арка в заводской вахле), широко используется принцип ансамблевости (система площадей исторического центра Барнаула, исторический центр Змеиногорска), плотина, пруд, производственные здания включаются в ансамбль общественного центра городов-заводов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ваклинов, Архитектурный облик русских заводов (XVII-XVIII вв.), С. 10. // Архив Ак. Худ. Ф. 11, Оп. 1, Д. 181.
2. На Тульских заводах впервые на Руси была введена процедура предварительной переплавки железной руды и угля (особый вид желтого блеска к стали). Эти технологические процессы отразились на архитектурном облике заводов: вместо одной избы-домовые комплексы двора с двором и многоый двор. Ваклинов, Указ. соч. С. 14.
3. Карпентные башни в Екатеринбургском, Челябинском, Нижне-Тагильском уральских заводах. Ваклинов, Указ. соч. С. 44.
4. ГААК, Ф. 2, Оп. 1, Д. 5, Л. 208.
5. Там же.
6. ГААК, Ф. 5, Оп. 1, Д. 830, Ф. 2, Оп. 2, Д. 487, Л. 224.
7. ГААК, Ф. 59, Оп. 13, Л. 88.
8. ГААК, Ф. 2, Оп. 1, Д. 64, Л. 333-337.
9. В настоящее время на территории бывшего сереброплавильного завода размещается Барнаульская спичечная фабрика.
10. Прибылова А. М. Первые металлургические заводы на Алтае. // Архитектурное наследие. 1963, № 15, С. 142.
11. ГААК, Ф. 2, Оп. 4, Д. 4903, Л. 183.
12. Прибылова А. М. Указ. соч. С. 142.
13. РГИА, Ф. 468, Оп. 20, Д. 290.
14. РГИА, Ф. 468, Оп. 19, Д. 763.
15. РГИА, Ф. 485, Оп. 5, Д. 460, Л. 4.
16. РГИА, Ф. 485, Оп. 5, Д. 459, Л. 73-74.
17. РГИА, Ф. 485, Оп. 5, Л. 471.
18. РГИА, Ф. 485, Оп. 5, Л. 349, 1828-1851 гг.
19. ГААК, Ф. 5, Оп. 1, Д. 830. Опись казенным постройкам Барнаульского завода. 1786.
20. В сибирских горных, в отличие от европейской, мало стремились по проектам выдвигались талантливые архитекторы. Таким редким примером является каменный Никольский собор в Омске, построенный по проекту В. П. Стасова в 1835-1840 гг.
21. Утвержденные планы городов второй половины XVIII - начала XIX в. были опубликованы в виде чертежей и рисунков в виде приложения к Подому собранию законов Российской империи. (СПб., 1829).
22. Совместительную подготовку они проходили в архитектурном классе Академии художеств. Кабинет не был заинтересован в получении ими диплома свободных художников, поэтому и ставил определенно из замаскированных архитекторов только лишь свидетельство об успехах и поведении во время учебы в Академии художеств.
23. В 1792 г. старое аптечное здание было разобрано. В 1793 г. построено новое по проекту А. И. Молчанова. Первичный облик: флюкс не

сооружения. В 1844 г. она была перестроена по проекту дворянского архитектора Я. Н. Попова.

24. Стены "домовладения" которого, "требуемая из бревен за два пролета" уже не отвечали новым условиям ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 518. Л. 2. Опять каменные строения, принадлежавшие князю и заводу. 1769 - 1773 гг.

25. Петров Василий Петрович (1770 - 1810) - выходец из Петербурга, служивший серено воево Барнаула, Алтайских гор, был избран академиком архитектуры за "Вид Бухаринского рудника". Умер в Барнауле.

26. В 1840-е годы это здание было перестроено Я. Н. Поповым: был убран балкон, задний ряд торцовых окон.

27. ГААК. Ф. 2. Оп. 13. Д. 1111. Л. 9, 29, 40.

28. ГААК. Ф. 165. Оп. 1. Д. 235. Л. 3, 4.

29. Для этой цели были ассигнованы средства в 129700 руб. 63 коп. отчисленные из земской казны. Уманский А. П. Пятилетки культуры Алтай. Барнаул. 1959. С. 128.

30. Балашов С. Н. Архитектура Барнаула. Барнаул. 1974. С. 24.

31. Первоначальный проект поселения был плановый. Фасад - трехдольный, ветхий, был расчленен на три чуть заметных ризалита с расположенными углами. Средний ризалит выделялся треугольным фронтоном. Окон записывались в углубление южной арки с замковым камнем.

В 1819 г. П. К. Фролов расширил и изменил проект дворянского архитектора из 139 бревен. Висюво, А. П. Молчанов делал новый проект.

32. Ледяев К. Ф., Булик А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и доуверенной Кавказской стене. Новосибирск, 1993. С. 146-147.

33. Так как в мемориале обещания упоминался имя Асифии Демидова, то проводя следы здания его "Демидовские слитки", а площадь - Демидовской.

34. Бревна выделаны и обработаны в Кольчанской волости в деревне Беленьской и по плану складывали вниз по Черыну в Обь до Барнаула. Для прочности сооружения при строительстве обещания были применены стандартные слитки каменной. См. Уманский А. П. Указ. соч. С. 138.

35. Барнаул, ул. Ползунова, 37. Построено в 20-х гг. XIX в., возмозжно, по проекту А. Н. Молчанова. Сильно изменено перестройками.

36. Балашов С. Н. Указ. соч. С. 42.

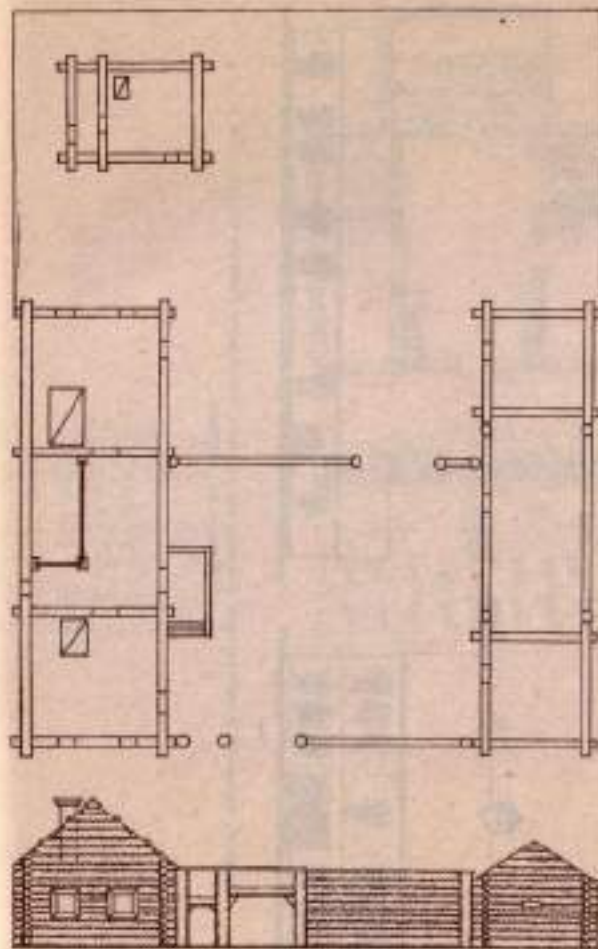
37. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5. Л. 128.

38. ГААК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 42.

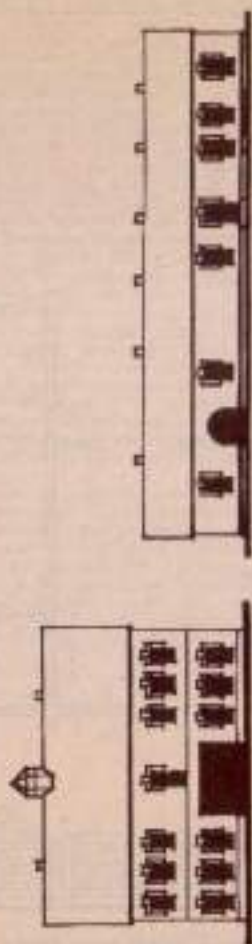
39. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5. Л. 136, 141-143, 144-145.

40. Балашов С. Н. Указ. соч. С. 48.

41. РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 457. Планы и фасады строения Верхинского завода, сооружены в 1823 г., подписаны Зубовым.

План и фасады крестьянской усадьбы конца XVIII в. Кольчано-Воскресенского Горного округа. Публикуется впервые.

Ковшари, мастерские и лаборатория Динского района Алтайского Горного округа. 1826 г.
Публикуется впервые.

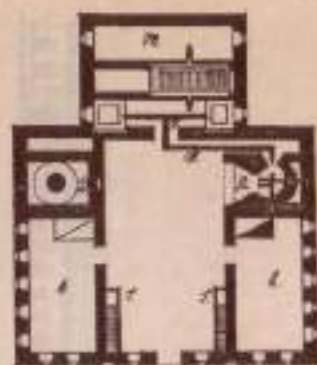
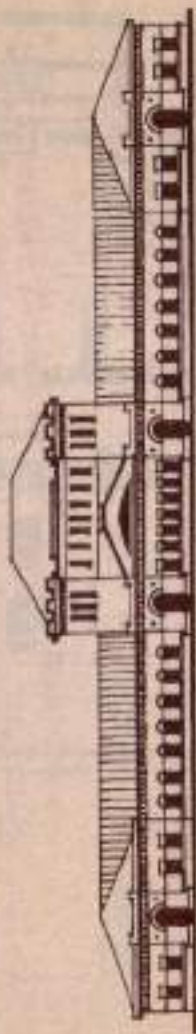

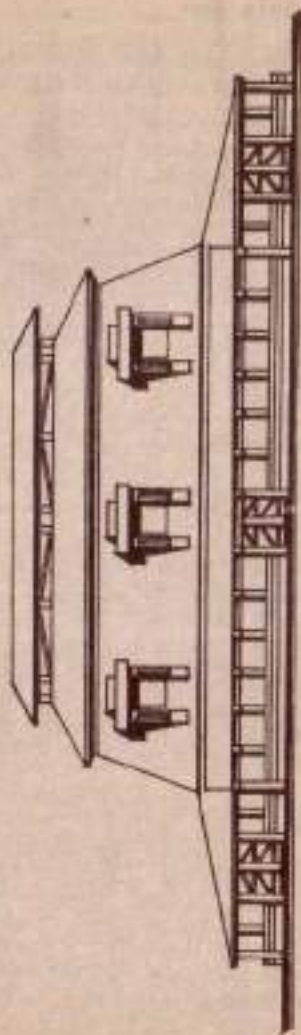
Иллюстрация
 А. Колонны для хранения рыбы и угля
 Б. Кладовые комнаты
 В. Коридор
 Г. Лестница
 Д. Домовые ворота
 Е. Формовые цеха
 Ж. Машинный корпус
 З. Воздухопроводы
 И. Воздухопроводные трубы

Петровский завод Верхнего Горного округа.
План и фасад. 1840-е годы. Публикуется впервые.

Гурьевский завод. Главный фасад. 1842 г.

Петровский завод Нерчинского Горного округа. Фасад. 1797 г. Пуданкунеста архитектор.

ДВА ПАМЯТНИКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЦЕЛИННОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В августе 1918 г. в Причумышье началась мобилизация в Белую армию. Большевики-фронтовики развернули массовую агитацию за бойкот мобилизации и местные крестьяне стали отправлять своих сыновей "в тайгу", чтобы они не попали под мобилизацию. Барнаульский подпольный комитет выпустил листовку, в которой говорилось: "Не давайте сыновей и братьев в армию белых. Не давайте продовольствия и лошадей для белой армии. Не платите налогов...". Развеселись тесть, что в Жудинке член Алтайского губсовдема Г. Ф. Рогов организовал партизанскую группу, разогнал земскую управу и установил Советскую власть. Началась массовое дезертирство. Для борьбы с ним из Тогула в села Причумышья направлялись карательные отряды, которые не только выдвигали дезертиров, но и устраивали расправы над их семьями. От населения требовали сдачи имеющегося оружия, собирали налоги, реквизировали одежду, обувь, продовольствие. Колчаковцам активно помогло кулачество. В селах создавались "охранные дружины". По инициативе попа Дмитрия-Титовской приходской церкви Закуралева образовывались добровольческие дружины "Святого креста". И борьба сразу приняла острый классовый характер.

В селе Чесноково весной 1919 г. под руководством большевиков Швайковского Родиона Ивановича и Грищенко Якова Васильевича (матрос Грищенко был участником Потемкинских восстания на Черноморском флоте) стал организовываться отряд борьбы против белогвардейского прованала.

27 июня 1919 г. в Тогул и Чесноково прибыл карательный отряд для установления "порядка". Кто-то из местных жителей выдал организаторов партизанского отряда. Трое партизан были арестованы. Просветов Алексей Иванович, Ожерельев Михаил Сергеевич, фамилия третьего не известна. Есть версия, что это был связной из Бийска, Швайковскому Родиону Ивановичу и Грищенко Якову Васильевичу удалось скрыться. Арестованных отправили в Поповичевскую волость. По дороге в Поповичево каратели свернули с дороги в лес и стали издеваться

над арестованными. Их секли плетями, солили раны солью, а потом снова секли. Изувеченных их зарубили саблями. Трупы погибших навали через несколько дней, когда они уже начали разлагаться. Лица были изуродованы, выбиты зубы, и у одного из убитых были отсечены уши и нос.

Родственники похоронили погибших на общем кладбище в одной братской могиле. Памятник был поставлен в 20-е годы в форме четырехгранной пирамиды со звездой на шпиле. В начале 30-х годов памятник был каменный, а в 1935 г. сложен из кирпича. Основание в форме куба, на постаменте четырехгранная пирамидка со шпилем, увенчанная красной звездой.

Мемориальную доску установил сын Просветова Алексея Ивановича, записав в имя организатора отряда Швайковского Родиона Ивановича, погибшего позже в борьбе против кулацкого мятежа в бою около села Калтык 26 февраля 1921 г.

Есть на чесноковском сельском кладбище и другая большая братская могила, в которой захоронены жертвы кулацкого мятежа 1920-1921 годов. Кулаки решили расправиться с участниками партизанского движения, был составлен список, по которому должна быть организована "марфоломеевская ночь". Список попал в руки командира отряда Лебедева, который участвовал в кулацком мятеже под лозунгом: "Советы без коммунистов". Его отряд устроил расправу не только с участниками партизанского движения, но и с зажиточными крестьянами села Чесноково и других окрестных сел: Черемшанки, Аныштайки, Локтя, Поповичево, Овсянниково и других. Арестованных привозили в штаб отряда, раздевали, связывали, укладывали на спину и вели к проруби на Черном озере. Там сбивали жертву с ног ударом приклада и спускали в прорубь. Был арестован и Ожерельев Александр Федорович, которому удалось бежать. Он уговорил конвоира проститься с родными. Воспользовавшись второй входной дверью в горнице, он выскочил во двор. Легко одетый, верхом на лошади в морозную февральскую ночь он до скакал до города Бийска и сообщил о расправах в Чесноково командиру 1-го коммунистического полка города Бийска Белову (Ожерельев был в батальоне Белова в отряде Рогова). Белов направил в Чесноково группу ЧОН под командой Карнина Макара Яковлевича и политрука

Васильева. Но лебеденцы разбежались. Лебедев, воспользовавшись оставленными у избышки пасечника лыжами, ушел через Чумыш по согре в направлении села Аныштанки. Отряд ЧОН преследовал лебеденцев. Около села Кыдык произошла решительная схватка, в которой и был смертельно ранен Швайковский. Лебедев был пойман и отправлен в город Байск.

Всего пострадало от рук лебеденцев в селе Чесноково около 80 человек и около половины - жители села Чесноково. Местные жители баграми вылавливали убитых у мельничной плотины, перевозили на сельское кладбище. Трупы увозили домой родственники на окрестных сел. Остальных захоронили в общей братской могиле. Там же захоронены и зажиточные крестьяне, пострадавшие от мародерства, а поэтому памятника не поставили.

В трех километрах от села Чесноково по старой дороге в село Степь-Чумыш на правой стороне ручья Васихи есть братская могила, в которой захоронены два брата Заречевы из села Поповичево, Дзянков, Улупов с сыном и женщина с ребенком. По рассказам жителей села Чесноково, все перечисленные не были партизанами, но в октябре месяце 1919 г. во время карательных вылазок белогвардейский отряд, производя расправы в селах Чесноково и Поповичево, арестовал перечисленных крестьян за сочувствие к Советской власти и погнал в Тогул. Но довели их до ручья Васихи и зарубили саблями. Изрубленные захоронили местные жители на том же месте в братской могиле. Памятника нет. Под обрывом был найден родник, который назван святым, ему дали название "Слезки матери".

Материал записан на основании рассказов Чурчиной М. Т. и Просвета Я. Г. Использован материал госархива Целинного района:

Дело N 33, л. 6, л. 8.

Дело N 30, л. 1.

В МУЗЕЯХ КРАЯ

Г. Д. НЕХВЕДАВИЧОС, С. Д. ВЕДЯНИН

МУЗЕЙ АРХЕОЛОГИИ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Археологический музей - собрание исторических реликвий, где хранятся предметы, относящиеся к культурно-историческому наследию нашего прошлого; собрание древних произведений искусства; научное учреждение, несущее накопленные в веках знания людям.

Указом Петра I от 13 февраля 1718 г. предписывалось во всех любопытных находках докладывать царю и награждать за поиск древностей в своем крае. Позднее указами царя предписывалось гражданским и церковным властям "прежние жалованные грамоты и другие курьезные письма оригинальные" пересмотреть, переписать и доставлять в Сенат и Синод. Тем самым было признано государственное значение местных памятников прошлого, что в дальнейшем поспособствовало созданию общественных и государственных музеев в городах России.

Музей археологии Алтайского государственного университета создан в феврале 1985 г. В основу экспозиции музея легли материалы археологических экспедиций АГУ. Она отражает основные этапы древней истории Алтая от нижнего палеолита до средневековья. Музейные фонды насчитывают более 1 млн. единиц хранения, количество которых ежегодно увеличивается на 40-80 тыс. предметов музейного значения, в том числе и подлинными произведениями древнего искусства.

Экспозицию музея археологии открывает археологическая карта Алтайского края, на которой обозначены древние памятники. С каждым годом, благодаря работам сотрудников лаборатории археологии, выезжающим в разведки, число выявленных памятников постоянно увеличивается. Алтай является одним из богатейших районов России по количеству археологических памятников. На сегодняшний день их известно более 2,5 тыс. Всемирную известность получили древнейшая в Сибири стоянка каменного века Удальника и Пазырыкские курганы, относящиеся к скифскому времени.

В экспозиции музея выставлены кости ископаемых животных: шерстистого носорога, длиннорогого бизона, мамонта, большерогого оленя. Эпоха камня - самый

Рис. 4, 5 - кости; 1, 2, 3 - бронза; 6 - золото.

длительный период в истории человечества. Он начинается около двух миллионов лет назад и заканчивается в пятом-четвертом тыс. до н. э. По технике обработки камня и различным в хозяйственной деятельности первобытного человека эпоха подразделяется на три стадии: палеолит, мезолит и неолит.

Экспозицию каменного века открывает витрина, посвященная неолиту (100-40 тыс. лет назад), на которой представлен материал мустьерских памятников: Томичин-1, Гилсво, Сибирицких и Денисовой пещер. Это нуклеусы, скребла, пластины. Верхнепалеолитические памятники (40-12 тыс. л. н.) - Ушлеп III, Зеленый Пол, Иудычак и др. - представлены кроме каменных изделий костяными предметами - кинжалом из ребра бизона, наконечником копья, костяни со следями работы.

Эпоха мезолита-неолита (VII-IV тыс. лет назад) представлена находками с памятников Комарово, Тытескень II, Усть-Кузин и др. Это сербляки, неолитические пластины, каменные шлифованные топоры, костяной гарпун, ожерелье из зубов благородного оленя, сверла, выполненные из камня, керамика, украшенная гребешчатым штампом, кремневые наконечники стрел.

Костяные крючки, каменные стерженьки, выпрямители древка, костяные гарпуны характерны для эпохи энеолита (III тыс. до н. э.; переход от каменного века к бронзовому). В экспозиции имеются также остроконечные и круглодонные сосуды, относящиеся к афанасьевской культуре.

Наиболее широко в нашем музее освещена эпоха бронзы. Она делится на три этапа: ранняя бронза - елунинская культура (первая половина второго тыс. до н. э.); развитая бронза - андроновская культура (15-12 вв. до н. э.) и поздняя бронза - хорватская (12-8 вв. до н. э.), ирмевская (10-8 вв. до н. э.) культуры. К находкам эпохи бронзы относятся: бронзовые и костяные наконечники стрел, точильные бруски, каменные и бронзовые топоры, бронзовые ножи и проколки, керамические пряслица (утяжелитель для веретена), рыболовные крючки и гарпуны, костяные штампы для нанесения орнамента и застежки. Украшения представлены бронзовыми спиралевидными браслетами (андроновская культура), костяными, каменными и бронзовыми бусами, бронзовыми перстнями. О типе хозяйства говорят такие находки, как

каменные зернотерки, костяные мотыги и бронзовые серпы. Однако основную часть находок эпохи бронзы представляют фрагменты керамики и сосуды баночной и горшковидной формы андроновской, кордакжунской, арменской и других культур, нередко богато декорированные.

Эпоха раннего железного века (VI)-I вв. до н. э. стала на Алтае периодом больших изменений в хозяйственной и социальной сферах. В экономике складывается кочевой тип хозяйства, в общественном развитии начинается период военной демократии. Распространяется скифская триада: единство вооружения, конского снаряжения и своеобразного скифо-сибирского звериного стиля в искусстве. Наибольший след в археологии Алтая периода раннего железного века оставили три археологические культуры: пазырыкская в Горном Алтае, давшая великолепные образцы древнего искусства, большеберезинская и таманская в лесостепном и степном Алтае. Экспозиция раннего железного века занимает третью часть музея. В витринах показаны характерные предметы быта, охоты, скотоводства и земледелия, а также вооружение: бронзовые ножи, костяные и бронзовые наконечники стрел, железные и бронзовые чеканы, керамические пращица, железные удила и псаляги (деталь упряжи). К украшениям относятся браслеты в 1,5 оборота, бусы, выполненные из стекловидной пасты, камня, бронзы, кости; спиралевидные бронзовые серьги и бронзовые перстни. В погребениях раннего железного века находят культовые изделия - каменные курительницы (алтарики), костяные и бронзовые костьяшки - подвески, бронзовые зеркала. К предметам, выполненным в скифо-сибирском зверином стиле, относятся: конский набор, в состав которого входят несколько бабочковидных бляшек, бляшка, изображающие тигра (рис. 1), кабан (рис. 2) и змею (рис. 3); костяная обкладка ножей, украшенная изображениями голов копытных хищников (рис. 4); костяная пластина с изображением оленей в летящем галове (рис. 5), бронзовое стилизованное изображение головы грифона и др.

Сосуды эпохи раннего железа преимущественно баночной и кувшинообразной формы, в том числе кувшины с ушками под венчиком, украшенные жемчужником и слюдой.

На витринах и стендах, относящихся к эпохе средневековья, особого внимания заслуживают железная сабля, бронзовые зеркала и костяные пряжки, богато декорированные бляшки, выполненные из бронзы; железные наконечники стрел, стремени и удила. Украшения представлены бронзовыми перстнями и бусами из стекловидной пасты и камня. К этой же эпохе относятся и каменные статуи, так называемые "каменные бабы", привезенные из Горного Алтая.

Значительный интерес представляют золотые украшения, найденные в погребениях андроновской культуры и могильниках скифского времени. Это золотой дракончик (рис. 6); горный козел, золотые колесообразные и спиралевидные серьги; золотые наконечники в 1,5 оборота, бляшка, изображающая лотос, золотые серьги с подвесками-цепочками и т. д. Все вышеназванные предметы - яркие свидетельства высокого уровня развития ремесла жителей древнего Алтая. Многие находки, содержащиеся в фондах, могли бы украсить экспозицию крупнейших музеев страны.

В музее археологии Алтая производится учет и инвентаризация находок, благодаря чему археологическая коллекция систематизируется, а также становится возможным дальнейшее научное использование фондов. Фонды музея являются базой для учебных занятий со студентами исторического факультета, научной работы преподавателей и сотрудников кафедры, лаборатории археологии. Здесь проводятся семинарские и практические занятия по археологии, музейная практика студентов III курса, готовятся курсовые и дипломные работы. Углубленное изучение отдельных находок логически ведет к обобщениям, к научным публикациям, монографиям.

Сотрудниками музея ведется большая экскурсионная и профорIENTATIONная работа - ежегодно проводится более 250 экскурсий по теме "Древняя история Алтая". В год музей археологии посещает более 6 тыс. человек. Работают археологические кружки, в ходе занятий которых школьники получают необходимые навыки для участия в летних полевых работах. На базе музея археологии читается курс музееведения и проводится практические занятия для учащихся исторического класса, созданного историческим факультетом в школе N 40 г. Барнаула. Многие из школьников, углубленно знакомя-

нились с археологией, получив определенные практические навыки, осознанно становятся студентами исторического факультета АГУ.

Несмотря на то, что учеными АГУ проделана огромная работа по сбору и изучению археологических материалов Алтая, тем не менее, многие страницы древней истории до сих пор остаются "белыми пятнами" и ожидают своих исследователей.

Территория Алтая в древности была местом пересечения, взаимодействия и взаимопроникновения различных культурных, этнических и хозяйственных традиций. В культурно-историческом процессе на юге Сибири, как в зеркале, отразились сложные исторические судьбы народов всего евразийского континента.

О. Н. ТРУЕВЦЕВА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ МУЗЕИ АЛТАЯ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Одно из неистребимых стремлений человечества - познание своего прошлого. История как коллективная память народа неисчерпаема. Она притягивает к себе не только ученых, но и представителей самых разных профессий и званий от школьника-кладовщика до министра-мецената. Историческое сознание (а иногда и подсознание) людей обеспечивает практически неиссякаемый поток энтузиастов, стремившихся познать прошлое своего края.

Уже в 1921 г. сразу же после окончания гражданской войны была созвана I Всероссийская конференция по краеведению, принявшая решение о создании Центрального бюро краеведения (ЦБК). Именно в 20-е годы в стране отмечался бурный рост государственных краеведческих музеев, которые, наряду с функцией сохранения и пропаганды памятников истории, одновременно выполняли общеобразовательную и просветительскую роль, что в значительной мере обеспечивало мощный приток в среду краеведов представителей самых разных слоев общества. Так, в 1921 г. в селе Черный Ануй Горно-Алтайского уезда был создан один из первых на Алтае народных музеев (1).

Однако развитие историко-краеведческого движения, как, впрочем, и всей страны, не было безоблачным. Причем, тяжелые материальные условия, нехватка квалифицированных музейных работников были далеко не определяющими факторами постепенного свертывания массового движения в 30-е годы. Партийно-государственная политика, направленная на ликвидацию подлинно демократических основ общественной жизни, массовые репрессии, формирование ограниченного исторического сознания, основанного на идеализированном толковании фальсифицированных фактов, привели к ослаблению работы по написанию истории фабрик и заводов, начатой по инициативе А. М. Горького; прекращению деятельности краеведческих обществ и кружков. Местные добровольные организации краеведов были вначале заменены административными органами, а в 1937 г. и вовсе ликвидированы, вслед за ЦБК (2).

Война, трудности восстановительного периода не оставляли надежд, а главное материальных и кадровых ресурсов для развития исторического краеведения. Главные задачи этого периода применительно к музейному делу заключались в сохранении, восстановлении исторических памятников и их хранилищ.

Только со второй половины 50-х годов - начала 60-х начинается массовое возрождение интереса к прошлому родного края. Основные предпосылки этого процесса - улучшение материального положения народа; введение пятидневной рабочей недели; демократизация общественной жизни, идеологическая установка на "воспитание нового человека", провозглашенная в Программе КПСС, принятой на ее XXII съезде.

В новых исторических условиях, как и в 20-е годы, возрождение историко-краеведческого движения связано, в первую очередь, с деятельностью государственных музеев. Общественные, или как их тогда называли, "народные" музеи были единичны. В Алтайском крае были известны сельские музеи Родинского, Ребрихинского и Павловского районов, созданные в 1957-1959 годах.

Активная поддержка историко-краеведческого движения со стороны партийных и государственных органов, общественных организаций привела в 60-е годы к значительному росту сети общественных музеев. Уже в 1966 г. органы культуры Российской Федерации зарегистрирова-

ли на территории республики свыше 300 музеев. На Алтае в этот период насчитывалось более 100 общественных музеев (3).

Необходимо отметить, что достоверность многих статистических данных по общественным музеям вызывает серьезные сомнения. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, общественные музеи не регистрируются органами государственной статистики. Во-вторых, отсутствуют четкие критерии, позволяющие отделять музеи от комнат, уголков боевой и трудовой славы. В-третьих, продолжительность существования некоторых музеев измеряется несколькими годами, а то и месяцами. В-четвертых, далеко не все музеи проходят паспортизацию; одновременно учета зачастую сталкивается с житейскими обстоятельствами (длительная командировка или болезнь руководителя) или отсутствием элементарной исполнительной дисциплины со стороны работников районных отделов культуры, пренебрежительным отношением руководителей музеев к паспортизации ("бумажная волокита") и др.

Тем не менее, сопоставление данных по различным источникам позволяет представить общую динамику формирования сети общественных музеев в Алтайском крае. Если в конце 60-х годов насчитывалось около 100 музеев, то к концу 80-х их число увеличилось до 156, т. е. возросло приблизительно в 1,5 раза (4).

Динамика развития сети общественных музеев имеет одну примечательную особенность: определяющим фактором образования новых музеев являются юбилейные исторические даты. Эту особенность можно проследить на материалах Алтайского края и Новосибирской области (5).

Пики активности по созданию новых музеев приходится на юбилей Победы в Великой Отечественной войне и Великой Октябрьской социалистической революции. Само по себе это явление закономерно и не несет негативной нагрузки, если не превращается в идеологическую кампанию. К сожалению, можно привести десятки примеров, когда созданные наспех к юбилею музеи вскоре закрывались и, что самое страшное, оставаясь без присмотра, зачастую утрачивались многие ценные исторические памятники. Так на Алтае прекратили свое существование созданные к юбилейным датам музеи истории пионерской и комсомольской организаций края, народный

музей советско-монгольской дружбы школы № 38 г. Барнаула, большинство школьных ленинских музеев.

Важным показателем, характеризующим качественные аспекты формирования сети общественных музеев, является их переход в государственный статус. За период с 1960 по 1989 гг. 57 общественных музеев Западной Сибири были переведены в государственную музейную сеть. Динамика этого процесса наглядно проявляется в таблице (6).

Таблица 1

Количество общественных музеев Западной Сибири, переведенных в государственную музейную сеть 1960-1989 гг.

Годы	Алт. край	Ке- мер. обл.	Новосиб. обл.	Омск. обл.	Томск. обл.	Тамб. обл.	Итого
1960-65		1					1
1966-70		2					2
1971-75	1	1		2	1		5
1976-80		1	1	1	-	1	4
1981-85	2	2	3	-	3	1	11
1986-89	10	7	7	4	2	5	35
							Всего: 57

Цифры, приведенные в таблице, убедительно показывают тенденцию непрерывного прогрессирующего возрастания числа общественных музеев, которые постоянно пополняют свои фонды историческими памятниками, расширяя просветительскую работу по их пропаганде, совершенствуя познания в области музееведения, перерастают рамки народных музеев, требуют государственной заботы, больших материальных затрат, квалифицированного и постоянного присмотра. Алтайский край занимает в таблице лидирующее положение, что свидетельствует о внимании управления культуры, районных отделов культуры, местных органов власти к нуждам музеев.

Необходимо отметить, что эта тенденция привлеклась практически во всех областях Западной Сибири. Причем, наиболее интенсивно в 80-е годы и особенно в их второй половине. Если за период 1960-1980 гг. государственный статус получили 12 музеев, то только за последнее десятилетие это число увеличилось более чем в 4 раза. Это свидетельствует о том, что количественные изменения,

связанные с общим ростом числа общественных музеев, привели к изменениям качественным, позволявшим им подняться на более высокий уровень деятельности.

Типичным примером эволюции общественного музея является становление и развитие Волчихинского районного краеведческого музея. Собранный энтузиастами-краеведами материал по истории родного поселка позволил в 1965 г. открыть музей на общественных началах. Целеустремленная кропотливая работа активистов (краеведом Алтай хорошо известно имя создателя музея, кавалера ордена Трудового Красного Знамени, заслуженного учителя РСФСР В. М. Комарова), поддержка со стороны местных советских и партийных органов, выделение музею здания, средства для оформления экспозиций позволили музею вскоре получить название народного. В 1988 г. он был переведен в государственную музейную сеть, стал одним из лучших филиалов Алтайского краевого краеведческого музея.

Подобный путь прошли Новоосарьевский, Заринский, Змеиногорский, Доктевский, Новоалтабский, Косихинский, Чарышский, Угловский, Шипуновский, Благовещенский, Михайловский и др. музеи. Всего на 1 января 1993 г. в статус государственных переведено 19 общественных музеев Алтайского края.

Важной характеристикой сети общественных музеев является профиль их деятельности. Под профилем в музееведении принято понимать отношение музея к основной (профильной дисциплине) или комплексу наук, виду искусства, отрасли общественного производства. Понятие профиля включает также хронологические, территориальные границы, в которых проводится музеем документирование общественных явлений.

Удельный вес музеев того или иного профиля в музейной сети, его изменения определяются конкретно историческими условиями и являются своеобразной визитной карточкой времени. Это обстоятельство особенно ярко проявляется применительно к сети общественных музеев в силу их меньшей, в сравнении с государственными, рекламитаваемости, меньшей "продолжительности жизни", меньшей стабильности, большей зависимости от политической и идеологической конъюнктуры.

В литературе, посвященной проблемам деятельности общественных музеев, было немало попыток их типоло-

гизации по профилю. Однако в большинстве своем они следовали классификациям, принятым в типовых положениях об общественных музеях 1963 и 1978 гг. (7) Выделяются историко-краеведческие музеи следующих профилей: исторические, краеведческие, революционной, боевой и трудовой славы, мемориальные, археологические, музеи предприятий.

Безусловно, все перечисленные виды музеев в практике встречаются, однако очевидно и другое: подобные классификации не могут рассматриваться как научные постольку, поскольку ни одна из них не указывает основание деления, что приводит к смешению понятий, не позволяет установить логически обоснованные связи между различными типами музеев. Анализ сети общественных музеев Западной Сибири позволил разработать их типологию по предмету комплексования, изучению и пропаганде исторических памятников.

Необходимо подчеркнуть, что мы рассматриваем только историко-краеведческие музеи, т. е. такие музеи, деятельность которых связана с изучением истории родного края. Анализ совокупности историко-краеведческих музеев в Западной Сибири позволил выделить следующие основные типы:

- историко-краеведческие музеи комплексного характера, в которых наряду с прошлым родного края изучаются его природа, этнография, хозяйство, культура;
- краеведческие музеи исторического профиля, основным предметом деятельности которых является прошлое края, района, города, села, предприятия и т. п.

Однако двузначное деление не позволяет выявить особенности развития музеев, их социальные, политические, идеологические факторы. Поэтому целесообразно дальнейшее деление второго типа на подтипы:

- музеи истории местности и поселений (края, области, района, города, поселка, села);
- музей истории предприятий (заводов, фабрик, колхозов, совхозов, учебных заведений и др.);
- музеи истории государственных органов (милиции и др.);
- музеи истории отраслей народного хозяйства (горнодобывающей, нефтегазовой, сельского хозяйства, образования, здравоохранения);

- музей истории воинских формирований в их боевого пути (армии, полков, корпусов, дивизий местного формирования);

- музей истории общественных организаций (кооперации, ДОСААФ и др.);

- музей отдельных периодов истории, выдающихся событий (революций, Великой Отечественной войны, освоение целины и др.);

- музеи выдающихся деятелей, знатных земляков.

Сравнительный типологический анализ сети общественных музеев Алтайского края и Новосибирской области, проведенный на основе изучения единовременного паспортного обследования 1978 г., позволяет сделать следующие основные выводы:

- во-первых, "классические" типы историко-краеведческих музеев составляют более трети от общего числа;

- во-вторых, доминирующим типом музея в Новосибирской области является музей предприятия (42%), что может быть объяснено наличием крупных промышленных предприятий, особенно в областном центре. Специфика Алтайского края (64 сельских района против 30 в Новосибирской области) проявляется в большей доли музеев истории района, села (26,6% и 8% соответственно);

- в-третьих, музеи, раскрывающие отдельные периоды истории, составляют 16% и 14%;

- в-четвертых, в Алтайском крае более широко, чем в Новосибирской области, распространены музеи истории воинских формирований (11,4% и 4,0%) и музеи биографического характера (10,1% и 0%);

- в-пятых, музеи истории государственных органов, отраслей народного хозяйства, общественных организаций занимают незначительное место в сети общественных музеев.

И еще один вывод, требующий особого внимания: только 15% музеев Алтайского края и 26% Новосибирска проявили интерес к дореволюционному периоду истории родного края, что в целом отражает идеологические перекосы в формировании исторического сознания наших сограждан.

Отсутствие достоверных данных не позволяет проследить историческую динамику формирования сети общественных музеев. Для этого необходимо осуществить всеобщую паспортную проверку музеев и желательна на основе

унифицированных единых бланков. Использование разработанного нами бланка паспорта позволяет усовершенствовать систему количественного анализа деятельности общественных музеев. Будучи дополненным единовременным экспертным опросом руководителей общественных музеев, этот анализ может обогатиться субъективными качественными показателями. Оба эти документа были внедрены в Алтайском крае в 1991 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ермаков Д. И. Из истории собрания памятников Октябрьской революции и гражданской войны на Алтае // Гражданская война и партизанские движения в Алтайском крае. - Барнаул, 1980. С. 120.

2. Актуальные вопросы деятельности общественных музеев. - М., 1980. С. 8.

3. ГААК. Ф. 1. Оп. 117. Д. 275. Л. 121; Ф. 1. Оп. 119. Д. 92. Л. 20-26.

4. ТА Алтайской краевой станции юных туристов. 1989.

5. Подсчитаны автором по паспортным данным музеев, обследованных в 1978 г. ТА Алтайского краевого краеведческого музея, ГАИО. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 1612. Л. 1-152.

6. Таблица составлена по: Вайль Л. Е. Общественные музеи в системе музеев РСФСР. // Актуальные вопросы деятельности общественных музеев. - М., 1980. С. 31-32; ГАКО. Ф. 2-786. Оп. 1. Д. 439. Л. 155-156, Д. 280. Л. 557; 68-69, Д. 301. Л. 78; Угловская газета. 1965, 1 мая; ГАИО. Ф. 4. Оп. 96. Л. 43; ГАИО. Ф. 2111. Оп. 1. Д. 314. Сб. 48. Л. 121, 124-125; Д. 685. Сб. 101. Л. 105-111; Омские врата. 1980. 12 нояб.; 1983. 21 июня; ГАИО. Ф. 18. Оп. 1. Ед. кр. 154. Л. 280, 42-97; Краевые знамя. Томск, 1990, 1 июля; Томская правда. 1981, 17 мая; Томский комсомолец. 1982, 26 февр.

7. См.: Типовое положение о народном музее. // В помощь народным музеям. - М., 1976. С. 71; Типовое положение о музее, работающем на общественных началах. - М., 1915. С. 186-187.

Г. Е. ИВАНОВ

МУЗЕЙ ИСТОРИИ СЕЛА ЧЕРНАЯ КУРЬЯ: ОБЗОР ЭКСПОЗИЦИИ И ФОНДОВ

Музей истории села был открыт в с. Черная Курья Мамонтовского района в 1981 г. Его созданию предшествовала многолетняя работа автора по сбору коллекций археологических, этнографических материалов и документов, связанных с историей села и его уроженцами. Однако музей в его теперешнем виде никогда не смог бы состояться без очень активной поддержки инициативы его создания бывшим секретарем Мамонтовского РК КПСС Н. И. Морозовым и бывшим директором совхоза "Чернокурьянский" П. Ф. Мителевым, а также без искренней заинтересованности в его существовании жителей села.

Совхозом было выделено под музей помещение бывшего маслозавода - первое кирпичное здание села. Был проведен его капитальный ремонт с заменой крыши, оконных и дверных блоков, потолочных перекрытий и пола. Существовавшие внутренние перегородки снесены и поставлены новые в соответствии с предложенным нами планом размещения экспозиции. В здании смонтировано водное отопление с электрочилком. Снаружи музей покрыт тонированной штукатуркой "под шубу" и обнесен металлической изгородью.

Все расходы по ремонту, обеспечению необходимыми материалами, оформлению экспозиции и дальнейшему содержанию музея (ставка сотрудника, плата за отопление, расходы на создание вспомогательного фонда и т. д.) производились за счет совхоза. Экспозицию по плану и под руководством автора оформил профессиональный художник В. Гончаренко. С момента начала ремонта здания и до открытия музея прошло около года.

Здание музея состоит из трех экспозиционных залов, фондохранилища и небольшого помещения котельной, где установлен электрочилком. Экспозиционные залы соединены между собой вкрутовую, фондохранилище и котельная отделены от них коридором, в который можно войти как из музея, так и через отдельный вход.

Первый зал посвящен истории села с древнейших времен и до 1917 г. Экспозиция начинается с раздела "Древнейшее прошлое села", в котором представлены археологические находки с территории села и его окрестностей, охватывающие огромный период от палеолита до позднего средневековья, в течение которого эти места были заселены практически непрерывно.

Археологическая коллекция, положенная в основу раздела, формировалась с 1966 г. Вначале это были сборы автора (часть их хранится в фондах АККМ (1), а с 1979 г. она пополняется материалами разведок и раскопок на территории Мамонтовского и Новичихинского районов, проводимых кружком "Юный археолог" под руководством автора. За это время здесь выявлено 133 археологических памятника, некоторые из них частично исследованы, а материалы введены в научный оборот (2). Составлена археологическая карта района (3). Собранные материалы насчитывают несколько тысяч единиц хранения.

Особого внимания среди них заслуживают многочисленные коллекция каменных орудий с поселений финаль-

ного неолита - эпохи ранней бронзы на острове оз. Горького, материалы раскопок поселений эпохи позней бронзы Калиновка 2,4, Суислово 1, Курейка 3, Крестьянское 9, раннего железного века - Островное 3, Крестьянское 3, Бочаница 1 и др. В фойеях и в экспозиции представлены и материалы других эпох (рис. 1).

В экспозиции находки систематизированы по археологическим культурам, даны их датировки, а в аннотациях - краткая характеристика культур. Представлены археологическая карта окрестностей села, художественные реконструкции использования орудий труда (ножевидных пластин, серпютерия, скребка, тесла, ручной мельницы), костные останки бизона сопровождаются его рисунком, а древние сосуды - прорисовками орнамента. Здесь же помещены фотографии археологических памятников различных эпох, наглядно демонстрирующие зависимость выбора места для поселения от характера хозяйства оставившего его населения.

Следующий большой раздел первого зала рассказывает об истории села, быте и культуре его жителей с момента основания Черной Курьи и до 1917 г.

По материалам ГААК достоверно установлено, что село было основано по распоряжению управляющего Вурнова от 18 июля 1802 г. N 1172 четырьмя семьями из близлежащих сел района: Ф. Шаравиным из деревни Парфеновское Зимовье (сейчас с. Калиновка), С. Шестаковым из д. Суислово, И. Шаравиным и С. Дюбосым из д. Островной, и называлось тогда деревней при Черной Курье (4). В момент переселения в семьи первопоселенцев насчитывалось 15 "душ мужского пола". Проанализировав материалы ревизии Причерной Курье от 25 мая 1834 г., в которой зафиксированы уже не только "души мужского", но и "женского пола" (5), нам удалось составить поголовье списка всех жителей села на протяжении первых 32 лет его существования. За это время его население выросло всего на пять человек, причем к первопоселенцам прибавился в 1821 г. лишь семья В. Захарова из д. Бородавковой, тогда как три семьи из деревни уехали.

Очень перспективным и реальным, хотя и очень трудоемким направлением работы могло бы стать продолжение этих списков дальше, вплоть до наших дней, что позволило бы не только воссоздать историю каждой семьи, жившей когда-либо в селе, но и было бы небезынтересно с точки зрения изучения миграций, продол-

жизнелюбия, жизнелюбия и состава семей сельского населения Алтая в XIX-XX вв.

На представленной в экспозиции диаграмме динамики роста населения Черной Курьи как в целом, так и отражены все те социальные потрясения, которые выпали на долю русского крестьянства в XX в. Если в XIX в. прирост населения был очень медленным (1834 г. - 22 чел.; 1851 г. - 95 чел.; 1882 г. - 92 чел.; и к 1885 г. в селе было всего 27 дворов (6), то к 1917 г. в результате переселения крестьян из центральных областей России в годы столыпинской аграрной реформы население выросло до трех с лишним тысяч человек, превысив численность населения волостного села Бутырское. В 1926 г. в селе было 592 хозяйства, в которых проживало 3258 человек. Коллективизация, индустриализация, война и бесконечные реорганизации колхозов, ликвидация "неперспективных" деревень (в состав Чернокурянского сельского Совета входило два небольших поселка, образованных в конце 20-х гг. высланными из села коммунарами и сейчас уже не существующих) привели к массовому оттоку крестьян из села, и к моменту восстановления здесь самостоятельного хозяйства (совхоза) в 1973 г. его население составляло менее 1000 человек.

В экспозиции представлена справка, с научной точки зрения объясняющая происхождение названия села (7). В народной этимологии даже старожилы название связывают с деятельностью демидовских углежогов, "куряншино", якобы, здесь древесный уголь для заводов. Слово "курья" в значении "река, завод, старина" совершенно забыто, зато прекрасно подтверждается топографией села. Здесь же - рассказ об основателях села, этапах его заселения, о жизни и быте крестьян до революции. Отдельные витрины этого раздела посвящены орудиям труда (экспонируется подлинный цеп, мялки для льна и конопля, продольная пила, орудия скорняка, сапожника, печника, плотника, прядка, дощала, берда, рыболовные костяные и керамические грузила для сетей и т. д.), быту (самозары, рукомойники, коллекция глиняной и фарфоровой посуды, вышивок, демотканых холстов, опомок, тканые праздничные вожжи, инури, кресало, рубель в складку, различные женские украшения и предметы туалета), культуре (газеты "Современная летопись", открытки времен русско-японской войны). Специальный раздел отведен истории русской денежной системы XX в.

В дальнейшем совершенствовании этих отделов экспозиции может вылиться в создание интерьера русской крестьянской избы конца XIX - начала XX века.

Второй зал посвящен истории села в 1917-1945 гг. Представлены списки, фотографии, документы, личные вещи, оружие партизан армии Мамонтова, серия уникальных фотографий о созданной в конце 20-х годов коммуне "Союз", материалы о первых колхозах и сельских активистах 30-х годов.

Основная часть экспозиции зала рассказывает об участии односельчан в Великой Отечественной войне. Около 300 жителей села в годы войны ушли на фронт. По имеющимся в музее сведениям, 158 человек вернулись после победы, 206 - остались на полях сражений. В экспозиции представлены списки, фотографии, документы погибших. Особый интерес вызывает пробитое пулей удостоверение к медали "За оборону Ленинграда" красноармеец Н. Уфимцев.

Многолетняя работа по сбору материалов об участниках войны, вернувшихся с нее, завершилась созданием большой галереи из фотопортретов. В витринах этого раздела выставлены награды, документы, личные вещи, оружие времен войны. Отдельные стенды посвящены Героям Советского Союза Н. С. Шевелеву и И. Н. Черникову, родившимся в нашем селе. Музей располагает богатой коллекцией их фотографий, наград, воспоминаний. В отдельной витрине экспонируется подлинная карта Берлина, которой пользовался в боях за этот город комбат - танкист, кавалер орденов Суворова, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды капитан А. Кулаков. Здесь же врученные ему благодарности Верховного Главнокомандующего, вырезки из газет, рассказывающие о его боевом пути от Сталинграда до Берлина.

Третий зал рассказывает о слиянии двух сел. Демонстрируются материалы, связанные с историей совхоза, его лучшими людьми, с культурой и бытом села. Отдельный стенд посвящен Герою Социалистического Труда, кавалеру трех орденов Ленина бригадир П. Д. Германову.

Значительное количество материалов по всем этим разделам хранится в фондах музея.

За годы существования музея его посетили тысячи человек. Многие из них оставили теплые записки в книге отзывов, некоторые стали его пропагандистами и активными помощниками в сборе материалов. Деятельности

музея и тесно связанного с ним археологического кружка посвящены специальные публикации (8), статьи и заметки в краевой и районной печати (9). Однако в конечном счете смысл работы не сводится к ее оценке. Мы видим его и выполнении, по мере возможности, трех тесно связанных между собой задач: собирательской (сохранить от гибели предметы и документы прошлого; создать банк данных, могущих стать предметом серьезных научных исследований по истории, археологии, этнографии); научной (обработка и ввод в научный оборот собранных материалов; разработка современной модели небольшого сельского музея); пропагандистской (показать место и роль простого человека в глобальных исторических процессах; пробуждать интерес к истории человечества через историю рода, села; на примерах микросторических процессов раскрывать понимание прогресса в развитии человеческого общества; воспитывать нравственную оседлость; выработать стремление к сохранению памятников истории, археологии и культуры, убедить в их непреходящей ценности для нынешнего и будущих поколений).

В условиях сегодняшнего дня реализация этих задач кажется утопией. Однако не хлебом единым жив человек. Сейчас музей истории села передан на баланс сельского Совета. Весной этого года в нем полностью заменено отопление, ведется косметический ремонт, на очереди — очень серьезная реконструкция экспозиции. Сессия сельского Совета единодушно высказалась за то, что несмотря на все трудности музей необходимо сохранить и финансировать. Может быть, какие-то из задач уже и выполнены?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. АККМ, фонд NN 12580, 12592, 13178.
2. Иванов Г. Е. К археологической карте верхнего реч. Касказа и Барнаула. // Археология и этнография Алтая. — Барнаул, 1982. С. 24-52; Он же. Раздел в степной части Алтая. // АО 1981. — М. 1983. С. 108-199; Он же. Вооружение древних лесостепных Алтая в раннем железном веке. // Военное дело древнего и средневекового населения Средней Азии. Новосибирск, 1987. С. 6-27; Он же. Бронзовый наконечник дротики с поселения Курейка 3 (степной Алтай). // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 128-136; Он же. К вопросу об искусственной и освоенной хронологии памятников с каменной керамикой степного Алтая. // Хронология и культура прикладности памятников каменного и бронзового века Южной Сибири. (ТДК) Барнаул, 1988. С. 101-104; Абдулганов М. Т., Алескин Ю. П., Иванов Г. Е., Кувшинов А. Д. и др. Работы Алтайского университета. // АО. 1986. М. 1988. С. 202-206; Иванов Г. Е. Некоторые итоги изучения археологических памятников в зоне алтайских степных бор. // Археологические

- исследования в Сибири (ТДК). Барнаул, 1989. С. 23-26; Сомбратов В. П. Характеристика каменной индустрии эпохи фазового перехода — раннего металла степного Алтая. // Вопросы археологии Сибири. С. 27-29; Иванов Г. Е. Палеолит Крестянского 9 — памятника финишной бронзы степного Алтая. // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 86-103; Кувшинов Ю. Ф., Иванов Г. Е., Уткин В. С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая. // Проблемы археологии и этнографии. С. 104-128; Иванов Г. Е. Опишем планы и пути движения вооружения племен Верхнего Приобья и Т. тыс. до н. э. // Военное дело древнего и средневекового населения Северного и Центрального Алтая. Новосибирск, 1990. С. 10-19; Он же. Керамика второй половины I тыс. до н. э. с поселения степного Алтая. // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 74-78; Он же. Пасадань. Боманино 1 — памятники Кулайской культуры в степном Алтае. // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 117-120; Он же. Сферическая керамика с поселения Остронос 3 (степной Алтай). // Проблемы хронологии и этнографии археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 118-119; Он же. Комплекс археологических памятников у пос. Шинтово. // Охрана и изучение историко-культурного наследия Алтая. (ТДК). Барнаул, 1992; Он же. Два поселения эпохи поздней бронзы в степном Алтае (в печати); Он же. Новые находки оружия раннего железного века в степном Алтае (в печати).
3. Иванов Г. Е. К археологической карте. — С. 24-52.
 4. ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1216. Д. 50.
 5. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 102. Д. 234-234.
 6. Список населенных мест Томской губернии. // Памятная книжка Томской губернии на 1885 г. Томск, 1885. С. 53.
 7. Духован А. П. Древнее население Золотой Сибири. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 266; Уткин В. С. Общественный быт населения. // Алтай. 1971. N 4. С. 117; Руден М. Ф., Малозетов А. М. Географические названия Западной Сибири. Томск, 1986. С. 34.
 8. Иванов Г. Е. Археологический кружок в сельской школе как просветительская и обучающая организация. // Вопросы методики работы школьных археологических кружков. Новосибирск, 1990. С. 18-26; Иванов Г. Е., Сомбратов В. П. Работа по охране и пропаганде археологических памятников в сельской школе. // Охрана и исследование археологических памятников. — С. 138-140; Шанин А. В. Археологические памятники Алтая: их составные и терра. // Вопросы Алтайской краевой краеведческой ассоциации. Барнаул, 1990. С. 37; Кувшинов Ю. Ф., Шанин А. В. Новые археологические научные памятники древности и раннего века лесостепного и степного Алтая. // Алтайский сб. Вып. XV. Барнаул, 1992. С. 207.
 9. Манюк В. Червокуратские археологи. // Алтайская правда. 1982. 6 июля.
 - Крюков И. Археологические разведки. // Алтайская правда. 1984. 6 октября.
 - Манюк В. Находки памятников археологии. // Алтайская правда. 1985. 24 ноября.
 - Крюков И. Путешествие в бронзовую век. // Алтайская правда. 1987. 19 сен.
 - Иванов Г. Поездка в глубины степи. // Свет Октября. 1981. 4 июля.
 - Дубинская З. В. С любовью к родному краю (памяти). Мамонтово, 1982 и др.

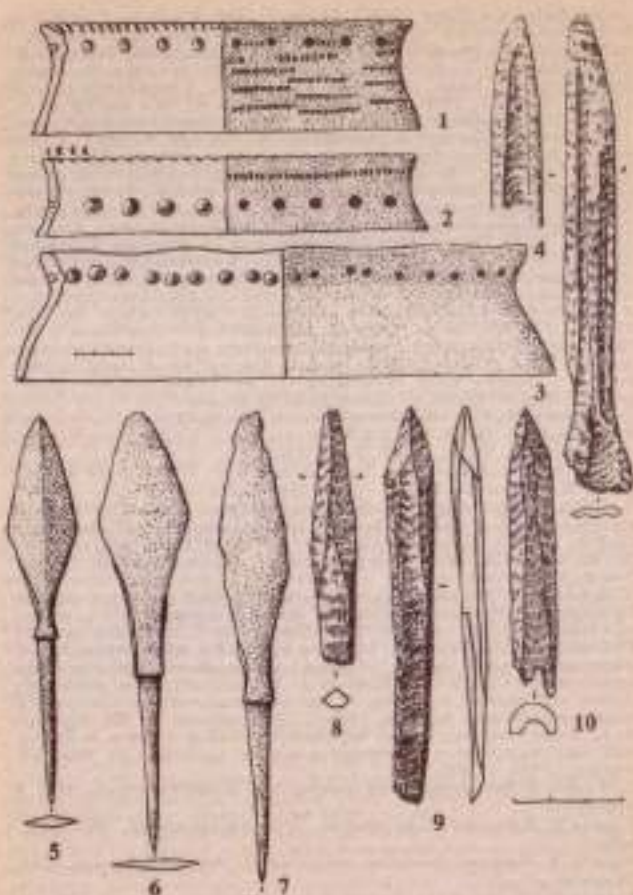

Рис. 2. Некоторые находки М. Д. Кинькина: 1-3 - пос. Визоревка; 4-7 - пос. Берёзове; 8-10 - с. Вяткино (1-7 - средневековые; 8-10 - ранний железный век).

КРАЕВЕДЫ АЛТАЯ

В. Ф. ГРИШАЕВ
АРТЕЛЬ "КРАВЕД"

Наверно, это была единственная на свете артель, члены которой занимались не производственной деятельностью, а... краеведением. И существовала такая артель у нас, в Барнауле.

В начале 20-х годов участники революции 1905 г. ("пятогодники") самоорганизовались в группу содействия губистарту (1). Они собирали материалы по истории революционного движения и гражданской войны на Алтае, писали воспоминания и с пристрастием обсуждали их прежде, чем передать по назначению. На такие обсуждения собиралось по 30-40 человек и более. Но большинство "пятогодников" было уже в преклонном возрасте, с подорванным в тюрьмах и на каторге здоровьем, а наиболее активные - вообще глубокими инвалидами: Петр Николаевич Тузовский - слепой, Порфирий Евгеньевич Семьянов с трудом передвигался на костылях (во время черносотенного погрома в 1905 г. ему повредили позвоночник), у Николая Трофимовича Изюмченко была парализована правая часть тела. Словом, собраться вместе им было нелегко, и "пятогодники" обратились к городским властям с просьбой сдать в аренду дом известного барнаульского просветителя В. К. Шильке. Им охотно пошли навстречу: работу их ценили и были заинтересованы в ее продолжении.

Дом В. К. Шильке (ул. Короленко, 100) был уже не нов, но по-старинному просторен. Его жилая площадь составляла 524,5 кв. м да флигель во дворе - около 123 кв. м. О передаче дома было объявлено 19 декабря 1925 г. на торжественном заседании, посвященном 20-летию революции 1905 г. (2). А 22 декабря "пятогодники" организовали артель "Краевед". О ее целях и задачах в уставе было сказано так:

"а) собирать материалы для всестороннего изучения Алтайского края и сопредельных с ним мест;

б) по мере возможности обрабатывать собранный материал и распространять его;

в) заботиться о поддержании в местном обществе интереса к исследованиям Алтая".

Между прочим, первые два пункта были дословно переписаны из устава "Общество любителей исследования Алтая", созданного в Барнауле в 1891 г.

Старостой артели был избран П. Е. Семьянов, почетным старостой - П. Н. Тузовский. Об этих людях, пожалуй, стоит немного рассказать.

Порфирий Евгеньевич Семьянов (1878-1938) родился в поселке Гурьевского железнодорожного завода, в семье мелкого горнозаводского служащего. По окончании Барнаульского окружного училища (1897) служил помощником межевщика, топографом в отделе землеустройства Алтайского округа. В 1905 г. в связи с тяжелым заболеванием внутренних органов (вдобавок его изувечили черносотенцы) перешел на работу, не связанную с разъездами: чертежником в Главном управлении округа, статистиком в кредитной кооперации, губернадоме (1920), губфинотделе (1924).

Революционной деятельностью, по его словам, начал заниматься с 1895 г., с появлением в Барнауле рабочих кружков. В июне 1905 г. вошел в состав первой подпольной группы РСДРП, вскоре преобразованной в комитет, ведал там работой среди крестьян. (Почему-то в нарстаж это ему не зачло: в 1932 г. он числился еще кандидатом в члены ВКП (б)).

Почти лишенный способности передвигаться, с усиливающейся атрофией мускулатурной системы, он с середины 20-х годов целиком отдается краеведению, поражая товарищей необыкновенной работоспособностью. Круг его интересов довольно обширен: революционное и профсоюзное движение, история горнозаводского производства, школьное дело в Сибири и т. д. К сожалению, ряд его работ (большинство их осталось в рукописях) не свободны от фактических ошибок; оказалась, видимо, торопливость и недостаточная подготовленность.

Семьянов брал на себя смелость править воспоминания других "пятигодовиков". Следы его правки, как ни странно, есть даже на... проекте "огненной" машины Подлунова. Снимки для кого-то (чего-то) копию (текст проекта обведен карандашом), он заменил некоторые слова другими, вставил ряд новых. Краевед Н. Я. Савельев на страницах своей книги "Механикус Подлунов" выразил возмущение действиями неизвестного правщика, но "вы-

числять" его почему-то не смог, хотя отменно красивый почерк Семьянова не спутаешь ни с чьим другим.

В автобиографии Семьянов указывает, что работал в архиве еще до революции, "извлекал массу ценных материалов, часть передавал Н. С. Гуляеву, Г. Н. Потоянцу, В. В. Радлову, часть помещал в журналах и газетах без подписи или под разными псевдонимами".

Петр Николаевич Тузовский (1886 - после 1941) - из семьи горнозаводского мастера, маляр; за участие в революционном движении подвергался репрессиям в Томске, Иркутске, Барнауле. В 1919 г., находясь в барнаульской тюрьме, перенес тиф, отчего ослеп. Уже слепым преподавал обществоведение в школе имени III Коминтерна, а в 1923-1925 гг., будучи на Украине, в г. Бердичеве, читал лекции в совпартшколе по подлитономии и истории партии. Сожалеемся, что это весьма похвально для слепого человека да еще с "домашним" (начальным) образованием. Правда, сам Тузовский в автобиографии без должной скромности укаывает, что имеет среднее образование, "полученное в революционных кружках и широчайшей начитанностью".

В 1925 г. в журнале "Сибирские огни" (NN 4-5) появилась его книжка "Занялся рабочим". В том же году она вышла отдельным изданием в Сибкрайиздате. "Книжка, - по отзыву рецензента В. И. Шемелева, - несмотря на схематичность и непроработанность в некоторых частях, знакомит нас с жизнью рядового революционера-рабочего, изведанного и казавшего плети, и сибирские тюрьмы при двух режимах и нашелшего, наконец, свое место в советской политико-просветительской работе..."

К сожалению, водились за Тузовским и неблагоприятные поступки. В краевом госархиве хранится его заявление-донос в горком ВКП(б) на члена артели "Краевед" А. П. Панина. Панин пригласил у себя родственника из деревни и даже выхлопотал ему коммунальную квартиру. А родственник оказался кулаком-лишенцем и не имел права проживать в коммунальных домах! "Панин как партиз не сообщил о кулаке-родственнике ни парткому, ни советским органам, ни коллективу".

Бюлеститель партийной чести вскоре был приговорен к трем годам тюремного заключения за сожительство с несовершеннолетней. Правда, через два с небольшим нес-

на его освобождения, учти, видимо, низкородность (слевету) и революционные заслуги...

Незаслуженной фигурой среди "пятогодников" был Николай Трофимович Изаимченко, крестьянин из Курской губернии. У себя на родине он отказался идти на военную службу, был посажен в тюрьму, затем сослан в Березов, где едва не погиб. В его судьбе принял участие Л. Н. Толстой. В Барнауле Изаимченко организовал подпольный кооператив "Спечка", за что вновь оказался в тюрьме, откуда был выслан в Мариинский уезд Томской губернии, а оттуда - в Примурье; там и там занимался организацией кооперативов. В Барнаул вернулся в 1925 г. наполовину парализованным, что неудивительно: за годы скитаний потерял жену (расстреляна), сына (сошел с ума) и дочь (сторепа). Но не ожесточился, остался добрым, отзывчивым, кристально честным. "Этому человеку сказать хоть малейшую неправду нельзя", - отзывались о нем одни из барнаульцев. Умер Н. Т. Изаимченко в 1926 г.

Немало интересного можно было бы рассказать о членах артели И. Л. Симанине, М. К. Попове, Г. И. Никитине, А. А. Ярежском, И. Я. Нешумове и др. Теперь эти люди забыты или почти забыты, а тогда их хорошо знали в городе.

2

Для добывания средств на краеведческую работу члены артели решили заняться книжной торговлей на коммиссионных началах. Издательства Москвы, Ленинграда и прежде всего Сибкрайиздат охотно пошли им навстречу, дали скидку 20-30 процентов и даже наняли на себя пересылку.

Первые два года торговля шла бойко, прибыли хватало на аренду лавки, жалование приказчику, бумагу, перепечатку и пр. В газете "Красный Алтай" начали появляться статьи за подписями "Красвед", "Пятогодник" или инициалами. Полной фамилией члены артели почему-то подписываться избегали. Даже книжку "Барнаульские памятники" (1926) издали без указания фамилий авторов.

О необычной артели вскоре узнали на Урале, в Москве, Ленинграде. По просьбе московского общества политкаторжан им была послана павда с воспоминаниями "пятогодников". Оттуда специально приезжал секретарь

Общества В. И. Николаев, чтобы на месте познакомиться с работой артели. С этой же целью в Барнауле побывал и представитель Ленинградского музея революции 1905 г. Главному геологическому комитету (Ленинград) был выслан список полезных ископаемых края. Существенную помощь члены артели оказали С. П. Швецову в сборе материалов для его работы "Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири", опубликованной в журнале "Каторга и ссылка" (1928 г., NN 3, 4, 10, 11). Для редакции уральской газеты "Пчела" был подготовлен, по ее просьбе, обзор истории овладения на Алтае с 70-х гг. XIX в. В 1929 г., по предложению крайсовпрофа и крайкостарта, был составлен исторический обзор зарождения и действия профсоюзов Барнаула по каждой профессии отраслью. Несомненный интерес для исследователей представляет подробная хроника событий в Барнауле с 1917 по 1925 гг.

В краевом госархиве хранятся (к сожалению, разбросанные по разным фондам) материалы "пятогодников" по горному делу, крестьянским волнениям, нарваному образованию, истории и этнографии Горного Алтая и др. Вся эта огромная работа, по словам Тузовского, была проделана в 1925-1929 гг. Значительная часть ее выполнена Семеновым.

Золотой век артели "Красвед" длился недолго. Уже с конца 1927 г. спрос на книги стал падать, и 1 марта 1928 г. книжную лавку пришлось закрыть. Артель лишилась источника средств для краеведческой работы. Собранный материал не на что было даже перепечатать, его просто складывали в шкаф. И, похоже, крайкостарт уже не проявлял к нему прежнего интереса. Не удивительно, что стал пропадать интерес к краеведческой работе и у многих "пятогодников". Еженедельные шумные собрания в начале 1930 г. сошли на нет. Однако худшие времена для артели "Красвед" были впереди. Но об этом чуть ниже.

3

В середине 1933 г. Тузовский, по бездействию Семенова, установил связь с директором Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики (ныне ЦГАЛИ) В. Д. Бонч-Бруевичем. Только связь эта принесла алтайскому краеведению не пользу, а несомненный вред. Надеюсь, читатель согласится со мной, когда

прочитает письма Бонч-Бруевича Тузовскому (привожу их с некоторыми сокращениями).

28 августа 1933 г.

Многоуважаемый Петр Николаевич!

Мне сообщили, что у Вас имеются письма покойного Изюмченко. Ввиду того, что мы занимаемся изучением той эпохи, когда жил Изюмченко, а также потому, что у нас уже собрано много его писем, мы будем Вам очень благодарны, если Вы пришлете нам все письма Изюмченко, которые у Вас есть, а также и других лиц, подобных Изюмченко. За все эти материалы мы заплатим...

8 октября 1933 г.

... Мне было очень приятно видеть, что Вы так пристально занимаетесь краеведением, постепенно собираете большое количество рукописей, извлекая их из разных мест. Нам интересуют материалы, касающиеся истории литературы, общественной мысли, искусства, быта. Фотографию Изюмченко пришлите, она интересна, а также все групповые фотографии, которые у Вас имеются. Пришлите фото Волковского (очевидно, декабриста - В. Г.) и прочие фотографии, касающиеся революционных движений, начиная с 1895 г., о которых Вы мне пишете.

Письма Изюмченко прошу выслать. Меня очень заинтересовал список найденных рукописей различных авторов, который у Вас имеется. Я советовал бы Вам эти рукописи целиком и полностью прислать мне. Мы бы все эти материалы рассмотрели, ознакомились с обратной почтой выслали бы деньги...

27 октября 1933 г.

... Вновь найденные Вами письма Изюмченко, которые он направлял А. В. Луначарскому и Л. Н. Толстому, конечно, сейчас же присылайте. И вообще прошу Вас перейти от слов к делу. Все, что имеется, сейчас же высылайте посылками в мой личный адрес... Очень прошу Вас не откладывать и не медлить, а высылать все как можно скорее...

26 ноября 1933 г.

... Очень важно отметить подлинное письмо Толстого, Луначарского... Приложите к этому списку больше старинки; пожалуйста, напишите в артель (Тузовский в это время был в Новосибирске - В. Г.) и извлеките оттуда

все эти и прочие материалы; там они не нужны, а нам они очень нужны". (Подчеркнуто мною - В. Г.)

А, может, Бонч-Бруевич был прав? Он-то знал, как в угаре классовой ненависти к "проклятому прошлому", а больше по невежеству рунатся, разбазариваются ценнейшие памятники истории и культуры. Не отставал от других и Барнаул...

15 февраля 1934 г.

... Я очень благодарен Вам, что Вы так энергично принялись за разнашивание материалов, принадлежавших Изюмченко. Это очень хорошо. Так как Вы входите в президиум совета Барнаульского музея, буду Вам очень благодарен, если Вы обратите внимание на то, что находится в этом музее из литературного наследия различных писателей... Если в музее и архиве рукописи Геблера, Кастрена, Радлова, Гмелина, Менье никому не нужны и ими там никто не занимается, то нельзя ли нам прислать их все в наш музей... Книжки с этих документов не стоит снимать, лучше их прислать в подлинниках, а мы здесь все разберем и что будет интересно для науки, напечатать...

19 марта 1934 г.

Постановлением экспертной комиссии ЦМЛ у Вас приобретены материалы Изюмченко, Давыковой (3), Казанского, фото и др., всего 41 №, за 200 рублей. Если у Вас имеется еще что-нибудь по интересующим нас вопросам, будем Вам чрезвычайно благодарны за дальнейшую доставку материалов...

13 апреля 1934 г.

... Сообщаем, что переведенные Вам 200 рублей распределяются следующим образом: материалы Семьянова и коллекция ветеранов революции - 25 руб., Давыковой - 18 руб., Казанского - 25 руб., Тузовского - 25 руб., Изюмченко - 97 руб., 4 фото (Казанский, Курзин, Гуркин, омские писатели) - 10 руб. Итого - 200 рублей (4).

Комментировать эти торговые сделки считаем излишним...

4

Вернемся немного назад. К 1931 г. численность артели уменьшилась. Тузовский и Никитин уехали, Изюмченко, Симаян, Шуванов умерли, некоторые отошли от кра-

ведения. Собственно, активных "зтиков" осталось пятеро: П. Е. Семьянов, М. К. Попов, С. Ф. Меньшиков, А. А. Яренский, С. В. Суворов. Средства на краеведение по-прежнему не было, а богатейшими прозвять старики не хотели. И решили переключиться на политико-воспитательную работу по линии МОПР (5) и Союза воинствующих безбожников. 25 августа 1931 г. они преобразовали артель в "Общество ветеранов революции 1905 г.", выработали новый устав, которым члены Общества обязывались изучать марксистско-ленинскую теорию, активно участвовать в партийном просвещении и антирелигиозной пропаганде; упомянуто было и о краеведении, но несколько. Не будем на осуждать с высоты наших нынешних прозрений. Давно ли оно у нас наступило?

Крайлистарт устав не утвердил. Его заведующий В. Д. Вегман ответил, что в стране уже существуют "Общество старых большевиков", "Общество бывших политкаторжан и ссыльпоселенцев" и новое - излишне. Он порекомендовал барнаульцам примкнуть к местному бюро краеведения в качестве историко-революционной секции, наладить связь с аналогичной секцией при Новосибирском обществе краеведения и работать по заданиям крайлистарта и крайлистпрофа.

Но "пятигодники" поступили несколько по-иному. 27 октября 1931 г. они оформились в "Коллектив общежития ветеранов революции 1905 г. дома имени В. К. Штильке". Занятий краеведением не оставили, только заниматься этим становилось все труднее.

"Собранный материал выслать не можем, - писал Семьянов в крайлистарт. - Бумагу приобретаем за дикую цену на барахолке, на перепечатку нет средств, а требуют за нее по 6 руб. лист..."

Было время - им давали заказы, просили, теперь же Семьянов чуть не навязывает крайлистарту ценные воспоминания А. А. Яренского о крестьянских волнениях на Алтае, крестьянина из с. Валасихи Я. И. Сиворонова о подпольной социал-демократической организации в селе, основанной, по его словам, В. К. Штильке в 1884 г., и также ряд других материалов, которых в крайлистарте нет.

К добрым делам "пятигодников" надо отнести и то, что они возбуждали ходатайство перед местными и республиканскими властями о сохранении дома В. К. Штильке

как исторического памятника. В нем родился идея создания Общества посвящения о начальном образовании в Барнауле, размещались некоторое время Зайцевская школа, городская общественная (ныне крошечная) библиотека, находились принят политсмыслы, позже была звонкая квартира подпольного комитета РСДРП; в августе 1918 г., вскоре после контрреволюционного переворота, состоялась подпольная конференция большевиков, возродившая подпольный комитет; в 1918-1919 гг. находились культурно-просветского Алтайского края и редакция журнала "Сибирский рассвет"... Но их голос не был услышан. Дом Штильке постигла участь многих исторических памятников Барнаула.

5

Черные дни для краеведов настали не только на Алтае. С усилением тоталитарного режима началась фальсификация истории страны, особенно революционной: приукрашивались, вытаскивались одни факты, имена, замалчивались другие, непомерно раздувалась роль Сталина и его угодников. В такой обстановке старания краеведов восстановить правдивую картину минувших событий становились ненужными и даже вредными для режима. И от них стали избавляться. В 1935 г. были ликвидированы Общество старых большевиков и бывших политкаторжан, закрыты их журналы "Старый большевик", "Каторга и ссылка"; еще раньше разогнано "Общество изучения Сибири и ее производительных сил", а руководители Общества репрессированы как "враги народа": та же участь постигла редакцию "Сибирской советской энциклопедии", оборванной на 3-м томе.

В Барнауле в мае 1931 г. было ликвидировано Алтайское отделение "Общества изучения Сибири..." (бывший отдел Географического общества); вместо него создано Барнаульское бюро краеведения, но оно незаметно распалось, ибо работать в нем стало некому: один за другим были арестованы лучшие краеведы В. И. Верещагин, А. П. Велижанин, Н. М. Вторых, П. А. Казанский. Та же участь 7 февраля 1938 г. постигла и П. Е. Семьянова. 25 февраля он скончался в тюремной больнице... XIII том "Алтайского сборника", уже подготовленный к печати, был заархивен. Таким образом, судьба артели "Краевед" - лишь малое звено в цепи беззастенчивых, постигших кра-

сводов страны. Членам артели еще повезло: они избежали репрессий...

Уже говорилось, что их работы не свободны от недостатков. Сказались недостаточная грамотность, классовая зашоренность. Но скромный вклад в копилку знаний об Алтае они внесли, чем облегчили труд позднейшим исследователям, а потому вполне заслуживают, чтобы помнить их добрым словом...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ветпарт - комиссия по истории Октябрьской революции в РКП/Б/ после отъезда местных бюро в республиках, краях, областях. В 1928 г. свята с институтом В. И. Ленина.

2. В 1930 г. дан был перевод членам артели в жилищно-бытовое хозяйство.

3. Левакин Сергей Курлович (1878-1933) - поэт, драматург, активный сотрудник газеты "Красный Алтай". Написал 12 пьес. В основном они были вестями и дуэты того времени, они шли на сценах рабочих клубов Барнаула, некоторые издали в Москве и Ленинграде. В 1929 г., в связи с тяжелым заболеванием, уехал в Петербург, где и умер. На Алтае остались жена, два сына и дочь.

4. В декабре 1933 г. Тузовской получила она перевод на 100 руб. за рукопись, фотографии и книги.

5. МОИП (Международная организация помощи борцам революции). Существовал в 1922-1947 гг. Оказывал помощь жертвам белого террора, борцам против фашизма.

6. В статье исследованы файлы 132, P-352 Государственного архива Алтайского края.

А. Д. КУНГУРОВ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. Д. КОПЫТОВА

В 1918 г. в Бийске открылся Алтайский народный университет, при котором существовал небольшой естественно-исторический кабинет. Основой экспозиции этого кабинета являлись находки Михаила Диановича Копытова - энтузиаста-краеведа, археолога-любителя, первооткрывателя палеолита Алтая. В дальнейшем коллекции М. Д. Копытова становятся основой археологического отдела созданного в 1920 г. Бийского советского народного музея, а сам Михаил Дианович становится научным сотрудником музея и работает там до 1931 г. (1, 2). До 1920 г. М. Д. Копытов жил в с. Фоминском и занимал должность сельского писаря. Увлечение археологией у него началось в начале XX в., в связи с находками в осеях обского берега около села древних предметов. В ряде работ при-

видались писарем М. Д. Копытовым эти находки (3-5), на мой взгляд, стоило их привести еще раз. Все описания взяты из рукописи М. Д. Копытова, хранящейся в архиве Бийского музея (6). В 1908 г. бакежанком на р. Обь, примерно в 2 км ниже с. Фоминского, по течению, после обвала берега, был найден плот из брезна диаметром 5-10 сантиметров с обожженными концами. Бревна были связаны между собой таловыми прутьями. Спустя год М. Д. Копытов обследовал место находки. Над плотом залегал 10-метровый слой дровина. Считая находку очень древней, М. Д. Копытов обратился к властям г. Бийска с просьбой оказать ему помощь в раскопках плота, однако, "кроме насмешек никакой помощи не получила" (6, с. 20). После этого М. Д. Копытов посчитался сам раскопать находку, но случился обвал берега, окончательно ее разрушивший. Естественно, плот не являлся достаточно древней находкой, т. к. в условиях аллювиальных отложений бортовых террас дерево сохраняется плохо. Скорее всего рекой эта находка была "замыта" в обрыв и затем вновь обжарена. Но с другой стороны древнее дерево, датированное радиоуглеродным методом, неоднократно встречалось в обрывах Оби и Бии (7).

В 1911 г. крестьянином с. Фоминское при копании колодца на глубине 6,5 м в глине был обнаружен очаг, также обследованный М. Д. Копытовым. По его словам, почва под очагом сильно прожарена из-за длительного воздействия огня. Копытов искренне верил, что его находка относится к "делювальному периоду" и датируется ранним палеолитом. Как подтверждение своим наблюдениям и рукописи он приводит и ряд других открытий. В 1912 г. в 20 км от Бийска, к юго-западу, на высокой ("Бийской") древнечетвертичной террасе в 5 км от русла Оби М. Д. Копытов нашел стоянку каменного века. В пещере он собрал пять кремневых наконечников стрел лавровидной формы, восемь ножевидных пластин и отщепы. На основании удаленности памятника от современного русла и, как казалось краеведу, грубости изделий, он отнес находки к палеолиту. Сейчас нам ясно и по высокому уровню заготовки изделий (т. к. они найдены на пещере) и по присутствию наконечников стрел, что найденный М. Д. Копытовым комплекс предметов относится к концу каменного века - началу эпохи металла. Летом 1912 г. в районе Фоминского на оконечности "Бийской" террасы в 400 м от Оби М. Д. Копытов нашел

настоящую палеолитическую стоянку, сейчас известную как "Фоминская" (1-3). Материал с нее представлен следующими предметами: "1 кремневый оббитый работы клинок очень изящной работы, 6 кремневых наконечников стрел, закругленной клинообразной формы и 2 орудия из продолговатых голышей с заостренными одними концами очень грубой работы" (6, с. 21). Поданос М. Д. Копытов не раз посещал памятник и собирал в разрушенных каменных изделиях. Он сравнивал свои находки с палеолитическими изделиями Европы и датировал их шельвской, мустьерской и солзтрейской эпохами. Часть предметов в 1914 г. М. Д. Копытов отослал в Нью-Йоркский естественно-исторический музей (6, с. 21), а в 1928 г. в Америке они были опубликованы (8). В эти же годы Копытов провел сборы каменных орудий в устье р. Иткуль (с. Савиново) - небольшой тепловидный бифас (Рис. 1-1), наконечник стрелы (Рис. 1-4), пластина с ретушью (Рис. 1-3), скребок (Рис. 1-2), типичный крупный размер (колл. А/811). Памятник, ныне утраченный, как и предыдущие, но имеющий хорошую привязку к устью реки, вошел в сводку палеолитических памятников Н. А. Берговой (9). Справедливости ради следует отметить два момента. Во-первых, материал с устья Иткули выглядит довольно поздним (наконечник стрелы, техника обработки пластины и скребка находят аналогию в поселениях раннего металла, прежде всего на поселении Комарово-1, расположенного в нескольких десятках километров выше устья Иткули на его правом берегу (10). Во-вторых, р. Иткуль впадает не в р. Обь, как указывает Н. А. Берговая, а в р. Чемровка в районе с. Савиново. Этот памятник М. Д. Копытов обнаружил во время поездки в с. Соколовское (Соколово), для обследования места, где в 1906 г. рабочими при рытье ям был найден человеческий череп (6, с. 23).

Менее известны в литературе открытия в районе Фоминского М. Д. Копытовым поселения и могильника эпохи неолита, энеолита и бронзового века, которые он считал также палеолитическими, на основании встречающихся там каменных изделий.

В 1910 г. в с. Фоминское М. Д. Копытов собрал с "неолитической мастерской" (6, с. 33) до 100 наконечников стрел, 30 наконечников стрел, 10 топоров, 3 ножей, "56 других различных домашних предметов".

"В 1917 г. на правом берегу реки Оби, в трех верстах от села Фоминского, около кордона N 9 Бийского лесничества, на 60 футов выше уровня р. Оби на глубине 2 аршин в древнеречном аллювиальном отложении мною был обнаружен скелет женщины. Кости лежали на левом боку головой к востоку, левая рука была подложена под голову и в нее был вложен кремневый оббитый нож, а под головой находились кремневые острые пластинки определенной формы. Кроме этих вещей при ней найден пояс из круглых перламутровых пластинок и ожерелье из речных раковин" (6, с. 22). Поданос в этом же месте М. Д. Копытовым раскопано еще три захоронения, ориентированные головой на восток. Скелеты лежали также на левом боку, а сопровождали их кремневые изделия, в том числе ножи. В 1918 г. 4 человеческих черепа из указанного могильника, найденные при них украшения и орудия М. Д. Копытов передал в музей Томского университета (6, с. 25).

В 1917 г. около кордона N 9 Бийского лесничества (на том же могильнике?) "близ неолитических землянок" при раскопке найден скелет человека, который был "задет сохой", т. е. залетал неглубоко. С погребением, находящимся, по словам М. Д. Копытова, "в раскопанном состоянии" (?) (6, с. 34) найден полированный топор и кремневая игла. Там же при обвале берега у с. Акутика собраны каменные и бронзовые орудия, оружие и другие предметы: (15 рыболовных каменных грузил, 1 костяной гарпун, 2 костяных наконечника стрел и 1 кремневый колющий предмет", керамика, кости животных и рыб. "На остатках сосудов заметны следы сплава меди" (6, с. 34). В 1920 г. М. Д. Копытов обследовал поселение у с. Пильное на Бии. "С одной стороны от реки Бии идет высокий каменный утес, из камня песчаника, а с другой глубокой лог... Здесь и расположены по прямой линии в один рядок 22 землянки. Каждая землянка имеет в квадрате не свыше 2-х метров и глубиной около 1 метра. Это поселение местные крестьяне называют "городищем". В 1920 году в с. одним из местных крестьян с. Пильное произвел предварительные раскопки в канаве (ров - А. К.) в трех землянках. Разведки показали следующее: что в землянках очагов для огня не было, и как в самих землянках, так и около их угля, золы и черепков от битой посуды не было обнаружено..." (6, с. 32). В этом же году ниже по течению Бии в с. Енисейском Копытов

собрал 50 каменных предметов. По-видимому, уже в 1920 г. М. Д. Копытов обнаружил известную Нижнесивейскую стоянку (1-5). В 1924 г. М. Д. Копытов обследовал древнее поселение в с. Быстрый Исток, где собрал 12 кремневых наконечников стрел, а редею стоянки зафиксировал "следами погребения умерших" (курганы? - А. К.) (6, с. 23).

Кроме поиска артефактов и новых памятников М. Д. Копытов занимался популяризацией знаний и одним из первых на Алтае поднимал вопросы охраны археологических памятников.

23 февраля 1919 г. в помещении музея Алтайского народного университета состоялось общее собрание членов Общества любителей природы, на котором был зачитан доклад члена Общества М. П. Донарского "Об археологических раскопках, произведенных сельским писарем М. Д. Копытовым в окрестностях с. Фоминского, Петропавловской волости, Бийского уезда" (11). Доклад сопровождался демонстрацией археологических коллекций, приведенных докладчиком от М. Д. Копытова и хранящихся в музее. М. П. Донарский считал себя специалистом-археологом, видимо, поэтому Михаил Диланович сам доклад не читал. Выводы доклада свелись к тому, что в районе с. Фоминского "последовательно сменялись ряд "доисторических культур" - палеолит, неолит, бронзовый и железный века. Членам Общества любителей природы показались невероятным присутствие памятников различных эпох на такой ограниченной территории и они подвергли большому сомнению обобщение и конечные выводы. "...Вероятнее всего предположить, что мы имеем здесь дело с западной смешанной культурой инородцев и культурой заимствованной" (11, с. 2). Но тем не менее слушатели высоко оценили "энергичную работу" М. Д. Копытова и отметили, что представленные коллекции "представляют значительный местный интерес, имеют и известное научное значение" (11, с. 2). В 1922 г. в Бийск приехал известный исследователь каменного века М. К. Ауэрбах и оляковился с коллекциями М. Д. Копытова, однако палеолитического возраста каменных орудий, к огорчению красавца, не признал. Однако Копытов энтузиазма и активности в поисках древних памятников не потерял, но при его жизни палеолитический возраст находок так и не был признан. Только в 1936 г., спустя пять лет после его гибели, Г. П. Со-

сновский доказал палеолитический возраст фоминской и нижнесивейской стоянки (2).

В 1930 г. М. Д. Копытов поднял вопрос об охране археологических памятников в своей работе "Методы археологических изысканий" (12). Видимо, эта работа была сделана им по заказу властей, т. к. на ней стоит печать Бийского окружного исполнительного комитета за 22/IX 1930 с. N 726. В этой работе М. Д. Копытов описывает типы археологических памятников, их признаки на местности, поясняет методы их поиска, объясняет принципы датирования. В заключении он пишет: "В настоящее время на многих поселениях и могильниках производится распушка, курганы и насыпи сохною уже сравнены с верхней почвой и стали для нас неизвестны" (12, с. 5). Стоит ли говорить, что это замечание более чем полувековой давности также актуально и сейчас, когда распушка ведется не "сохною", а мощнейшими плутами. В архиве БКМ хранятся списки памятников (14), обнаруженных М. Д. Копытовым и известные ему из других источников. Многие из них (см. приложение) сейчас нам не известны по ряду причин: 1. Неточность указания их местонахождения; 2. Разрушение памятников естественными силами - паводки, раздувы, осми (как это случилось с рядом могильников и стоянок около с. Фоминского); 3. Разрушение памятников строительством, распушкой и т. п. После приезда в Бийск С. М. Сергеева, занимавшего должность директора БКМ, М. Д. Копытов активно включился в археологические работы под его руководством. Вместе они обехали большую часть памятников, известных Копытову, предприняли ряд археологических раскопок (13). Однако жизнь М. Д. Копытова закончилась трагически, по злой вронии судьбы к этому причастны его навадки эпохи палеолита. Спустя 18 лет после отъезда в США части коллекции с Фоминской стоянки, М. Д. Копытов в 1932 г. получил по почте перевод из Нью-Йоркского Естественно-исторического музея (несколько сот долларов). Видимо, это часть выручки музея от демонстрации коллекций с Алтая. М. Д. Копытов в марте 1932 г. получил эти деньги в Бийске, и, когда он возвращался в Фоминское, его ограбили и жестоко избили. Видимо, посчитав жертву неопасной, грабители бросили Михаила Дилановича в одной рубашке на снегу. Однако он пришел в себя и сумел добраться до дома. Вскоре, видимо по доносу, Копытов был арестован и длительное время содержался

в Бийской тюрьме. В архиве БКМ сохранились черновки его ходатайства об освобождении с описанием всего случившегося. После освобождения М. Д. Копытов, уже больной и сломленный человек, прожил недолго и вскоре умер. Б. Х. Кадиков, длительное время бывший сотрудником и директором БКМ, бывал в с. Фоминском, беседовал о Копытове с местными жителями, осматривал его дом, который после смерти хозяина отдал под детский сад. Однако ни остатков коллекции, ни богатейшей библиотеки красавца ему найти уже не удалось. По словам старожилов, книги долгое время хранились на чердаке, но "лежали в сухе". Спустя некоторое время, всю библиотеку, а возможно, и коллекцию, куда-то вывезли и выбросили. Следует только пожалеть, что М. Д. Копытов безвременно ушел из этого мира. Это был высокообразованный и эрудированный человек. Он выписывал и перерабатывал многие издания по археологии и первобытной культуре Европы и России, был в курсе новейших открытий того времени, знал материалы археологических памятников Сибири (Томская стоянка, Афостова гора, "Царь-Девича" и т. п.) и Дальнего Востока, ориентировался в вопросах геологии и стратиграфии. Если бы его деятельность продолжалась, то уровень археологического исследования Алтая в наши дни был бы гораздо выше, а многие памятники не были бы утрачены.

**СПИСОК ПАМЯТНИКОВ, СОСТАВЛЕННЫЙ
М. Д. КОПЫТОВЫМ
(АРХИВ БКМ, ДО, Ф. 1, ДЕЛО 3)**

№ п/п	Наименование уезда и населенных пунктов	Указание мест
1	2	3
Список курганов и могильников (каменных баб, спиченых из камня кругов)		
Бийский уезд		
1.	Фоминское	исток р. Обь (слияние Бия и Катунь)
2.	г. Бийск	
3.	Бехтемирское	р. Бия, правый берег.
4.	Большо-Угронское	р. Бия, правый берег.
5.	Нашкин	устье р. Нема.
6.	Соусканово	р. Бия, левый берег.
7.	Ажисское (Дмитровское)	р. Бия, правый берег.
8.	Мирное	

1	2	3
9.	Каробинское (Жаробинка)	р. Нема
10.	Шашит	
11.	Солонское (опис. Солтан)	р. Нема
12.	Бельком	
13.	Нашкин	р. Бия, левый берег.
14.	Красовина	р. Бия, левый берег.
15.	Тарханское	р. Бия, правый берег.
16.	Сросинское (Срестки)	р. Катунь, правый берег.
17.	Катуинское	по р. Коменке.
18.	Колбинка Дамки	по р. Поперечной.
19.	Росинское	по р. Поперечной.
20.	Толуча	по р. Толучей.
21.	Смоловское	по р. Песчаной.
22.	Алуинское (Усть-Алуй)	по р. Песчаной.
23.	Горинское	по р. Горинской.
24.	Ельновское (пос. Ельновка)	по р. Чумань.
Список поселений и металлургических бронзового века		
Бийский уезд		
1.	Чемск	Средняя Катунь.
2.	Узды (Горно-Алтайск. Мабай)	Нижняя Катунь.
3.	Шуджин Ла	Нижняя Катунь.
4.	Каргон	р. Каргон.
5.	Кедровское	по р. Чумань и Кушчу.
6.	Кан (Усть-Кан)	
7.	Тепля	р. Урска.
8.	Кулган	по р. Песчаной.
9.	Арбат	по р. Песчаной.
10.	Солоника	по р. Песчаной.
11.	Бирсуково	по р. Чарын.
12.	Покровка	по р. Чарын.
13.	Быстрый Исток	по р. Чарын.
14.	Волновка	левобережье р. Оби.
15.	Марьяново (Марьяновка)	по р. Чумань.
16.	Братнов (Братин)	по р. Чумань.
17.	Сары-Чумань	р. Сары-Чумань, гора Нам.
18.	Сурый, Чибитская пещера	
19.	Чакрак. Марьянский холм	
Барнаульский уезд		
20.	Нашин	гора Сивиха.
21.	Боревичка (Берковинск)	правобережье р. Оби.

1	2	3
22	Мостовица	правобережье р. Оби
23	Большая Речка (Троицкое)	правобережье р. Оби
24	Жульница	Нижний Чумыш
25	Мирозовка	Нижний Чумыш
26	Копейница	Нижний Чумыш
27	Нечуница	Нижний Чумыш
28	Усть-Большая Речка (Чаусово)	правобережье р. Оби
29	Бобровка	правобережье р. Оби
<p>Список поселений и стоянок первобытного человека, находящихся в селах Вийского и Барнаульского уездов и расположенных в области распространения древних речных элювиальных отложений</p>		
Вийский уезд		
1.	Занка Шарбасова (Шарбас)	верхняя р. Оби
2.	Акутиха	верхняя р. Оби
3.	Солдатки (Солдатово)	верхняя р. Оби
4.	Черенки	Верхняя Обь
5.	Чеканиха	Верхняя Обь
6.	Шатуновской (Шатуновск)	р. Алей
7.	Соколовское (Соколов)	№№ 7-12 расположены по правому берегу р. Итуль и по берегам озера Обского
8.	Кочерово (Кочеров)	берега Обского
9.	Сосновка (Сосновки)	берега Обского
10.	Вершинки (Вершинки)	многие по которым озеро Итуль, в том числе на озере Итуль.
11.	Южков	
12.	Загойнова	
13.	Уткуль	
Барнаульский уезд		
14.	Казанково	правобережье Оби
15.	Васильевка (Василь)	правобережье Оби
16.	Рыбачиха (Рыбачиха)	правобережье Оби
17.	Арданское (Арданское)	Полтав. обл.
18.	Чемче-Ханское (Чинчи)	Новосибирская обл.
19.	Календринки	левобережье Оби
20.	Березы	
21.	Петровское	район Петровских озер в правобережье Оби
22.	Бердяново	
23.	Песчаное	
24.	Ключи	правобережье Оби
25.	Фарсово	правобережье Оби

Описи М. Д. Комарова, хранящиеся в Архиве ВДМ. Значительной части предметов еще нет в музее, возможно, они утеряны в 20-х и начале 30-х годов.

№ п/п	№ из описи	Наименование предмета. Характер предмета	Год находки	Место находки
1	2	3	4	5
1.	23	Медный нож	1916	Предыс. Берез. р. Оби в 4-х верстах от с. Фоминского
2.	24	Медная игла	1920	молельня около г. Вийска
3.	29	2 дротики	1917	с. Фоминское
4.	35	Медный нож	1923	с. Фоминское
5.	41	15 предметов каменного стрел (микролиты с трупоскользящими)	1916-18	с. Фоминское
6.	47	Кременный скребок		с. Фоминское
7.	59	Медный нож (раскопанное древнее городище на "участке" - вышний террасе)	1926	в 8 верстах от с. Фоминского
8.	64-67	10 медных украшений, медный нож, железный нож, железные ушки (связаны с трупоскользящими)	1926	в 3-х верстах от с. Фоминского
9.	70-72	"Глиняная глина" (скульпт. бронзовый браслет и каменные орудия)	1927	о-в Иконкинский
10.	77	Два жерновы	1927	с. Славинское, найденные в овраге Желобинском в овраге
11.	78-83	Железный ножик, железный ушко, медный оловянный стрел, медная скляночка, бронза, бронзовый браслет	1927	с. Фоминское
12.	57	Бронзовая фигурка собаки (найдена в железном ведре)	1916	в 3-х верстах от Фоминского
13.	58	Медные зеркала (древнее поселение на правом берегу Уткуль)	1915	с. Славинское

1	2	3	4	5
14.	59-69	2 стеклянные бусины, 3 медные кольца, 2 медные серьги, 1 серебряная серьга, медная пуговица, бронзовая фигурка птицы, обломок медного грота, 24 бронзовых орехи и ореховые украшения, медная зубочистка (поламид?)	1914-25	в 3-х верстах от Фоминского
15.	70-74	2 железных топора, 12 железных копей, 5 железных пилы, железная шляпка (архонты и конюшники)	1914-25	в 3-х верстах от Фоминского
16.	75	22 железные наконечники стрел	1917-1920 г.	с. Векерово на правом берегу р. Песчаной в 1-й версте от с. Фоминского
17.	131	4 глиняных сосуда из «кажского» месторождения около г. Вийска, раскопаны М. Д. Копытовым	1921	с. Вийск

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ларица В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск, 1972. 42, 413 с.
2. Сосновский Г. П. Палеолитические находки в предгорьях Алтая // Труды Советской геологической ассоциации по-прежнему международно периода. М., Л., 1936. Вып. 2. С. 37-41.
3. Лавини В. И. Вторичные исследования Алтаевского мезолита // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 3-17.
4. Шурман М. В. История изучения палеолита Алтая // Археологическое исследование на Алтае. Барнаул, 1987. С. 9-32.
5. Шурман М. В. Мусьерские памятники межгорных котловин Центральной Алтая. Новосибирск, 1990. 160 с.
6. Копытов М. Д. Алтай и его предгорья в археологическом и этнографическом аспекте // Архив БКМ. ДД. Ф. 2. Д. 7. С. 1-39.
7. Цыганов В. А. Религиозная хронология в доисторических отложениях Предбайкальской равнины. Новосибирск, 1979. 104 с.
8. Jacobsen W. Archaeological investigations in Kanchura. Washington, 1928. 77 p.
9. Березова Н. А. Палеолитические местонахождения СССР. М., 1960. 218 с. (МРА, N 83).
10. Абдулганин М. Г. Последнее Комарово I - новая памятник эпохи раннего мезолита // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 67-80.
11. Протокол N 2 общего собрания Алтайского Общества любителей природы. 22 февраля 1919 г. Вийск // Архив БКМ, Ф. 2. Д. 10. 6 с.
12. Копытов М. Д. Методы археологических исследований // Архив БКМ, 604 инв. N.
13. Кузнецов А. Д. Сербия Мезолитический Сергеев // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. XV. С. 177-184.
14. Сибирские археологические памятники, составленные М. Д. Копытовым // Архив БКМ. ДД. Ф. 1. Д. 2.

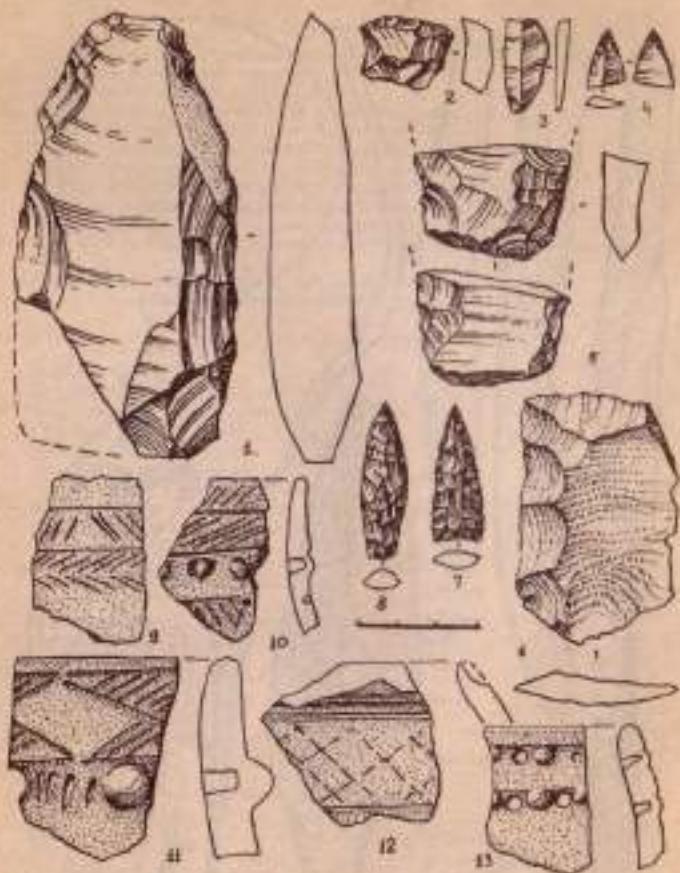
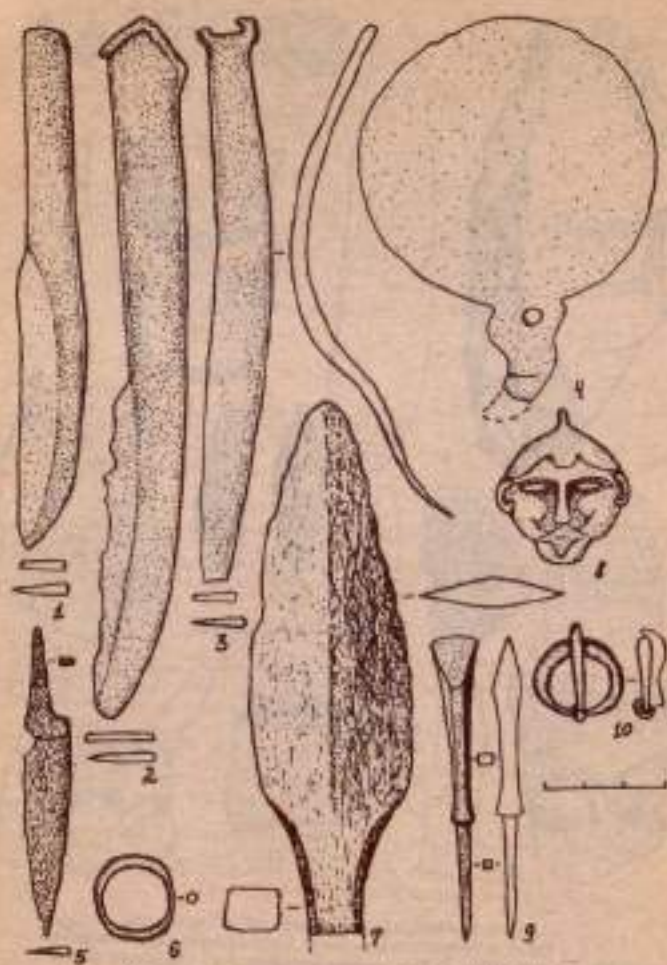

Рис. 1. Некоторые находки М. Д. Копытова: 1-4 - устье р. Иткуль (лиолит); 5-11 - острья Иконниковский (5, 6 - шифелит; 7-8 - иолит-лиолит; 9-11 - подложка бронзы); 12, 13 - пос. Векеровка (6-5 в.в. до н. э.).

Названия этики разных изделий и средневековья
 1, 6, 7, 9, 10 - окрестности с. Черемухи Кура, 2 - пос. Острок 1а;
 3, 5 - пос. Курейка 3; 4 - мог. Суздаль 3; 8 - мог. Калитовка 1)
 1-4, 6, 8, 10 - бронза, остальное железо.

Список принятых сокращений

- АКМ - Алтайский краевой краеведческий музей
 АО - Археологические открытия
 БКМ - Бийский краеведческий музей
 ГААК - Государственный архив Алтайского края
 ГАКО - Государственный архив Кемеровской области
 ГАНО - Государственный архив Новосибирской области
 ГАОО - Государственный архив Омской области
 ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации
 ГАТО - Государственный архив Томской области
 ИРГО - Императорское Русское Географическое общество
 ЗСО РГО - Западно-Сибирский отдел Русского Географического общества
 РГИА - Российский государственный исторический архив
 ЦГАДА - Центральный государственный архив древних актов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Берлин Е. М. - научный сотрудник, АГУ.
 Булгаков Ю. С. - к.и.н., доцент АГУ.
 Веденин С. Д. - ст. лаборант, АГУ.
 Гриняев В. Ф. - археол. г. Барнаул.
 Дрыкин С. Л. - научный сотрудник, АГУ.
 Иванко Г. Е. - директор Черемухинской ст. школы Мамонтовский р-н Алтайского края.
 Кладина В. П. - зав. отделом рукописей Алтайской краевой государственной научной библиотеки им. В. Шанюка.
 Колосников А. А. - археол. директор архива по археологии и этнографии.
 Кунгуров А. Л. - с.и.н., доцент АГУ.
 Мариупольский А. М. - аспирант АГУ.
 Новоселничок Г. Д. - директор музея археологии АГУ.
 Накулина И. Н. - к.и.н., доцент Алтайского гос. технического университета им. Н. Подумкина.
 Неадов Г. А. - к.и.н., с.и.н. Института истории СО РАН, г. Новосибирск.
 Панин П. А. - археол. г. Барнаул.
 Рыженко П. Ф. - археол. Павловский р-н Алтайского края.
 Сергеев А. Д. - к.и.н., археол. г. Барнаул.
 Скубенский В. А. - к.и.н., проф. АГУ.
 Старин А. В. - к.и.н., доцент Института истории СО РАН.
 Степанова Т. М. - к.и.н., доцент АГУ.
 Трубицына О. Н. - к.и.н., доцент Алтайского гос. технического университета им. Н. Подумкина.
 Уманский А. П. - к.и.н., проф. ИГИИ.
 Щеголова Т. К. - к.и.н., доцент ИГИИ.

СОДЕРЖАНИЕ

Сергеев А. Д. О краеведении Алтайского края на современном этапе	3
ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ	
Будягин Ю. С. Основные русские крестьянские базисы реки Битумной Лососи	21
Старцев А. В. Торговые ярмарки в Монголии	44
Скубинский В. А. Казань на Оби в конце XIX - начале XX века	54
Щеглова Т. К. Исторический очерк сел Алтайского края (по итогам работы краеведческой экспедиции на территории Сидовищенского, Паллаевского и Третьковского районов)	67
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	
Никулдина Н. Н. Поляны - участники восстания 1863 г. на Алтае	95
Мариупольский А. М. Виноградники на Алтае в 60-х годах XIX в.	103
Нездрич Г. А. Берские фермеры	113
Павин П. А. Коммуна "Новый свет" и документы и хозяйственные	119
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ	
Калкина Е. П. Библиотека Н. И. Казарина в фондах Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шенюкова	143
Рыженко П. Ф. Праздники, гулянья, песни Приуралья	160
ИМЕНА	
Колесникова А. А. Дмитрий Кобылкин. Езд в Чехию ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ	171
Уманский А. П. Указная грамота Петра Великого о сооружении Благовещенского острова	181
Ворбляк Е. М. Чингизовство Даты во второй половине XVIII века: служба и война	189
Дрицкая С. Д. Новые материалы по Славгородскому восстанию 1918 г.	196
ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ	
Степанская Т. М. Особенности архитектуры сибирских городов-крепостей XVIII - первой половины XIX столетий	205
Рыженко П. Ф. Два памятника гражданской войны в Целинском районе Алтайского края	234
В МУЗЕЯХ КРАЯ	
Незведничнос Г. Д., Ведянин С. Д. Музей археологии Алтайского государственного университета	219
Трудилова О. Н. Общественные музеи Алтай: история становления и развития	244
Иванни Г. Е. Музей истории села Черная Кузьма: обзор экспозиции и фондов	251
КРАЕВЕДЫ АЛТАЯ	
Гришнев В. Ф. Артель "Красиса"	261
Кунгуров А. Л. Научная деятельность М. Д. Копытова	270
Слюсарь В. А. Сокращения	283
Сведения об авторах	283

ПЕНАТЫ
КУЛЬТУРНО-КОММЕРЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Магазин предлагает книги
по всем отраслям знаний:

Философии, религии,
экономике, краеведению,
естественным наукам,
электронике и программированию,
медицине, домоводству и др.

**МНОГООБРАЗЕН ВЫБОР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
И ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**АССОРТИМЕНТ МАГАЗИНА
ОБНОВЛЯЕТСЯ ПОЧТИ ЕЖЕДНЕВНО**

На комиссионных началах принимается для
дальнейшей реализации литература по всем
разделам науки и техники, другие виды печат-
ной продукции, а также грампластинки, аудио-
и видеокассеты, произведения изобразительно-
го искусства.

ПРИГЛАШАЕМ ПОСЕТИТЬ МАГАЗИН

Наш адрес: Барнаул, пр-т Ленина, 85.

Телефоны: 22-20-85, 22-37-98.

Время работы с 10 до 19 час.

Обеденный перерыв с 14 до 15.

Выходной день - воскресенье.

г у р м а н

Ф И Р М А

осуществляет следующие основные виды деятельности:

- изготавливает нестандартное оборудование и различные емкости из черного металла и нержавеющей стали, решетки на окна и двери, металлические двери по заказу клиента;

- реализует быстрорастворимые чаи с добавлением сахара из трав Алтая, изготовленные по оригинальной технологии, не имеющие аналогов в России.

Готова оказать услуги в следующих направлениях:

- изучить рынок спроса на продукцию;
- реализовать продукцию предприятий по коммерческим ценам;
- совершить торгово-посреднические операции по приобретению и обмену продукции.

**Наши постоянные партнеры знают:
ФИРМА "ГУРМАН" - ЭТО ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО ОБСЛУЖИВАНИЯ.**

АЛТАЙСБЕРБАНК - универсальный коммерческий банк для граждан и юридических лиц.

Обслуживание счетов в рублях
и инвалюте.

Операции с ценными бумагами
и обслуживание
акционерного капитала предприятий.

Вложение средств
в перспективные проекты.

Самая широкая сеть учреждений,
оказывающих весь необходимый
спектр банковских услуг.

г. Барнаул,
ул. Горно-Алтайская, 14, т/факс 774674
Операционное управление:
ул. Пролетарская, 65. Тел. 24-66-72.

АЛТАЙСКИЙ СБОРНИК
Выпуск XVI

Сдано в набор 1.04.94 г.
Подписано в печать 9.11.94 г.
Формат бумаги 60x84 1/16. Бумага газетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Объем 18,25 печ. л.
Тираж 2500. Заказ 5383
ГИИИ "Алтай".